

Джордано Бруно

О БЕСКОНЕЧНОСТИ, ВСЕЛЕННОЙ И МИРАХ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО,
НАПИСАННОЕ ЗНАМЕНИТЕЙШЕМУ
СИНЬОРУ МИКЕЛЮ ДИ КАСТЕЛЬНОВО,
СИНЬОРУ ДИ МОВИСЬЕРО, КОНКРЕСАЛЬТО И ДИ ЖОНВИЛЛЯ,
КАВАЛЕРУ ОРДЕНА ХРИСТИАННЕЙШЕГО КОРОЛЯ,
СОВЕТНИКУ ЕГО ТАЙНОГО СОВЕТА,
КАПИТАНУ 50 СОЛДАТ И ПОСЛУ У СВЕТЛЕЙШЕЙ КОРОЛЕВЫ АНГЛИИ

Если бы я, знаменитейший кавалер, владел плугом, пас стадо, обрабатывал сад или чинил одежду, то никто не обращал бы на меня внимания, немногие наблюдали бы за мной, редко кто упрекал бы меня, и я легко мог бы угодить всем. Но я измеряю поле природы, стараюсь пасти души, мечтаю обработать ум и исследую навыки интеллекта — вот почему кто на меня смотрит, тот угрожает мне, — кто наблюдает за мной, нападает на меня, — кто догоняет меня, кусает меня, — кто меня хватает, пожирает меня; и это не один или немногие, но многие и почти все. Если вы хотите понять, откуда это, то я вам скажу, что причиной этого окружение, которое мне не нравится, чернь, которую я ненавижу, толпа, которая не удовлетворяет меня; я влюблен в одну, и благодаря ей я свободен в подчинении, доволен в муках, богат в нужде и жив во смерти; благодаря ей я не завидую тем, которые являются рабами в свободе, мучаются в наслаждениях, бедны в богатствах и мертвы в жизни; ибо в теле они имеют цель, которая их связывает, в духе — ад, который их угнетает, в душе — заблуждение, которое их заражает, в мысли — летаргию, которая их убивает; и нет великодушия, которое их освободило бы, долготерпения, которое их возвысило бы, сияния, которое их осветило бы, знания, которое их оживило бы. Отсюда происходит то, что я не отступаю, подобно усталым, с крутого пути; и, подобно тоскующим, я не отказываюсь от дела, которое мне представляется; и, подобно отчаявшимся, я не поворачиваюсь спиной к неприятелю, который противостоит мне; подобно заблуждающимся, не отворачиваю очей от божественного предмета; а между тем меня большей частью считают софистом, который больше стремится казаться тонким, чем быть правдивым; честолюбцем, который больше стремится основать новую и ложную секту, чем подтверждать старую и истинную; искусителем, который добывает блеск славы, распространяя тьму заблуждений, беспокойным умом, который опрокидывает

здания здравых дисциплин и создает орудия разврата. Поэтому, синьор, пусть святые божества уничтожат всех тех, которые несправедливо ненавидят меня, пусть будет ко мне всегда благосклонным мое божество, пусть будут ко мне благоприятными все правители нашего мира, пусть звезды приготовят такой посев для поля и такое поле для посева, чтобы из моего труда выросли полезные и славные плоды для мира, которые раскрыли бы дух и пробудили бы чувства у лишенных света; я ж, конечно, не измышляю чего-либо и если и заблуждаюсь, то не думаю на самом деле, что заблуждаюсь; когда я говорю или пишу, то спорю не из любви к победе самой по себе (ибо я считаю всякую репутацию и победу враждебными Богу, презренными и лишенными вовсе чести, если в них нет истины), но из любви к истинной мудрости и из стремления к истинному созерцанию я утомляюсь, страдаю и мучаюсь. Это докажут убедительные аргументы, которые зависят от живых оснований, которые происходят от упорядоченных чувств, которые получают сведения не от ложных образов, но от истинных, отделяющихся от природных предметов, подобно верным посланцам; они представляются наличными для тех, кто их ищет, открытыми для тех, кто на них смотрит, ясными для тех, кто их изучает, достоверными для тех, кто их понимает. И вот я вам представляю мои соображения о бесконечности, вселенной и бесчисленных мирах.

* *

Мой путь уединенный к тем селеньям,
Куда ты помысл свой уже простер,
Уводит к бесконечности — с тех пор,
Как жизнь сравнял с искусством и уменьем.

Там возродись; туда взлети пареньем
Двух резвых крыл, меж тем как, вперекор
Тебе, надменный рок закрыл простор
Пред целью, милой вновь твоим стремленьям.

Ступай отсель; да обретешь приют
Достойнейший; да будет твой водитель
Тот бог, кого слепым слепцы зовут.

Да будут духи, коими обитель
Небес полна, приветливы с тобой!
Не возвращайся лишь — коль ты не мой!

* *

Уйдя из тесной, сумрачной пещеры,
Где заблужденье век меня томило,
Там оставляю цепи, что сдавила
На мне рука враждебная без меры.

Низвергнуть в ночь отныне вечер серый
Меня не сможет — мощь, что покорила
Пифона, чьею кровью окропила
Поверхность вод, попрала власть Мегеры.

Тебя благодарю, мой свет небесный;
К тебе стремлюсь, мой голос благородный;
Тебе вручаю сердце я с любовью,
Рука, исторгшая меня из бездны,
Приведшая меня в чертог свободный,
Больной мой дух вернувшая здоровью.

* *

Кто дух зажег, кто дал мне легкость крылий?
Кто устранил страх смерти или рока?
Кто цепь разбил, кто распахнул широко
Врата, что лишь немногие открыли?

Века ль, года, недели, дни ль, часы ли
(Твое оружие, время!) — их потока
Алмаз и сталь не сдержат, но жестокой
Отныне их я не подвластен силе.

Отсюда ввысь стремлюсь я, полон веры,
Кристалл небес мне не преграда боле,
Рассекши их, подьёмлюсь в бесконечность.

И между тем, как все в другие сферы
Я проникаю сквозь эфира поле,
Внизу — другим — я оставляю Млечность.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

СОБЕСЕДНИКИ:

Эльпин, Филотей, Фракасторий, Буркий¹

Эльпин. Каким образом возможно, что вселенная бесконечна?

Филотей. Каким образом возможно, что вселенная конечна?

Эльпин. Думаете ли вы, что можно доказать эту бесконечность?

Филотей. Думаете ли вы, что можно доказать ее конечность?

Эльпин. Какова ее протяженность?

Филотей. Каков ее предел?

Фракасторий. К делу, к делу, если хотите доставить удовольствие; вы слишком долго тянете.

Буркий. Начните скорей рассуждать, Филотей, потому что мне доставит развлечение выслушать эти басни или фантазии.

Фракасторий. Будь скромней, Буркий; что ты скажешь, если истина в конце победит тебя?

Буркий. Я не желаю верить, чтобы это оказалось истиной; ибо невозможно, чтобы моя голова поняла эту бесконечность, а мой желудок переварил ее; хотя, сказать правду, я бы желал, чтобы дело обстояло так, как говорит Филотей, ибо если бы, к несчастью, я упал с этого мира, то всегда очутился бы на каком-либо другом месте.

Эльпин. Конечно, Филотей, если мы хотим сделать чувство судьей или уступить ему то, что ему подобает, а именно, что всякое познание берет начало от него, то мы найдем, что нелегко найти средство доказать то, что ты говоришь, а скорее наоборот. Но, пожалуйста, приступите к объяснению.

Филотей. Чувство не видит бесконечности, и от чувства нельзя требовать этого заключения; ибо бесконечное не может быть объектом чувства; и поэтому тот, кто желает познавать бесконечность посредством чувств, подобен тому, кто пожелал бы видеть очами субстанцию и сущность; и кто отрицал бы эти вещи потому, что они нечувственны или невидимы, тот должен был бы отрицать Собственную субстанцию и бытие. Поэтому должно быть известное правило относительно того, чего можно требовать от свидетельства чувств; мы их допускаем только в чувственных вещах и то не без подозрения, если только они

не входят в суждение, соединенное с разумом. Интеллекту подобает судить и отдавать отчет об отсутствующих вещах и отдаленных от нас как по времен», так и по пространству. А относительно их мы имеем достаточно убедительные свидетельства чувства, которое неспособно противоречить разуму и, кроме того, очевидно сознается в своей слабости и неспособности судить о них ввиду ограниченности своего горизонта, в образовании которого чувство признает себя непостоянным. И вот, поскольку мы знаем по опыту, что оно нас обманывает относительно поверхности этого шара, на котором мы находимся, то тем более мы должны относиться к нему с подозрением, когда вопрос идет о пределе этого звездного свода.

Эльпин. К чему же нам служат чувства? Скажите.

Филотей. Только для того, чтобы возбуждать разум; они могут обвинять, доносить, а отчасти и свидетельствовать перед ним, но они не могут быть полноценными свидетелями, а тем более не могут судить или выносить окончательное решение. Ибо чувства, какими бы совершенными они ни были, не бывают без некоторой мутной примеси. Вот почему истина происходит от чувств только в малой части, как от слабого начала, но она не заключается в них.

Эльпин. А в чем же?

Филотей. Истина заключается в чувственном объекте, как в зеркале, в разуме — посредством аргументов и рассуждений, в интеллекте — посредством принципов и заключений, в духе — в собственной и живой форме.²

Эльпин. Изложите нам ваши основания.

Филотей. Я это сделаю. Если бы мир был конечным, а вне мира не было ничего, то я спрашиваю: где же мир? где вселенная? Аристотель отвечает: мир в себе самом. Выпуклость первого неба есть место вселенной; а оно, как первое объемлющее, не заключается в другом объемлющем, ибо место есть не что иное, как поверхность и край объемлющего тела³; вот почему то, что не заключается в объемлющем его теле, не имеет и места. Но что ты хочешь сказать, Аристотель, говоря об этом «месте в самом себе»? Что ты подразумеваешь под «вещью вне мира»? Если ты скажешь, что там нет ничего, тогда небо, мир, конечно, не находятся ни в какой части.

Фракасторий. Мир, следовательно, не будет нигде. Все будет ни в чем.

Филотей. И мир будет некоторой вещью, которой нет. Если ты скажешь (ибо мне кажется достоверным, что ты хочешь сказать нечто для того, чтобы избежать пустоты и небытия), что вне мира имеется разумное и божественное Существо, так что Бог есть место всех вещей, то ты сам сильно запутаешься,

чтобы заставить нас понять, каким образом бестелесная, умопостигаемая и не имеющая измерений вещь может быть местом измеримой вещи. Если ты скажешь, что Бог охватывает мир как форма, подобно тому как душа охватывает тело, то ты не ответишь на вопрос относительно «вне мира» и о том, что находится по ту сторону вселенной и вне ее. Если ты хочешь извинить себя, сказав, что там, где нет ничего, нет и никакой вещи, нет также и места «по ту сторону» и «вне», то ты меня этим не удовлетворишь, ибо это слова и извинения, которые не могут быть понятны. Ибо действительно невозможно, чтобы, опираясь на какое-либо чувство или фантазию (если бы даже оказались другие чувства и другие фантазии), ты мог заставить меня утверждать с действительным разумением, что имеется некоторая поверхность, некоторый край, некоторая конечность, за пределами которой нет ни тела, ни пустоты; также и бот, поскольку Божество существует не для того, чтобы заполнять пустоту, и, следовательно, не имеет отношения к ней, не может каким-либо образом ограничивать тело; ибо все, что ограничивает тело, есть или внешняя форма, или содержащее его тело. И во всех смыслах, что бы вы ни сказали, приходилось бы считать, что вы наносите ущерб достоинству божественной и вселенской природы.

Буркий. Конечно, я думаю, следовало бы сказать ему, что если кто-либо протянет свою руку за пределы этой выпуклости, то она не будет в каком-либо месте или в какой-либо части и, следовательно, перестанет существовать.

Филотей. Прибавлю к этому, что нет ума, который не считал бы, что это перипатетическое изречение не заключают в себе противоречия. Аристотель определил место не как объемлющее тело и не как определенное пространство, но как поверхность объемлющего тела; а затем первое, главное и важнейшее место таково, что к нему меньше всего или же совсем не подходит такое определение. Оно есть выпуклая поверхность первого неба или же поверхность тела, причем является поверхностью такого тела, которое только содержит, но само не содержится ни в чем. Но если такая поверхность есть место, то она не объемлется телом, а объемлет собою тело. Если она — поверхность объемлющего тела, не соединена с объемлемым им телом и не составляет его продолжения, она есть место, в котором ничего не помещается, принимая во внимание, что первому небу не подобает быть местом, если не считать вогнутой поверхности, которая касается выпуклой стороны второго неба. Вот в какой степени это определение пусто, смутно и уничтожает само себя. К этой путанице присоединяется еще то неудобство, что Аристотель за пределами неба ничего не помещает.

Эльпин. Перипатетики скажут, что первое небо есть тело объемлющее благодаря своей вогнутой поверхности, а не выпуклой и, следовательно, согласно этому является местом.

Фракасторий. А я прибавлю, что, следовательно, имеется поверхность объемлющего тела, которая не является местом.

Филотей. В общем итоге, переходя прямо к предложению Аристотеля, я нахожу смешным утверждение, что вне неба не существует ничего и что небо существует в себе самом, причем оно занимает место акцидентально и является местом акцидентально⁴, то есть посредством своих частей. А под его «акцидентальным» можно понимать все что угодно; однако благодаря этому обстоятельству ему не удастся избежать того, что из одного получается два, ибо объемлющее всегда отличается от заключенного в нем; согласно ему самому, они отличаются друг от друга в такой степени, что объемлющее бестелесно, а заключенное в нем телесно, объемлющее неподвижно, а заключенное в нем подвижно, объемлющее имеет математический характер, а заключенное в нем физический. Пусть даже будет эта поверхность чем угодно, я все же буду постоянно спрашивать: что находится по ту сторону ее? Если мне ответят, что ничего, то я скажу, что там существует пустое и порожнее, не имеющее какой-либо формы и какой-либо внешней границы, а ограниченное лишь по сию сторону. И это гораздо более трудно вообразить, чем мыслить вселенную бесконечной и безмерной. Ибо мы не можем избежать пустоты, если будем считать вселенную конечной. Посмотрим теперь, подобает ли этому пространству быть таким, в котором не заключается ничего. В этом бесконечном пространстве находится эта вселенная (я не занимаюсь пока тем, происходит ли это случайно, или вследствие необходимости, или благодаря Провидению). Я спрашиваю: более ли приспособлено содержать мир это пространство, которое содержит мир, чем другое пространство, которое находится вне его?

Фракасторий. Мне определенно кажется, что нет; ибо там, где нет ничего, нет никакого различия; там же, где нет различия, не может быть и различия способностей; и, может быть, вообще нет никаких способностей там, где нет ничего.

Эльпин. И тем не менее, там может быть нелепость. И из этих двух уж скорее нелепо первое предположение, чем второе.

Филотей. Вы говорите правильно. Таким же образом и я утверждаю, что пустое и порожнее (которое необходимо утверждается этим положением перипатетиков) не приспособлено к тому, чтобы принять мир, а тем более выталкивать его. Но из этих двух способностей мы только одну видим в действительности, другую же мы не можем видеть в действительности, а только очами разума. Следовательно, подобно тому как в этом равном по величине миру пространстве, которое называется платониками материей,⁵ существует этот мир, так и другой мир может быть в другом пространстве и в бесчисленных других пространствах, равных этому и находящимся по ту сторону его.

Фракасторий. Конечно, мы можем более уверенно судить по сходству с тем, что мы видим и познаем, чем по противоположности тому, что мы видим и познаем. Следовательно, поскольку мы видим и убеждаемся на опыте, что вселенная не кончается и не ограничивается пустым и порожним и тем, о чем у нас нет никаких сведений, мы должны заключать в согласии с разумом, что она бесконечна; ибо если даже все другие доводы одинаковы, то мы видим, что опыт противоречит пустому, а не полному. Говоря это, мы всегда окажемся правыми, но утверждая противоположное, мы с трудом избежим тысячи обвинений и затруднений. Продолжайте дальше, Филотей.

Филотей. Итак, рассматривая бесконечное пространство, мы познаем с уверенностью, что оно способно принять тело, и не познаем ничего иного. Для меня всегда будет достаточно, что оно не питает отвращения к этому, по крайней мере по той причине, что там, где нет ничего, нечего и отвергать. Теперь остается рассмотреть, подобает ли всему пространству быть полным или нет. И здесь, рассматривая его как со стороны того, чем оно может быть, так и со стороны того, что оно может делать, мы всегда найдем, что не только разумно, но и необходимо, чтобы оно было полным. Для того чтобы это стало очевидно, я спрошу у вас, хорошо ли, что этот мир существует?

Эльпин. Очень хорошо.

Филотей. Следовательно, хорошо, чтобы это пространство, которое равно по объему миру (которое я могу назвать пустым, похожим и безразличным по отношению к пространству, которое, согласно твоему мнению, есть ничто по ту сторону выпуклости первого неба), было также полным.

Эльпин. Правильно.

Филотей. Далее, я тебя спрашиваю: полагаешь ли ты, что, подобно тому как в этом пространстве находится эта машина, называемая миром, она может существовать в другом пространстве кроме этого?

Эльпин. Я скажу да, ибо не вижу, каким образом мы можем утверждать различие между одним и другим в небытии и в пустом.

Фракасторий. Я уверен, что ты видишь, но не осмеливаешься утверждать, ибо ты понимаешь, куда это тебя приведет.

Эльпин. Утверждай это уверенно; ибо необходимо говорить и думать, что этот мир существует в пространстве; это пространство, если бы не было мира, было бы безразлично к тому, что находится по ту сторону вашего первого двигателя.

Фракасторий. Продолжайте дальше.

Филотей. Следовательно, подобно тому как это пространство, вследствие того что оно содержит это тело вселенной, может, могло и необходимо должно быть совершенным, как ты это утверждаешь, так может и могло быть не менее совершенным всякое другое пространство.

Эльпин. Я согласен, но что из этого? «Может быть», «может иметь» — значит ли это, что оно есть? Значит ли это, что оно имеет?

Филотей. Я сделаю то, что, если ты захочешь чистосердечно признаться, ты должен будешь сказать, что может быть, и должно быть, и есть. Ибо, подобно тому как было бы плохо, если бы данное пространство не было наполнено, то есть если бы не было этого мира, точно так же было бы не менее плохо, если бы все пространство, поскольку оно не отличается от данного, не было бы наполнено; следовательно, вселенная будет бесконечна по размерам, и миров будет бесчисленное множество.

Эльпин. Какова причина того, что их столько и что недостаточно одного мира?

Филотей. Но если бы было плохо, чтобы не было этого мира или же полного, то это же рассуждение может быть применено не только к данному пространству, но и к другому пространству, равному этому.

Эльпин. Я говорю, что это было бы плохо по отношению к тому, что существует в этом пространстве, но которое могло бы безразлично находиться в другом пространстве, равном этому.

Филотей. Все это, если ты будешь внимательно рассматривать, сводится к одному. Ибо добротность этого телесного бытия, которое существует в этом пространстве или могло бы существовать в другом, равном ему, служит основанием и относится к добротности и совершенству, которые могут быть в таком пространстве, как это, или в другом, равном ему; но она не относится к тому, что может быть в бесчисленных других пространствах, подобных этому. Тем больше есть оснований, чтобы существовало хорошее конечное и совершенное ограниченное, но еще больше оснований, чтобы существовало хорошее бесконечное; ибо, в то время как конечное хорошо лишь в условном смысле и согласно разуму, бесконечное хорошо согласно абсолютной необходимости.

Эльпин. Бесконечное Благое, конечно, есть, но оно бестелесно.

Филотей. Мы согласны относительно того, что касается бесконечного бестелесного. Но почему не может быть в достойнейшем смысле хорошим и бытие телесное бесконечное? Что мешает тому, чтобы Бесконечное, заключающееся в неразвернутом виде в простейшем и неделимом Первом Начале, скорее существовало в развернутом виде в этом своем бесконечном и

беспредельном подобии, в высшей степени способном содержать бесчисленные миры, чем в этих столь тесных краях? Таким образом, оказывается достойным порицания тот, кто не думает, что это тело, которое нам кажется столь обширным и великим, в присутствии Божества не более чем точка, даже нуль.

Эльпин. Подобно тому как величие Божества никоим образом не состоит в телесных измерениях (я допускаю, что мир ничего не прибавляет к нему), точно так же мы не должны думать, что величие его образа состоит в большем или меньшем объеме измерений.

Филотей. Вы говорите очень хорошо, но не касаетесь самой сути моих рассуждений; ибо я настаиваю на бесконечном пространстве, и сама природа имеет бесконечное пространство не вследствие достоинства своих измерений или телесного объема, но вследствие достоинства самой природы и видов тел; ибо бесконечное превосходство несравненно лучше представляется в бесчисленных индивидуумах, чем в тех, которые исчислимы и конечны. Поэтому необходимо, чтобы существовало бесконечное подобие недоступного Божественного Лица, в каковом подобии находились бы как бесконечные члены бесчисленные миры, каковы суть другие миры. Поэтому ввиду бесчисленных степеней совершенства, в которых разворачивается в телесном виде Божественное бестелесное превосходство, должны быть бесчисленные индивидуумы, каковыми являются эти громадные живые существа (одно из которых эта Земля, божественная Мать, которая родила и питает нас и примет нас обратно), и для содержания этих бесчисленных миров требуется бесконечное пространство. Подобно тому, следовательно, как хорошо то, что может существовать и существует этот мир, не менее хорошо и то, что могли, и могут быть, и существуют бесчисленные миры, подобно этому.

Эльпин. Мы скажем, что этот конечный мир с этими конечными звездами содержит совершенство всех вещей.

Филотей. Вы можете это сказать, но не доказать; ибо мир, который существует в этом конечном пространстве, содержит совершенство всех тех конечных вещей, которые существуют в этом пространстве, но не тех бесконечных, которые могут быть в других бесчисленных пространствах.

Фракасторий. Пожалуйста, остановимся и не будем поступать подобно софистам, которые спорят только для того, чтобы победить и, в то время как они смотрят на пальму победителя, мешают себе и другим понять истину. Но я думаю, что нет такого своенравного упрянца, который злостно отрицал бы, что ввиду бесконечной емкости пространства и совершенства многих из этих бесконечных миров, которые могут быть не хуже постигнуты, чем познаваемый нами мир, каждый из них имеет основание существовать соответствующим образом. Ибо бесконечное пространство имеет бесконечную способность, а в этой бесконечной способности достойна восхваления бесконечная деятельность

существования; благодаря ей нельзя считать недостаточной действующую бесконечность; благодаря ей эта способность не остается тщетной. Позвольте же, Эльпин, выслушать другие доводы, если они имеются у Филотея.

Эльпин. Я вижу хорошо, говоря по правде, что если считать мир, который вы называете вселенной, беспредельным, то это не влечет за собой никаких затруднений и только освобождает нас от бесчисленных трудностей, которые связаны с противоположным утверждением. В особенности я признаю, что мы вместе с перипатетиками часто говорим такие вещи, которые не имеют никакого основания в нашем разумении; так, например, после того как мы отрицали пустоту как вне, так и внутри вселенной, мы, тем не менее, желаем ответить на вопрос, где находится эта вселенная, и говорим, что она существует в своих частях, из боязни утверждать, что она не находится ни в каком месте; но это значит утверждать, что она нигде. Но нельзя отрицать, что таким образом необходимо признать, что части находятся в каком-либо месте, а вселенная не находится ни в каком месте и ни в каком пространстве; но это признание, как всякий видит, не может иметь никакого разумного основания, но явным образом обозначает лишь упорную увертку для того, чтобы не признать бесконечности мира и вселенной или же бесконечного пространства; но из этих обоих положений следуют двойные затруднения для тех, кто их поддерживает. Я утверждаю, следовательно, что если все есть тело, притом сферическое, а следовательно, ограниченное и имеющее фигуру, то необходимо признать, что оно ограничено в бесконечном пространстве; и если мы желаем утверждать, что в нем существует ничто, то необходимо согласиться, что существует истинная пустота; пустота, если существует, имеет не меньше основания находиться во всем, чем в той части, которую мы считаем способной содержать этот мир; если же пустоты нет, то все должно быть полным, а вселенная, следовательно, бесконечна. И не менее нелепо утверждать, что мир должен быть где-либо, сказав, что кроме него нет ничего и что он находится в своих частях, как если бы кто-либо говорил, что Эльпин находится где-либо, так как кисть его руки находится в руке, глаз — в глазной впадине, ступня — в ноге, голова — на туловище. Но, подходя к заключению и не желая вести себя подобно софисту, обращающему свое внимание на мнимые трудности и тратящему свое время в болтовне, я утверждаю то, чего не могу отрицать, а именно что в бесконечном пространстве могут быть бесконечные миры, подобные этому, или же что эта вселенная способна содержать многие тела, подобные этим, называемым звездами; и еще что (будут ли эти миры подобны нашему миру или нет) бытие их было бы благом, с не меньшим основанием, чем бытие других; ибо бытие другого имеет не меньше основания, чем бытие одного, бытие многих — чем бытие того и другого и бытие бесконечных — чем бытие многих. Подобно тому как было бы зло уничтожение и небытие этого мира, точно так же не было бы благом небытие бесчисленных других.

Фракасторий. Вы объясняете очень хорошо и доказываете понятным образом те доводы, согласно которым вы не являетесь софистом, ибо соглашаетесь с тем, чего нельзя отрицать.

Эльпин. Но я хотел бы услышать, что остается от доводов относительно Начала и вечной действующей Причины: подобает ли ей подобного рода бесконечное действие и действительно ли существует подобного рода действие?

Филотей. Это то, что я должен был добавить. Ибо после того, как мы установили, что вселенная должна быть бесконечной благодаря способности и расположению бесконечного пространства и благодаря возможности и сообразности бытия бесчисленных миров, подобных этому, — остается теперь доказать это, с одной стороны, из обстоятельств действующей Причины, которая произвела такую вселенную или, говоря правильнее, всегда производит ее таковою, и, с другой стороны, из условий нашего способа познания, ибо легче делать заключение, что бесконечное пространство подобно этому, которое мы видим, чем утверждать, что оно таково, что мы не можем представить себе ни примера его, ни подобия, ни размеров и не можем вообразить себе его каким-либо способом, который не разрушал бы самого себя. Начнем теперь сначала: почему мы желаем или можем думать, что Божественная Деятельность пуста? Почему, принимая во внимание, что всякая конечная вещь является ничем по отношению к бесконечности, мы желаем утверждать, что Божественная Благодать, которая может сообщаться бесконечным вещам и может разливаться в бесконечности, желает быть скудной и ограничивается ничем? Почему вы желаете, чтобы этот центр Божества, который может бесконечным образом расширяться в бесконечный шар (если можно так выразиться), подобно завистнику, оставался скорее бесплодным, чем делал бы себя доступным для других и становился бы плодотворным и прекрасным Отцом? Почему вы предпочитаете, чтобы он открывался все в меньшей степени или, говоря правильнее, совсем не открывался, чем согласно своему славному Могушеству и Бытию? Почему должна быть тщетной бесконечная способность, нарушена возможность бесконечных миров, которые могут быть? Почему должно быть ущемлено превосходство Божественного Образа, который должен блистать больше во встречном зеркале и согласно бесконечному и безмерному роду своего бытия? Почему мы должны утверждать то, что, будучи допущенным, влечет за собой столько затруднений и разрушает столько философских начал, не благоприятствуя ни в какой степени законам, религии, вере или нравственности? Каким образом ты хочешь, чтобы Бог был ограниченным как по своему могуществу, так и по своей деятельности и по своему действию (что является в нем одной и той же вещью), чтобы он был пределом выпуклости сферы, а не, если можно так выразиться, неограниченным пределом неограниченной вещи? Я говорю о пределе без границ для того, чтобы отметить разницу между бесконечностью Бога и бесконечностью Вселенной; ибо он весь бесконечен в свернутом виде и целиком, Вселенная же есть все во всем (если можно говорить обо всем там, где нет ни частей, ни конца) в развернутом виде и

не целиком^б; ибо один имеет смысл предела, а другая — определенного, не вследствие разницы между конечным и бесконечным, но вследствие того, что один бесконечен, а другая — завершающаяся согласно тому, что целокупное бытие во вселенной, будучи бесконечным все, тем не менее не целокупно бесконечно; ибо бесконечность, имеющая измерения, не может быть целокупно бесконечной.

Эльпин. Я желал бы это лучше понять. Поэтому вы мне сделаете удовольствие, если объясните, что такое «все во всем целокупно» и что такое «все во всем бесконечном» и «целокупно бесконечное».

Филотей. Я называю Вселенную «целым бесконечным», ибо она не имеет края, предела и поверхности; но я говорю, что Вселенная не «целокупно бесконечна», ибо каждая часть ее, которую мы можем взять, конечна и из бесчисленных миров, которые она содержит, каждый конечен. Я называю Бога «целым бесконечным», ибо он исключает из себя всякие пределы и всякий его атрибут един и бесконечен; и я называю Бога «целокупно бесконечным», ибо он существует весь во всем мире и во всякой своей части бесконечным образом и целокупно в противоположность бесконечности Вселенной, которая существует целокупно во всем, но не в тех частях (если их, относя к бесконечному, можно называть частями), которые мы можем постигнуть в ней.

Эльпин. Я понимаю. Продолжайте дальше ваши рассуждения.

Филотей. Согласно всем тем соображениям, благодаря которым мы говорим, что достойно, хорошо и необходимо принимать этот мир конечным, мы должны считать достойными и хорошими все другие бесчисленные миры; и бытию их, согласно тем же соображениям, всемогущество не завидует; без них всемогущество, оттого ли, что не желало, или оттого, что не могло их иметь, было бы унижено вследствие того, что допустило бы пустоту; или если не желаешь сказать «пустота», то необходимо было бы принять бесконечное пространство; принимая же пустоту, мы не только лишаем Сущее бесконечного совершенства, но и отнимаем у Действующей Причины сотворенных вещей, если они сотворены, или зависящих, если они вечны, ее бесконечное действительное величие. Согласно каким соображениям мы должны верить, что Деятельное Начало, которое может сделать бесконечное Благо, делало лишь конечное? А если оно его делало конечным, то почему мы должны верить, что оно его могло сделать бесконечным, поскольку в нем совпадают возможность и действительность? Ибо оно неизменно, в его деятельности и силе нет случайности, но от определенной и известной деятельности неизменным образом зависит определенное и известное действие. Вот почему это Деятельное Начало не может быть другим, чем оно есть; не может быть таким, каким оно не есть; не может быть другим, нежели тем, чем оно может быть; не может желать иного, чем оно желает, и необходимым образом не может делать

иного, чем то, что оно делает, ибо только изменчивым вещам подобает иметь возможность, отличную от действительности.

Фракасторий. Конечно, то, что никогда не было, не есть и никогда не будет, не является носителем возможности или потенции; и действительно, если Первая Действующая Причина не может желать иначе, чем она желает, то она и не может делать другого иначе, чем она делает. И я не понимаю, каким образом некоторые говорят о бесконечной активной Мощи, которой не соответствует бесконечная пассивная Мощь, и что первая делает одним и конечным то, что она может делать в бесчисленном количестве, в бесконечном и в безмерном; ибо ее деятельность необходима, поскольку она происходит от такой Воли, которая, будучи в высшей степени неизменной, есть даже сама Неизменность и сама Необходимость. Вот почему на самом деле являются одним и тем же Свобода, Воля и Необходимость, а кроме того деятельность и хотение, возможность и бытие.

Филотей. Вы соглашаетесь и говорите прекрасно. Таким образом, необходимо признать одно из двух: или то, что Действующее Начало, от которого зависит бесконечное действие, будет признано причиной и началом безмерной Вселенной, содержащей бесчисленные миры; это «а влечет за собой никаких неудобств, все даже вытекает соответствующим образом, согласно науке, законам и вере; или же Действующее Начало, поскольку от него зависит конечная вселенная с этими мирами (которые суть звезды) в определенном количестве, будет признано, активной и определенной потенцией, подобно как его акт конечный и определенный, ибо каков акт, такова и воля и такова потенция.

Фракасторий. Я, таким образом, дополню и расположу в порядке пару силлогизмов. Первое действующее Начало, если бы оно желало делать иное, чем то, что оно желает делать, могло бы делать иное, чем то, что оно делает; но оно не может желать делать иное, чем то, что оно желает делать; следовательно, оно не может делать иное, чем то, что оно делает. Следовательно, кто говорит о конечном действии, полагает конечными и деятельность и потенцию. Кроме того, что сводится к тому же, Первое действующее Начало не может делать иное, как только то, что желает делать; не желает делать иное, как только то, что делает; следовательно, оно не может делать иное, как только то, что делает. Следовательно, тот, кто отрицает бесконечное действие, отрицает бесконечную потенцию.

Филотей. Эти силлогизмы если и не являются простыми, зато доказательны. Во всяком случае я хвалю то, что некоторые достойные теологи их не допускают; ибо, предусмотрительно рассуждая, они знают, что грубые и невежественные народы, принимая эту необходимость, не понимают, каким образом с нею могут совмещаться свободный выбор, достоинства и заслуги, воздаваемые по справедливости; поэтому, доверяя Фатуму или отчаиваясь в нем, они с

необходимостью становятся преступными. Так иногда известные извратители законов веры и религии, желая казаться мудрыми, заражали столько народов и делали их более варварскими и преступными, чем они были раньше, презирающими добрые дела, уверенными в себе при всех своих пороках и злодействах благодаря заключениям, которые они извлекают из подобных предпосылок. Поэтому утверждение противоположного мудрецами не приводит к такому соблазну и не наносит такого ущерба Божественному величию и превосходству, в какой степени то, что истинно, опасно для гражданского обращения и противоречит цели законов, не потому, что оно истинно, а потому, что оно бывает плохо понято как теми, которые злонамеренно его толкуют, так и теми, которые неспособны понять истину без ущерба для нравов⁷.

Фракасторий. Правильно. Никогда не было философа, ученого и честного человека, который под каким-либо поводом и предлогом пожелал бы доказать на основании такого предложения необходимость человеческих действий и уничтожить свободу выбора. Так, среди других Платон и Аристотель, полагая необходимость и неизменность Бога, тем не менее полагают моральную свободу и нашу способность выбора; ибо они хорошо знают и могут понять, каким образом могут совместно существовать эта необходимость и эта свобода. Однако некоторые истинные отцы и пастыри народов отрицают это положение и другие, подобные им, может быть, для того, чтобы не дать повода преступникам и совратителям, врагам гражданственности и общей пользы выводить вредные заключения, злоупотребляя простотой и невежеством тех, которые с трудом могут понять Истину и скорее всего склонны ко злу. Они легко простят нам употребление истинных предложений, из которых мы не хотим извлечь ничего иного, кроме истины относительно природы и превосходства Творца ее; и они излагаются нами не простому народу, а только мудрецам, которые способны понять наши рассуждения. Вот почему теологи, не менее ученые, чем благочестивые, никогда не осуждали свободы философов, а истинные, вежливые и благонравные философы всегда благоприствали религии; ибо и те и другие знают, что вера требуется для наставления грубых народов, которые должны быть управляемы, а доказательства — для созерцающих Истину, которые умеют управлять собой и другими.

Эльпин. Относительно этого заявления мы сказали достаточно. Вернитесь теперь к нашему предмету.

Филотей. Возвращаясь к нашим выводам, я говорю, что если в Первом действующем Начале есть бесконечное Могущество, то оно есть также Деятельность, от которой зависит вселенная, имеющая бесконечную величину и заключающая миры в бесконечном числе.

Эльпин. То, что вы говорите, если не содержит в себе истины, то является очень убедительным. Но то, что мне кажется весьма правдоподобным, я буду утверждать как истинное, если вы сумеете разрешить один важнейший

аргумент, заставивший Аристотеля отрицать бесконечную Божественную Потенцию в интенсивном смысле, хотя он и признавал ее в экстенсивном смысле. Основание его отрицания было то, что, поскольку в Боге совпадают потенция и акт, он, имея возможность двигать бесконечно, двигал бы бесконечно с бесконечной Силой; а если бы это было верно, то небо должно было бы вращаться во мгновение; ибо если более сильный двигатель движет скорее, то сильнейший движет сильнее всего, а бесконечно сильный движет мгновенно. Основанием же его утверждения было то, что Бог вечно и равномерно движет Первое Движимое⁸ в соответствии с той пропорцией и мерой, с которой он его движет. Ты видишь теперь, вследствие каких соображений он приписывает Богу экстенсивную бесконечность, но не абсолютную и интенсивную⁹. Из чего я хочу заключить, что, подобно тому как его бесконечная двигательная Потенция ограничена в акте движения согласно конечной скорости, таким же образом та же самая Потенция делать безмерные и бесчисленные миры ограничена его волею делать конечное и определенное число миров. Примерно то же утверждают некоторые теологи, каковы, допуская экстенсивную бесконечность, с которой Бог последовательно сохраняет движение вселенной, кроме того принимают интенсивную бесконечность, с которой он может делать бесчисленные миры, двигать бесчисленные миры, двигать в одно мгновение каждый из них и все их вместе; но все же они считают, что он ограничивает своей волей количество бесчисленных миров и качество интенсивнейшего движения. И подобно тому как это движение¹⁰, которое происходит от бесконечной потенции, тем не менее признается конечным, точно так же и число мировых тел легко может быть признано определенным.

Филотей. Этот аргумент в действительности являет вид большей убедительности, чем всякий другой; относительно него было сказано достаточно, когда доказывалось, что согласно ему Божественная Воля регулирует, модифицирует и ограничивает Божественную Потенцию. Но из этого вытекают бесчисленные затруднения, по крайней мере согласно философии; я опускаю теологические принципы, которые также не допускают, чтобы Божественная Потенция была больше, чем Божественная Воля или Благость, и вообще чтобы один атрибут подходил к Божеству в большей степени, чем другой.

Эльпин. Но почему же в таком случае они говорят таким образом, хотя и не думают так?

Филотей. Вследствие недостатка терминов и убедительных соображений.

Эльпин. Но вы, имеющие особые принципы, благодаря которым вы утверждаете одно, а именно, что Божественная Потенция бесконечна в интенсивном и в экстенсивном смысле и что акт не отличается от потенции, и что вследствие этого вселенная бесконечна и имеются бесчисленные миры, и в то же время не

отрицаете другого, что в действительности каждая из звезд, или из сфер, как тебе угодно называть, движется во времени, а не в мгновение, — докажите нам, какими терминами и какими доводами вы можете подкрепить ваши убеждения или уничтожить убеждения тех, которые принимают обратное тому, что принимаете вы.

Филотей. Согласно тому доводу, в силу которого вы должны обратить внимание, во-первых, на то, что, поскольку Вселенная бесконечна и неподвижна, не нужно искать ее двигателя. Во-вторых, бесконечные миры, содержащиеся в ней, каковы земли, огни и другие виды тел, называемые звездами, все движутся вследствие внутреннего Начала, которое есть их собственная Душа, как мы это доказали в другом месте¹¹, и вследствие этого напрасно разыскивать их внешний двигатель. В-третьих, эти мировые тела движутся в эфирной области, не прикрепленные или пригвожденные к какому-либо телу в большей степени, чем прикреплена эта Земля, которая есть одно из этих тел; а о ней мы доказываем, что она движется несколькими способами вокруг своего собственного центра и Солнца вследствие внутреннего жизненного инстинкта. Принимая подобного рода предпосылки, согласно нашим принципам, мы не должны доказывать ни активного движения, ни пассивного движения, обладающих бесконечно интенсивной силой; ибо движущееся и двигатель бесконечны, и движущая душа и движимое тело совпадают в едином конечном предмете; это относится, утверждаю я, ко всякой из вышеназванных мировых звезд. Таким образом, Первое Начало не то, которое движет; но оно, будучи спокойным и неподвижным, сообщает возможность двигаться бесконечным и бесчисленным мирам, большим и малым живым существам, расположенным в обширнейшей области вселенной, из которых каждый, согласно условиям собственной силы, имеет различные степени подвижности и другие признаки.

Эльпин. Вы значительно укрепили свои позиции, но не отвергайте благодаря этому систему противоположных мнений. Они все исходят из знаменитого общепринятого предположения, что Наилучшее и Наивеличайшее движет все. Ты же говоришь, что оно лишь сообщает движение всему, что движется, и поэтому движение происходит согласно силе ближайшего двигателя. Конечно, мне кажется более разумным и подходящим твое утверждение, чем общее мнение; но всякий раз, когда вы говорите о Душе мира и о Божественной Сущности, которая есть все во всем, наполняет все и находится более внутренним образом в вещах, чем их собственная сущность, ибо она есть Сущность сущности, Жизнь жизнью, Душа душ, — мне тем не менее кажется, что мы можем в не меньшей степени говорить, что она движет все, чем то, что она сообщает всему движение¹². Вот почему раз возникшие сомнения кажутся укрепившимися в своих основаниях.

Филотей. И в этом случае я могу вас легко удовлетворить. Я говорю, таким образом, что в вещах следует рассматривать, если вам так угодно, два активных

начала движения: одно — конечное, согласно основанию конечного предмета, и это движет во времени; другое — бесконечное, согласно основанию Души мира, или же Божества, которое есть как бы Душа души, все во всем и заставляет душу быть всей во всем, и оно движет мгновенно. Земля, следовательно, имеет два движения. Таким образом, все тела, которые движутся, имеют два начала движения; из них Бесконечное Начало это то, которое движет и двигало все вместе, откуда, согласно этому основанию, подвижное тело не в меньшей степени весьма устойчиво, чем весьма подвижно. Как это видно из настоящей фигуры (рис. 1), которая обозначает Землю, она движется мгновенно, поскольку имеет двигатель бесконечной силы. Она движется своим центром от А до Е и возвращается от Е до А; это совершается в одно мгновение, причем она одновременно находится в А и в Е и во всех промежуточных местах; она одновременно отправилась и возвратилась; и поскольку это всегда происходит таким образом, то и получается, что дна всегда устойчива. Подобным же образом дело происходит относительно движения ее вокруг центра, где восток обозначен I, юг — V, запад — К, а север — О; каждая из этих точек вращается с бесконечною скоростью в силу бесконечного импульса, и поэтому она одновременно отправилась и возвратилась; вследствие этого она остается всегда неподвижной и есть там, где она была. Таким образом, в заключение, движение этих тел вследствие бесконечной силы — то же самое, что и неподвижность их; ибо двигаться мгновенно и не двигаться — это одно и то же. Остается, следовательно, другое активное начало движения, которое происходит от внутренней силы и вследствие этого происходит во времени и в определенной последовательности; это движение отличается от покоя. Вот каким образом мы можем говорить, что Бог движет все, и как мы должны понимать то, что он дает движение всему, что движется.¹³

Эльпин. Теперь, когда вы столь возвышенно и убедительно разрешили эту трудность, я действительно согласен с вашим суждением и надеюсь, кроме того, всегда получать от вас подобного рода разрешения; ибо, хотя я до сих пор мало общался с вами и мало спрашивал вас, тем не менее я достаточно воспринял и понял и надеюсь в будущем иметь еще больше успеха; ибо, хотя я не понял полностью вашего духа, но из света, который он излучает, я замечая, что он заключает внутри себя солнце или даже еще более крупное светило. И с сегодняшнего дня я предлагаю вам, не в надежде победить вас, а с намерением предоставить вам удобный повод для ваших разъяснений, удостоить нас приходить к нам в тот же час и в то же место в течение стольких дней, сколько понадобится для того, чтобы выслушать и понять ваши рассуждения, способные в самом деле успокоить наш дух.

Филотей. Я это сделаю.

Фракасторий. Ты доставишь нам большое удовольствие, а мы будем весьма внимательными слушателями.

Буркий. А я, будучи мало понятливым, если не пойму смысла, то послушаю, по крайней мере, ваши слова; если же не услышу слов, то я услышу хоть голос. До свидания!

Конец первого диалога

Примечания:

Под *Филотеем*, как и в предыдущем диалоге, подразумевается Бруно. *Эльпин* — любознательный ученый, охотно слушающий Бруно. *Буркий* — сторонник аристотелевской философии и общепринятых авторитетов, пародия на оксфордского ученого. Четвертый собеседник — реальное лицо, *Джироламо Фракасторо* (1478-1553), автор работ по астрономии, философии и медицине. Он оказал влияние на Бруно своими астрономическими теориями, ему приписывают изобретение телескопа. Он сторонник атомистической теории, считает, что тела обладают взаимным притяжением и что электрические, магнитные и физиологические явления имеют причиной невесомое начало. Фракасторо пользовался большим авторитетом среди ученых его времени.

2. Бруно говорит о четырех видах познания. Самый простой — чувственный опыт, которому подвластны только вещи чувственного мира. Любопытно сравнение с зеркалом; можно провести параллель с некоторыми современными психологическими теориями, согласно которым психика человека — своего рода зеркало, отражающее мир вокруг и мир внутренний. Второе познание — с помощью логики, путем аргументов и рассуждений. Третье — познание интеллектом или разумом — познание принципов, Идей, законов. Как следует из предыдущего диалога, с помощью интеллекта можно познавать не только чувственный, но и умопостигаемый, «бестелесный» мир. И последнее — своего рода интуитивное познание, озарение, откровение.

3. Речь идет об учении Аристотеля («Физика», 4.1-5), где место, или пространство, не есть ни форма, ни материя, ни промежуточное пространство, а «граница объемлющего тела по отношению к объемлемому». То есть место есть не пространство, а граница, своего рода неподвижный сосуд, отделимый от вещи, границей которой он является. «Первым небом» называется у Аристотеля место (сфера) неподвижных звезд, окружающих землю и планеты. Это небо приводится в движение объемлющим его Божеством. Сферы остальных планет движут принадлежащие им особые духи. За пределами первого неба нет ни пространства, ни времени, ни пустоты.

4. Небо занимает место акцидентально — то есть случайным образом, не вследствие необходимости — согласно учению Аристотеля.

5. У Платона в «Тимее» (52a) под материей понимается пространство.
6. О «свернутости» всех возможностей, всей потенциальной вселенной в Боге говорится в предыдущем диалоге.
7. Возможно, здесь Бруно намекает на то, что ни одна религия или философия не давала в полной мере Истину, но лишь определенное к ней приближение, «полезное» для данного времени и данного народа, приоткрывала только часть законов, которые способствовали определенному нравственному формированию и давали определенные «модели» поведения.
8. То есть неподвижную сферу звезд.
9. Под *экстенсивной бесконечностью* Бруно подразумевает движение звездного неба последовательно и во времени, а под *интенсивной* — мгновенное движение всей вселенной.
10. То есть суточное движение звездного неба, служащее основанием звездного измерения времени.
11. В диалогах «Пир на пепле» и «О Причине, Начале и Едином».
12. Об этом говорится в диалоге «О Причине, Начале и Едином». Любопытно сравнить учение Бруно с герметической традицией, согласно которой Бог — Один и Только Единственный — является неподвижным, но позволяет двигаться всему остальному, а его «сын» Ум-Демиург является «внутренним Двигателем» вселенной. В философии Бруно движущим началом является Мировая Душа.
13. То, что описывает Бруно как первое, мгновенное движение, поразительно напоминает корпускулярно-волновую теорию движения электрона по электронной орбите, согласно которому электрон, с одной стороны, имеет траекторию и определенное место, а с другой — является волной, то есть как бы «размазан» по всей орбите, одновременно находясь во всех возможных точках. По-видимому, такое движение имеет в виду Бруно, когда говорит, что каждое существо имеет возможность бесконечного числа форм реализации и теоретически может пребывать во всех них, хотя практически осуществляет их постепенно.

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

Филотей. Так как Первое Начало наипростейшее, то если бы оно было конечным согласно одному атрибуту, то оно было бы конечным также согласно всем атрибутам; если же оно согласно известному внутреннему основанию было бы конечным, а согласно другому — бесконечным, то его, по необходимости,

надо было бы считать сложным. Если оно, следовательно, Творец вселенной, то оно, конечно, бесконечный Творец и вызывает бесконечное действие; действие, говорю я, поскольку все от него зависит. Кроме того, подобно тому как наше воображение может двигаться в бесконечность, воображая себе всегда измеримую величину за величиной и число за числом, согласно известной последовательности и, как говорится, в потенции, таким же образом мы должны считать, что Бог актуально охватывает бесконечный объем и бесконечное число. А отсюда вытекает возможность, ответственность и уместность следующего положения: там, где Активная Потенция бесконечна, там с необходимою последовательностью и объект этой потенции бесконечен; ибо, как мы это показали в другом месте¹⁴, возможность делать полагает возможность быть сделанным, измерительное полагает измеримое, измеряющее полагает измеренное. Прибавь к этому, что, подобно тому как реально имеются конечные измеренные тела, таким же образом Первый Интеллект постигает тело и объем. Но если он его постигает, он постигает его бесконечно; если он постигает его бесконечно и тело понято как бесконечное, то с необходимостью имеется такого рода интеллигибельная идея; будучи произведена такого рода интеллектом, каков Божественный, она в высшей степени реальна; она в такой степени реальна, что обладает бытием с большей необходимостью, чем то, что действительно имеется перед нашими чувственными очами. Если ты хорошо вдумаясь, это приводит к тому, что, подобно тому как действительно имеется одно простейшее бесконечное неделимое Существо, таким же образом имеется одно в высшей степени обширное по объему бесконечное измеримое существо; оно заключается в первом, а первое заключается в нем таким образом, что оно во всем и все в нем. Далее, если мы видим, что благодаря телесным качествам тело имеет потенцию увеличиваться до бесконечности, как мы это видим на огне¹⁵, который, как всякий согласится, расширился бы до бесконечности, если бы ему доставляли материю и горючие вещества, — то какое же основание требует, чтобы огонь, который может быть бесконечным и может, следовательно, на самом деле стать бесконечным, не мог в действительности стать бесконечным? Я, конечно, не знаю, каким образом мы можем вообразить, что в материи имеется какая-либо вещь в состоянии пассивной потенции, которая не была бы в действующей причине в состоянии активной потенции, следовательно, в акте или же как сам акт. Конечно, утверждение, что Бесконечное имеется в потенции и в известной последовательности, но не в актуальной действительности, с необходимостью влечет за собой то, что активная потенция может полагать Бесконечное в последовательном акте, но не в завершеном, ибо Бесконечное не может быть завершеном. Отсюда следовало бы еще, что Первая Причета не обладает простой активной потенцией, абсолютной и единой, а одной активной потенцией, которой соответствует бесконечная возможность последовательности, и другой, которой соответствует возможность, не отличимая от акта. Не говоря уже о том, что если бы мир был ограничен, поскольку у нас нет никакого способа представить себе, каким образом телесная вещь может быть периферически ограничена

бестелесной вещью, в таком случае этот мир обладал бы способностью и возможностью исчезнуть и превратиться в ничто: ибо, насколько мы понимаем, все тела разложимы. Оставим, говорю» я, то, что не было бы оснований, которые препятствовали бы бесконечному пустому, хотя оно и не может быть понято как активная потенция, когда-нибудь поглотить в себе этот мир как ничто. Оставим, что место, пространство и пустота имеют сходство с материей, если не являются самой материей; не без причины, видимо, думали так иной раз Платон и все те другие, которые определяют место как известное пространство. И вот, если материя обладает своим стремлением, которое не может быть тщетным, ибо такого рода стремление естественно и происходит из порядка первой природы, то необходимо, чтобы место, пространство и пустое обладали также таким стремлением. Оставим, что ни один из тех, как это указывалось выше, кто говорит, что мир ограничен, утвердив предел, не знает, каким образом вообразить себе этот предел; все они, отрицая пустое и порожнее на словах, на деле принуждены признать их. Если есть пустое и порожнее, то оно, конечно, способно принимав мир; и этого ни в коем случае нельзя отрицать, принимая во внимание, что на основании тех же соображений, согласно которым мы считали невозможным, чтобы в пространстве, в котором находится этот мир, в то же время содержался другой мир, следует признать возможным, что в пространстве вне этого мира (или в ничто, если так желает называть Аристотель то, чего он не хочет назвать пустым) может содержаться мир. Основание, исходя из которого Аристотель утверждает, что два тела не могут быть вместе, состоит в несовместимости объемов того и другого тела; с этим основанием вполне совместимо то, что там, где нет объемов одного тела, могут быть объемы другого тела. Но, если имеется эта потенция, следовательно, пространство известным образом есть материя; если оно материя, то оно имеет способность; а если оно имеет способность, то на основании каких соображений мы можем отказать ему в действии?

Эльпин. Очень хорошо. Но, пожалуйста, перейдите к другому и объясните мне, какое различие вы проводите между миром и вселенной.

Филотей. Это различие широко распространено за пределами перипатетической школы. Стоики различают между миром и Вселенной, ибо мир для них это все то, что заполнено и состоит из устойчивой телесной материи; Вселенная же состоит не только из мира, но также из пустого, порожнего и пространства вне мира; поэтому они говорят, что мир конечен, но что Вселенная бесконечна. Эпикур подобным же образом называет все и вселенную смесью тел и порожнего; он говорит, что в этом состоит природа мира, который бесконечен и в емкости порожнего и пустого и, кроме того, во множестве тел, которые находятся в нем. Мы же называем пустотой не что-либо такое, что есть простое ничто; но в соответствии с тем смыслом, согласно которому то, что не есть тело, оказывающее чувственное сопротивление, называется пустотой, если имеет измерение; ибо обычно именуют телом только то, что имеет способность сопротивления; вот почему говорят, что, подобно тому как не может быть

плотью то, что неуязвимо, таким же образом не есть тело то, что не оказывает сопротивления. Подобным образом мы говорим, что существует бесконечное, то есть безмерная эфирная область, в которой находятся бесчисленные и бесконечные тела вроде Земли, Луны, Солнца, называемые нами мирами, и которые состоят из полного и пустого; ибо этот дух, этот воздух, этот эфир не только находится вокруг этих тел, но и проникает внутрь всех тел, имеется внутри каждой вещи. Мы говорим о пустоте еще в том смысле, согласно которому отвечаем на вопрос, где находятся бесконечные эфир и миры; мы отвечаем: в бесконечном пространстве, в некоем лоне, в котором существует и подразумевается все и которое само по себе не может ни быть, ни мыслиться в ином. Но Аристотель смешивает оба эти значения с третьим, которое он сам себе вообразил и сам не знает, ни как назвать, ни как определить; отрицая пустоту, он впадает сам с собой в противоречие и думает, что подобного рода аргументами уничтожает в самом деле все мнения о пустоте. Но он опровергает их не в большей степени, чем тот, который, уничтожив название вещи, думал бы, что он уничтожил самое вещь; ибо если он даже и уничтожает пустоту, то он уничтожает ее в таком смысле, в котором, вероятно, ее никто не принимает; ведь и древние, подобно нам, считали пустотой то, в чем может находиться тело и что может содержать какую-либо вещь и в чем находятся атомы и тела; лишь он один определяет пустоту как то, что есть ничто, в котором нет ничего и не может быть ничего. Поэтому, принимая пустоту в таком смысле, в каком ее никто не понимает, он строит воздушные замки и уничтожает свою пустоту, а не ту, о которой говорят все остальные, которые употребляют это слово.

Не иначе поступает этот софист и при всех других предположениях, например о движении, бесконечности, материи, форме, доказательствах, сущем. Он всегда строит на вере в свои собственные определения и в имена, имеющие новое значение. На самом же деле всякий, кто способен самостоятельно мыслить, может легко заметить, насколько поверхностно этот человек рассматривает природу вещей и насколько он привязан к своим ложным допущениям, которые никем не признаны и не могут быть признаны и которые в его философии природы еще более тщетны, чем это можно вообразить в математике. Вы увидите, что он столь доволен этими пустыми предположениями и так хвастает ими, что претендует, чтобы при рассмотрении природных вещей его считали особенно разумным, или, как это обычно говорят, логичным; так что в ругательном смысле он тех, которые более ревностно, чем он, занимались природой, реальностью и истиной, называет «физиками»¹⁶. Но возвратимся к нашим проблемам; принимая во внимание, что в своей книге «О пустоте»¹⁷ он не приводит ни прямых, ни косвенных доводов, которые могли бы достойно оспаривать наши воззрения, мы оставляем дело в таком виде, откладывая дальнейший спор с ним до более удобного времени. Итак, если тебе угодно, Эльпин, располагай в порядке те доводы, на основании которых наши противники не допускают бесконечного тела, а затем те, благодаря которым они не могут понять существование бесчисленных миров.

Эльпин. Я это сделаю. Я приведу мнения Аристотеля по порядку¹⁸, а вы ответите на них то, что сочтете нужным. «Надо рассмотреть, — говорит он, — существует ли бесконечное тело, как это утверждают некоторые древние философы, или же это невозможная вещь; далее, нужно рассмотреть, существует ли один или множество миров. Разрешение этих вопросов в высшей степени важно, ибо то или иное решение вопроса имеет такое значение, что каждый из них служит началом одного из двух видов философии, в высшей степени отличных и противоположных друг другу; так, например, мы видим, что те, которые принимают неделимые части, вследствие этой первой ошибки закрывали себе путь до такой степени, что блуждают в большей части математики¹⁹. Мы должны разрешить таким образом предложения, имеющие очень важное значение для прошлых, настоящих и будущих затруднений, ибо небольшое отступление, которое делают в начале, увеличивается в десять тысяч раз в течение пути; подобным же образом ошибки, которые делают в начале пути, тем больше растут и увеличиваются, чем больше удаляешься от начала, так что к концу пути приходишь к пункту, прямо противоположному тому, к которому намеревался прийти. Причина этого та, что начала малы по величине, но в высшей степени важны по результатам. Это служит основанием того, что мы должны разрешить эти сомнения».

Филотей. Все, что он говорит, в высшей степени необходимо и могло быть так же хорошо сказано другими, как и им; ибо, подобно тому как он полагает, что этот плохо понятый принцип приводит противников к большим заблуждениям, так мы, наоборот, думаем и ясно видим, что, исходя из противоположного принципа, он извратил весь строй природы.

Эльпин. Он продолжает: «Необходимо поэтому рассмотреть, возможно ли, чтобы простое тело имело бесконечную величину; это, во-первых, окажется невозможным для того Первого Тела, которое движется по кругу; далее, и для остальных тел; ибо, поскольку каждое тело должно быть простым или сложным, постольку сложное тело обладает свойствами тех простых тел, из которых оно состоит. Если, следовательно, простые тела не бесконечны ни по числу, ни по величине, то, с необходимостью, и сложное тело не может быть бесконечно».

Филотей. Он очень много обещает; ибо если он докажет, что тело, которое называется Объемлющим и Первым, будет объемлющим, первым и конечным, в таком случае будет излишним и напрасным доказывать это еще раз относительно объемлемых тел.

Эльпин. Он доказывает, что круглое тело не может быть бесконечным. «Если бы круглое тело было бесконечным, то линии, исходящие из середины, были бы бесконечными и расстояние между одним радиусом и другим (так как, чем больше они удаляются от центра, тем дальше становится расстояние между ними) стало бы бесконечным; ибо благодаря тому, что линии все увеличиваются по длине, расстояние между ними становится все больше, и, следовательно,

если линии бесконечны, то расстояние будет бесконечно. Но невозможно, чтобы движущееся тело могло пробежать бесконечное расстояние: и при круговом движении необходимо, чтобы радиус движущегося тела достиг места других радиусов».

Филотей. Это доказательство хорошее, но оно ничего не говорит против мнения его противников. Ибо никогда не было еще столь грубого и плоского ума, который предполагал бы бесконечный мир, имеющий бесконечную величину и в то же самое время подвижный. Он здесь сам отрицает то, что приводит в своей «Физике»²⁰: что те, которые принимают Сущее и Бесконечное Начало, в то же самое время считают их неподвижными; и ни он, и никто другой вместо него не может назвать какого-либо философа либо даже какого-нибудь обыкновенного человека, который признавал бы бесконечную величину подвижной. Но он, подобно софисту, берет часть своих аргументов из выводов противника и навязывает ему свой собственный принцип, что вселенная подвижна, что она движется и имеет сферическую фигуру. Но посмотрите, имеется ли между всеми аргументами, которые приводит этот духовный нищий, хоть один, который опровергал бы мнение тех, которые принимают бесконечное, неподвижное, неоформленное и весьма пространное Единое, содержащее бесчисленные подвижные тела, эти миры, которые одни называют звездами, а другие сферами. Присмотритесь немного к этим и другим доводам, из которых он исходит, и вы увидите, что его предпосылки никем не признаны.

Эльпин. Конечно, все шесть доводов основаны на том предположении, будто противник говорит, что вселенная бесконечна, и будто он допускает, что эта бесконечная вселенная подвижна; это, конечно, глупость и абсурд, если только случайно мы не допустим совпадения в Едином бесконечного движения и бесконечного покоя, как вы мне это вчера доказали относительно отдельных миров.

Филотей. Но я не хочу этого утверждать относительно вселенной, которой ни на каком основании нельзя приписать движение; ибо оно не может и не должно быть приписано бесконечному, и, как сказано, никогда не было ни одного человека, который вообразил бы себе это. Но этот философ за отсутствием твердой почвы строит свои замки в воздухе.

Эльпин. Конечно, я у него не вижу аргумента, который опровергал бы то, что вы утверждаете; ибо и другие пять доводов, которые приводит этот философ, следуют по тому же пути и столь же хромают. Поэтому я нахожу излишним приводить их. Но после того как он привел те доводы, которые относятся к мировому и кругообразному движению, он переходит к тем, которые основаны на прямолинейном движении»²¹; он утверждает следующее: «Невозможно, чтобы какое-либо подвижное тело обладало бесконечным движением к центру или вниз или вверх от него». Это он доказывает, во-первых, относительно

собственного движения таких тел как по отношению к крайним телам, так и по отношению к промежуточным.

«Движение вверх, — говорит он, — и движение вниз противоположны; и место одного движения противоположно месту другого движения. Но если одна из противоположностей определена и ограничена, то необходимо, чтобы и другая противоположность была определена и ограничена; то же самое относится к промежуточному месту, которое участвует в обеих противоположностях; ибо то, что доходит до центра, с необходимостью должно исходить из какой-либо определенной части, а не из любого места; ибо существует известный предел, где начинаются, и другой предел, где кончаются границы центра. Поскольку, следовательно, центр определен, постольку необходимо, чтобы были определены и края, и поскольку определены края, постольку необходимо, чтобы был определен центр; а если определены места, то необходимо, чтобы таковыми же были и помещающиеся там тела, ибо в противном случае движение было бы бесконечно. Что касается тяжести и легкости, то тело, которое движется вверх, может наконец достигнуть своего места, ибо ни одно природное стремление не бывает тщетным. Но поскольку мировое пространство не может быть бесконечным, не может быть также бесконечно удаленного места и бесконечного тела. Что касается тяжести, то нет ни бесконечно легкого, ни бесконечно тяжелого, следовательно, нет и бесконечного тела; ибо если бы тяжелое тело было бесконечным, то его тяжесть была бы бесконечна. Этой трудности нельзя избежать. Ибо если бы ты желал утверждать, что бесконечное тело имеет бесконечную тяжесть, то отсюда возникали бы три затруднения. Во-первых, тяжесть или легкость конечного и бесконечного тел были бы теми же самыми; ибо к конечному тяжелому телу, поскольку оно меньше бесконечного тела, я бы мог кое-что прилагать или, наоборот, отнимать у другого до тех пор, пока они оба не достигли бы того же количества тяжести или легкости. Во-вторых, тяжесть конечной величины может быть больше, чем тяжесть бесконечной; ибо по тому же основанию, по которому она может стать равной ей, она может стать и больше ее, ибо мы можем сколько угодно отнимать у бесконечного тела или прибавлять к конечному телу тяжести. В-третьих, тяжесть конечной и бесконечной величины может быть одинаковой; ибо скорости относятся друг к другу в такой же пропорции, как и тяжести,»²² а отсюда следует, что в конечном и бесконечном теле могут быть те же самые скорости и медленности. В-четвертых, скорость конечного тела может быть больше, чем скорость бесконечного. В-пятых, эти скорости могут быть равны; или же, поскольку тяжесть одного превосходит тяжесть другого, постольку же и скорость одного может превосходить скорость другого. Если существует бесконечная тяжесть, то необходимо, чтобы она двигалась через какое-либо пространство в меньшее время, чем конечная тяжесть; или же чтобы она вообще не двигалась, поскольку быстрота и медленность зависят от величины тела. Но так как между конечным и бесконечным нет пропорции, то в последнем счете необходимо принять, что бесконечная тяжесть не движется; ибо если бы она

двигалась, то она все же двигалась бы не настолько быстро, чтобы нельзя было найти конечной тяжести, которая проделала бы тот же путь в то же время и через то же пространство».

Филотей. Невозможно найти другого, который под именем философа измышлял бы более пустые предположения и приписывал бы своим противникам более глупые утверждения, для того чтобы приводить столь легковесные доводы, какие мы видим в доказательствах Аристотеля. Относительно того, что он говорит по поводу собственных мест тел и об ограниченном верхе, низе и центре, я хотел бы знать: против кого он аргументирует? Ибо все те, которые принимают бесконечную величину тела, не принимают в ней ни центра, ни края. Ибо тот, кто говорит о порожнем, пустом и бесконечном эфире, не приписывает ему ни тяжести, ни легкости, ни движения, ни верхней, ни нижней области, ни середины; и все те, которые принимают в подобном пространстве бесконечные тела, каковы эта Земля или какая-либо другая земля, это Солнце или какое-либо другое солнце, заставляют их вращаться внутри этого бесконечного пространства червь» конечные определенные промежутки или вокруг их собственных центров. Таким образом, мы, находясь на Земле, говорим, что Земля находится в центре, и все философы, как новые, так и древние, какого бы они ни были направления, могли бы утверждать, что она находится в центре, не противореча своим принципам; подобно этому мы говорим относительно большого горизонта этой эфирной области, которая нас окружает и представляется нам одинаково удаленной со всех сторон окружностью, что мы находимся в его центре. Но не в меньшей степени те, которые находятся на Луне, могут считать, что имеют вокруг себя эти Землю, Солнце и другие звезды, которые кружатся вокруг их центра и образуют конец собственных радиусов их собственных горизонтов. Таким образом, Земля является центром не в большей степени, чем какое-либо другое мировое тело; и полюсы не в большей степени определены для Земли, чем Земля является определенным полюсом для какого-либо другого пункта эфира или мирового пространства. То же самое относится ко всем другим телам; они в различных отношениях все являются и центрами, и точками окружности, и полюсами, и зенитами, и прочим. Земля, следовательно, не находится абсолютно в центре вселенной, но лишь относительно этой нашей области.

Этот наш спорщик, следовательно, начинает с *petitio principii*²³ и исходит из тех предпосылок, которые он должен доказать. Он считает предпосылкой, говорю я, прямую противоположность того, что утверждает противник; он заставляет принимать центр и край как раз тех, которые, утверждая бесконечность мира, вместе с тем отрицают этот центр и край, а следовательно, и движение к верхнему или высшему месту или к нижнему и низшему. Правда, уже древние видели, и мы это замечаем, что некоторые тела опускаются на Землю, а некоторые тела удаляются от Земли или от того места, где мы находимся. Если о движении таких тел мы говорим, что они стремятся вверх и вниз, то это надо понимать относительно определенной области или в

определенном отношении; таким образом, если какое-нибудь тело, удаляясь от нас, приближается к Луне, то, подобно тому как мы говорим, что оно поднимается, так и жители Луны скажут, что оно к ним спускается. Движения, следовательно, которые происходят во вселенной, не отличаются по отношению к бесконечной Вселенной в смысле верха или низа, в том или другом месте, но эти определения относятся к конечным мирам, которые находятся во Вселенной; или же мы сможем их принимать по отношению к амплитудам бесчисленных мировых горизонтов или по отношению к числу бесчисленных звезд, где то же самое тело может одновременно двигаться вверх и вниз по отношению к различным телам. Ограниченные тела, следовательно, не имеют бесконечного движения, но обладают конечным и определенным движением по отношению к своим собственным пределам. Но неопределенное и бесконечное не имеет ни конечного, ни бесконечного движения, и в нем нет различия места и времени.

Что касается аргумента по поводу тяжести и легкости, мы скажем, что он является одним из лучших плодов на древе тупого невежества. Ибо тяжесть, как мы это докажем ниже, в соответствующем месте, не находится в каком-либо теле целиком и не является его естественным свойством; тяжесть поэтому не является различием, согласно которому мы могли бы отличать природу мест и причину движения. Мы, наоборот, докажем, что та же самая вещь может быть названа тяжелой или легкой, если мы будем рассматривать ее стремление и движение с различных центров, подобно тому как с различных точек зрения та же самая вещь может быть названа высокой или низкой, движущейся вверх или вниз. Это относится ко всем отдельным телам и мирам; ни один из них ни тяжел, ни легок, только их части могут быть названы легкими, если они удаляются и расширяются, или же тяжелыми, если они возвращаются к ним; подобно этому о частниках Земли и земных веществах говорят, что они поднимаются, если они приближаются к окружности эфира, что они падают, если они возвращаются обратно на Землю. Но что касается вселенной и бесконечного тела, то нашелся ли хоть когда-нибудь хоть кто-нибудь, который назвал бы его тяжелым или легким? Или же кто бы мог принимать такие принципы или фантазировать в такой степени, чтобы прийти к выводу, что бесконечность тяжела или легка, восходит вверх, поднимается или пребывает? Мы покажем, что ни одно из бесконечных тел ни тяжело и ни легко. Ибо эти качества относятся лишь к частям, поскольку они стремятся к своему целому и к месту своего сохранения; они не имеют поэтому отношения к вселенной, но лишь к отдельному и целым мирам; так, например, на Земле части огня, освобождаясь и поднимаясь к Солнцу, всегда несут с собой некоторые части суши и воды, с которыми они соединены; эти последние, отрываясь наверху, стремятся по своей природе вернуться к своим местам. Далее, необходимо принять, что великие мировые тела не могут быть сами по себе легки или тяжелы, поскольку вселенная бесконечна и поскольку у них нет причин ни для отдаленности, ни для близости к окружности или к центру. Поэтому на своем

месте Земля не более тяжела, чем Солнце на своем, Сатурн на своем, Полярная звезда на своем. Подобно тому как части Земли возвращаются к Земле вследствие своей тяжести (тяжестью мы называем стремление частей к целому и стремление движущегося к своему месту), так и части других тел возвращаются к своим телам, так как могут быть бесконечные другие земли или схожие с ней тела, бесконечные другие солнца и другие огни такой же или подобной же природы. Все они движутся от окружающих мест к собственной основе как к центру. Отсюда следует то, что существует бесконечное число тяжелых тел, но не то, будто существует бесконечная тяжесть в каком-либо одном предмете в интенсивном смысле; она существует лишь в бесчисленных предметах и в экстенсивном смысле. Это следует из высказываний всех древних философов и наших; против них наш спорщик не выдвинет ни одного аргумента. То, следовательно, что он говорит о невозможности бесконечной тяжести, настолько просто и тривиально, что даже стыдно об этом упоминать; оно ни в коем случае не может опровергать другие мнения и подтверждать его собственную философию; это все пустые предложения и слова, брошенные на ветер.

Эльпин. Ничтожество всех приведенных доводов более чем очевидно, так что самое убедительное красноречие не могло служить их извинением. Но послушайте те доводы, которые он приводит²⁴ для того, чтобы прийти к общему выводу о невозможности бесконечного тела. «Так как для тех, которые рассматривают частные вещи, — говорит он, — очевидно, что нет бесконечного тела, то остается рассмотреть в общих чертах, возможно ли оно. Ибо кто-либо мог бы утверждать, что, подобно тому как расположен окружающий нас мир относительно нас, нет невозможного в том, чтобы существовали и другие небеса. Но, прежде чем мы придем к этому, будем рассуждать вообще о бесконечном. Необходимо, чтобы каждое тело было бесконечным или конечным; если оно бесконечно, то оно должно состоять или из подобных частей или из неподобных; если оно состоит из неподобных то оно состоит или из ограниченного числа видов, или из бесконечного числа видов. Невозможно, чтобы оно состояло из бесконечного числа видов, если мы будем придерживаться нашей предпосылки, а именно, что существуют многие миры, подобные нашему; ибо, подобно тому как этот мир расположен вокруг нас, расположены и другие миры, имеющие другие небеса. Ибо если определены первые движения, расположенные вокруг центра, то необходимо, чтобы были определены и вторые движения; подобно тому как мы определили пять родов тел²⁵, из которых два просто тяжелы и легки, два относительно и легки, одно ни тяжело и ни легко, но свободно вокруг центра, точно так же дело должно обстоял» и в других мирах. Невозможно, следовательно, чтобы оно состояло из бесконечных видов. Но невозможно также, чтобы оно состояло из конечного числа видов». Он доказывает на основании четырех доводов, что оно не состоит из конечного числа неподобных видов, из которых первый заключается в том, что «каждая из этих бесконечных частей должна быть водой или огнем, а

следовательно, тяжелой или легкой. Но мы доказали невозможность этого, когда показали, что не может быть ни бесконечной тяжести, ни бесконечной легкости».

Филотей. Было достаточно сказано, когда мы отвечали на это.

Эльпин. Я это знаю. Он прибавляет второй довод и говорит, что «если каждый из этих видов будет бесконечным, то необходимо принять бесконечность места, в котором они помещаются; но отсюда следует, что движение каждого вида было бы бесконечно, что невозможно. Ибо не может быть, чтобы тело, которое падает вниз, пробегало бесконечную глубину. Это видно и подтверждается во всех движениях и переменах. Подобно тому как при порождении не пытаются сделать того, что не может быть сделано, так и в перемещении тело не ищет места, которого оно никогда не может достигнуть; то, что никогда не может быть в Египте, не может также и двигаться по направлению к Египту, ибо природа никогда ни одной вещи не делает тщетно. Невозможно, следовательно, чтобы вещь двигалась туда, куда она не может пойти».

Филотей. На это мы достаточно ответили; мы говорили, что существуют бесконечные земли, бесконечные солнца и бесконечный эфир, или, говоря словами Демокрита и Эпикура, существуют бесконечные полное и пустое, одно внедренное в другое. Существуют различные конечные виды, из которых одни расположены и упорядочены в других. Все эти различные виды собираются, составляя целую бесконечную Вселенную; части бесконечного также бесконечны, поскольку из бесконечных земель, подобных этой, происходит на самом деле бесконечная земля, но не как сплошная масса, а как бы составленная из бесконечного множества земель. Подобным же образом надо себе представлять и другие виды тел, будет ли их четыре, или два, или три, или сколько угодно (я пока не определяю их числа); эти виды, будучи частями Вселенной в том смысле, в котором это можно говорить о них, по необходимости должны быть бесконечными, согласно массе, которая возникает из их множества. И нет необходимости, чтобы тяжесть падала бесконечно в глубину. Но подобно тому как это тяжелое тело стремится к своему ближайшему сродному телу, так и то тело стремится к своему, а третье к своему. Эта Земля имеет части, которые принадлежат ей, а та земля — части, которые принадлежат той. Подобным же образом это Солнце имеет свои части, которые истекают из него и стремятся вернуться к нему обратно; точно так же и другие тела естественно собирают свои части. И подобно тому как края одних тел удалены на конечное расстояние от других тел, так и их движения конечны; и подобно тому как никто не отправляется из Греции для того, чтобы двигаться до бесконечности, но лишь для того, чтобы достигнуть Италии или Египта, так часть Земли или Солнца не ставит себе в своем движении бесконечной цели, а лишь конечную цель. Так как Вселенная бесконечна, а тела, составляющие ее, все изменчивы, то все они, следовательно, выделяют из себя всегда известные части и опять принимают их в себя, высылают из себя свои части и поглощают в

себя чужие. Я не считаю абсурдным и немислимым, а, наоборот, вполне естественным и подобающим, что каждый предмет подвержен определенному возможному числу изменений; поэтому частички Земли странствуют в эфирной области и пробегают безмерное расстояние, приближаясь то к одному телу, то к другому; подобным же образом мы видим, что те же самые частички, пока они находятся поблизости от нас, меняют место, расположение и форму. Если, следовательно, эта Земля вечна и непрерывно существует, то она такова не потому, что состоит из тех же самых частей и тех же самых индивидуумов (атомов), а лишь потому, что в ней происходит постоянная смена частей, из которых одни отделяются, а другие заменяют их место; таким образом, сохраняя ту же самую душу и ум, тело постоянно меняется и возобновляет свои части. Это видно также и на животных, которые сохраняют себя только таким образом, что принимают пищу и выделяют экскременты; таким образом, каждый, кто несколько призадумается, увидят, что юноши не обладают тем же телом, которое они имели в детском возрасте, а старики не обладают тем же телом, которым они обладали в юности. Ибо мы непрерывно меняемся, и это влечет за собою то, что к нам постоянно притекают новые атомы и что из нас истекают принятые уже раньше. Так, около спермы соединяются различные атомы благодаря деятельности Всеобщего Интеллекта и Души (посредством устройства, в котором они собираются как материя), и растет тело, когда приток атомов больше, чем их истечение; это же самое тело сохраняет ту же самую консистенцию, когда истечение равняется притоку, и, наконец, оно начинает клониться к упадку, когда истечение больше, чем приток. Я здесь, конечно, говорю не о притоке и истечении в абсолютном смысле слова, но об истечении подобающих и естественных частей и о притоке чуждых и неподходящих частей, которые не может победить ослабленный принцип жизни или которых он не может извергнуть; это относится как к живым, так и к мертвым телам. Возвращаясь к сказанному, я говорю: нет ничего неподобающего в утверждении (наоборот, оно в высшей степени разумно), что благодаря этой перемене вещества части и атомы находятся в бесконечном течении и движении, испытывают бесконечные перемены как по форме, так и по месту.»²⁶ Немислимо было бы бесконечное стремление какой-либо вещи, которая стремилась бы, как к своей ближайшей цели, к перемене места или к изменению качества. Этого не может быть, принимая во внимание то, что вещь не может двигаться с одного места, не находясь в другом месте, не может терять какое-либо качество, не принимая другого качества, не может принять какое-либо бытие, не теряя другого; это с необходимостью следует из понятия изменения качества, которое не может иметь места без пространственного перемещения. Близкий и оформленный предмет может двигаться только конечным образом, ибо он легко принимает другую форму, если меняет свое место. Первый же и оформляющий принцип движется бесконечным образом как относительно пространства, так и относительно числа фигур, в то время как части материи притекают и истекают из одного тела в другое, из одного места в другое, от части к целому.

Эльпин. Я это вполне понимаю. В качестве третьего довода он приводит следующее: «Если бы мы приняли дискретную и разделенную бесконечность, в таком случае должны были бы существовать бесконечные индивидуумы и бесконечные частные огни: в то время как каждый из них был бы конечным, тем не менее получилось бы, что тот огонь, который явился бы в результате всех этих индивидуумов, должен был бы быть бесконечным».

Филотей. Я уже с этим согласился; но, чтобы знать это, он не должен был оспаривать того, что не представляет никаких затруднений. Ибо если тело разделяется на различные пространственные части, из которых одна весит сто фунтов, другая тысячу, а третья десять, то все тело будет весить тысячу сто десять. Но это относится лишь к отдельным дискретным весам, а не к сплошному весу. Мы же, вместе с древними, не считаем неправильным, что дискретные части дают бесконечную тяжесть; ибо эти части составляют одну тяжесть лишь в логическом смысле, или в арифметическом, или в геометрическом, но в действительности, по своей природе, они не составляют одной тяжести или бесконечной массы, но составляют бесконечное количество конечных масс и конечных тяжестей. Утверждение и представление этих вещей и их реальное бытие не одна и та же вещь, а весьма различны. Ибо отсюда следует, что не существует бесконечное тело одного вида, но что существует вид тел, имеющий бесконечное число конечно определенных тел; нет по-этому бесконечной тяжести, а существует бесконечное число конечных тяжестей, принимая во внимание, что это — бесконечность не сплошная, а дискретных тел и что они существуют в непрерывной бесконечности, которой являются пространство, место и протяженность, способная вместить их. Следовательно, нет ничего недопустимого в том, что существует бесконечное число дискретных тяжелых тел, которые не составляют одного тяжелого тела; подобно этому бесконечные воды не составляют бесконечной воды, бесконечные части земли не составляют бесконечной земли. Следовательно, существует бесконечное множество тел, которые в физическом смысле не составляют тела бесконечной величины. В этом заключается громадное различие. Подобное этому мы наблюдаем при движении судна, которое тянут десять человек, объединенных вместе, но которое не будет сдвинуто с места тысячею тысяч человек, если каждый из них будет тянуть отдельно.

Эльпин. Этими и другими рассуждениями вы уже тысячу раз ответили и на четвертый довод; он гласит: «Когда мы мыслим бесконечное тело, то его необходимо принимать бесконечным согласно всем измерениям; так что ни в каком направлении не может быть какой-либо вещи вне его. Следовательно, невозможно, чтобы в бесконечном теле было множество разнородных частей, из которых каждая была бы бесконечной».

Филотей. Это вполне правильно и не опровергает нас, так как мы уже много раз утверждали, что существует множество разнородных конечных тел в бесконечном, и рассмотрели, каким образом это возможно»²⁷. Подобным же

образом, например, кто-нибудь мог бы говорить относительно жидкой грязи, что здесь множество различных веществ образует сплошное целое, ибо там повсюду и в каждой части вода соприкасается с водой, а земля с землей; благодаря незаметности связи мельчайших частей земли и мельчайших частей воды мы не можем говорить, что они прерывны или непрерывны, а можем говорить лишь об одном сплошном, которое не есть ни вода, ни земля, а грязь. Другой мог бы таким же образом утверждать, что здесь, собственно говоря, вода не соприкасается с водой, а земля с землей, но вода соприкасается с землей, а земля с водой; подобным же образом третий мог бы отрицать и то и другое и утверждать, что грязь соприкасается с грязью. Согласно этим доводам, Вселенная может быть принята как бесконечная и непрерывная, которую не прерывает эфир, расположенный между большими телами, подобно тому как не прерывает грязи воздух, расположенный между частями воды и земли; различие между ними состоит только в том, что в грязи части малы и промежутки незаметны, в то время как части Вселенной велики и промежутки заметны. Но и во Вселенной различные и противоположные движущиеся тела совпадают, составляя одно сплошное неподвижное; противоположности совпадают в нем и составляют одно, принадлежат к одному порядку и в конечном счете суть одно-. Недопустимым и невозможным, конечно, было бы принимать две бесконечности, отличающиеся друг от друга; мы тогда ни в коем случае не могли бы вообразить, каким образом там, где кончается одна, начинается другая и каким образом они обе ограничивают друг друга. Кроме того, в высшей степени трудно представить себе два тела, конечных на одном краю и бесконечных на другом.

Эльпин. Он представляет два других довода в доказательство того, что бесконечность не может состоять из подобных частей. Первый это тот, что «в подобном случае этой бесконечности следовало бы приписать один из видов местного движения. Но тогда существовала бы бесконечная тяжесть, или бесконечная легкость, или бесконечное круговое движение; но мы уже доказали, что все это невозможно».

Филотей. А мы еще выяснили, насколько ничтожны эти доводы и возражения; бесконечность в целом не движется, не тяжела и не легка; это относится как ко вселенной, так и ко всякому другому телу, когда оно находится в своем естественном месте, и к отдельным частям, когда они удалены от своего собственного места дальше известной ступени. Бесконечное тело, следовательно, согласно нашему взгляду, не движется ни потенциально, ни актуально; оно ни тяжело, ни легко, ни потенциально, ни актуально. Согласно нашим принципам или принципам тех, против которых Аристотель возводит свои прекрасные замки, бесконечному телу недостает очень многого для того, чтобы оно могло обладать бесконечной тяжестью или бесконечной легкостью.

Эльпин. Столь же ничтожным оказывается и второй довод; ибо он тщетно спрашивает у того, который никогда не утверждал, что Вселенная движется как

потенциально, так и актуально, «движется ли бесконечность естественным образом или насильственным». Он дальше доказывает, что невозможно бесконечное тело, доводами, взятыми из движения вообще, после того как он в своих предыдущих доводах исходил из движения в обычном смысле слова»²⁸. Он утверждает, следовательно, что бесконечное тело не может ни оказывать воздействие на конечное тело, ни тем более претерпевать от него воздействие. Он приводит три основания: первое — что «бесконечное не может претерпевать воздействие от конечного»²⁹; ибо каждое движение, а следовательно, и каждое претерпевание, существует во времени; а если так, то может случиться, что тело меньшей величины может получить воздействие, пропорциональное бесконечной величине; ибо, подобно тому как существует пропорция между конечным страдательным и конечным деятелем, может быть такая же пропорция между конечным страдательным и бесконечным деятелем. Мы это увидим, если предположим в качестве бесконечного тела А, а в качестве конечного тела В; и поскольку всякое движение существует во времени, мы назовем С время, в течение которого А движет другое тело или получает движение от него. Мы возьмем затем тело меньшей величины, чем В; пусть оно будет D, и оно будет действовать на другое тело H, которое мы вводим для того, чтобы заполнить пропорцию, в то же самое время G. Тогда мы увидим ясно, что между меньшим деятелем D и большим деятелем В существует такая же пропорция, как между конечным страдательным H и конечной частью А, которую мы назовем AZ. Если мы теперь заменим отношение первого деятеля к третьему страдательному на отношение второго деятеля к четвертому страдательному, то мы получим, что D находится в такой же пропорции к H, как В к AZ; таким образом, В завершит свое действие в то же самое время G на конечную вещь и на бесконечную вещь, то есть на часть бесконечного AZ и на само бесконечное А. Но это невозможно; следовательно, бесконечное тело не может быть ни деятельным, ни страдательным, ибо два одинаково страдающих тела одинаково страдают в то же самое время от того же самого деятеля, причем меньшее страдающее тело страдает оттого же деятеля в меньшее время, а большее тело — в большее время. Далее, если два различных деятеля завершают свое действие в одинаковое время, то мы получим такую же пропорцию между деятелями, какую мы имеем между страдающими телами. Далее, каждый деятель действует на страдающее тело в конечное время (я говорю о том деятеле, который завершает свое действие, а не о том, движение которого непрерывно, что может быть только при движении перехода), ибо невозможно, чтобы конечная деятельность потребовала бесконечного времени. Следовательно, во-первых, очевидно, что конечное не может завершить свое действие на бесконечное.

G — время

A — бесконечное
страдательное

B — больший
конечный деятель

AZ — часть
бесконечного

D — меньший
конечный деятель

H — конечное
страдательное

Во-вторых, доказывается таким же образом, что «бесконечное не может воздействовать на конечную вещь». Пусть А будет бесконечным деятелем, а В — конечным страдательным; предположим, что бесконечное А действует на конечное В в определенное время G. Пусть затем конечное тело D действует на часть В, то есть VZ, в то же самое время G. Мы, конечно, получим такое же отношение между страдательным VZ ко всему страдательному В, какое существует между деятелем D и другим конечным деятелем H. Если теперь вместо отношения деятеля D к страдательному VZ поставим отношение деятеля H ко всему В, то мы получим, что H движет В в то же самое время, в какое D движет VZ, то есть в то же самое время G, в течение которого бесконечный деятель А движет В. Но это невозможно. Эта невозможность следует из всего того, что мы говорили, а именно из того, что если бесконечная вещь действует в конечное время, то необходимо, чтобы действие не происходило во времени, ибо между конечным и бесконечным не может быть никакой пропорции. Следовательно, если мы предположим два различных агента, которые оказывают то же самое действие на то же самое страдающее тело, то необходимо предположить, что это действие будет происходить в два различных времени: мы получим, что время одного относится ко времени другого, как один деятель к другому. Но если мы предположим, что два деятеля, из которых один конечен, а другой бесконечен, оказывают то же самое действие на то же самое страдающее тело, то нам необходимо будет сказать одно из двух: или то, что действие бесконечного деятеля происходит мгновенно, или то, что действие конечного деятеля происходит в бесконечное время. То и другое невозможно.

G — время

A — бесконечный деятель

H — конечный
деятель

B — конечное
страдательное

D — конечный
деятель

VZ — часть конечного
страдательного

В-третьих, очевидно, что «бесконечное тело не может воздействовать на бесконечное тело». Ибо, как это утверждается в «Физике», невозможно, чтобы действие или страдание не были завершены. Но, поскольку было доказано, что

действие бесконечного на бесконечное никогда не может быть завершено, можно заключить, что одно не может оказать действие на другое. Предположим два бесконечных, из которых одно будет В, а другое А, оказывающее на него воздействие в определенное время G, благодаря чему конечное действие будет завершено в конечное время. Предположим дальше, что часть страдательного ВD терпит воздействие от А, тогда, конечно, будет очевидно, что оно терпит это воздействие в течение времени, меньшего, чем G; пусть эта часть будет обозначена через Z. Тогда, следовательно, между временем Z и временем G будет такая же пропорция, какая существует между ВD — меньшей частью бесконечного страдательного и В — большей частью бесконечного страдательного; пусть будет обозначена через ВDН та часть, которая терпит воздействие от А в бесконечное время G³⁰; но в то же самое время будет терпеть от него воздействие все бесконечное В; а это неправильно, ибо невозможно, чтобы два страдательных, из которых одно бесконечно, а другое конечно, терпели то же самое действие, в то же самое время, от того же самого деятеля, будет ли или, как мы раньше предположили, бесконечным.

Конечное время

G   Z

А — бесконечный
деятель

Бесконечное
страдательное

В   D   Н

Филотей. Все, что говорит Аристотель, может быть и правильно, если оно соответствует его предпосылкам; но, как мы уже заметили, нет ни одного философа, который, говоря о бесконечном, принял бы те предпосылки, из которых вытекали бы подобного рода затруднения. Тем не менее мы рассмотрим его рассуждения не для того, чтобы возразить против них, потому что они не противоречат нам, а только для того, чтобы обсудить, какую важность имеют его доводы. Во-первых, в своих предпосылках он не исходит из естественных оснований, отнимая у бесконечного ту или другую часть; ведь бесконечное не может иметь частей, если только мы не будем утверждать, что каждая часть в свою очередь бесконечна; утверждение, что в бесконечном существуют большие или меньшие части или части, которые имеют большую или меньшую пропорцию по отношению к нему, заключает в себе противоречие. Ибо ты не приблизишься к бесконечному больше, если увеличишь что-либо в сто раз, чем если увеличишь его в три раза, так как бесконечное число состоит в не меньшей степени из бесконечных троек, чем из

бесконечных сотен. Бесконечная протяженность имеет не меньше бесконечных футов, чем бесконечных миль; и поэтому, когда мы говорим о частях бесконечной протяженности, мы не должны говорить о ста милях или о тысячах парасангов³¹. Ибо они могут быть рассмотрены как части конечного и суть на самом деле лишь части конечного, к которому они имеют отношение; но они не могут и не должны считаться частями того, к чему они не имеют отношения. Таким же образом тысяча лет не составляет части Вечности, поскольку она не имеет отношения к целому; но она часть некоторой меры времени, подобно десяти тысячам лет или ста тысячам веков.

Эльпин. Но объясните мне, что вы называете частями бесконечной длительности?

Филотей. Пропорциональные части длительности — это те, которые имеют отношение к длительности и ко времени, но не к бесконечной длительности и бесконечному времени; ибо в последнем самое большое время, то есть самая большая пропорциональная часть длительности, равняется самому меньшему времени, принимая во внимание, что существует не меньше бесконечных веков, чем бесконечных часов. Я говорю, что в бесконечной длительности, которая есть вечность, не больше часов, чем веков. Так что всякая вещь, которая называется частью Бесконечного, поскольку она часть Бесконечного, постольку сама бесконечна как относительно бесконечной длительности, так я относительно бесконечной массы. Из этой доктрины вы можете видеть, насколько осмотрителен в своих предпосылках Аристотель, когда, исходя из них, он принимает конечные части Бесконечного, и какова убедительная сила доказательств некоторых теологов, когда они из вечности времени приходят к нелепому заключению, что существуют различные бесконечные, из которых одно больше другого, подобно тому как существуют различные виды чисел. Эта доктрина, говорю я, дает вам нить, для того чтобы выбраться из бесконечных лабиринтов.

Эльпин. В особенности из того, который вытекает из положения о бесконечных шагах и бесконечных милях, которые должны составить большее или меньшее бесконечное в безмерности Вселенной. Но продолжайте.

Филотей. Во-вторых, Аристотель не убедителен в своих доказательствах. Ибо из того, что Вселенная бесконечна и что в ней существуют бесконечные части (я говорю в «ней», а не о бесконечных «частях ее», ибо одно дело говорить о частях в Бесконечном, а другое дело говорить о частях Бесконечного³²), которые все действуют и страдают и, следовательно, находятся во взаимодействии между собой, он приходит к следующему выводу: Бесконечное оказывает действие на конечное или же страдает от него, или же Бесконечное оказывает действие на Бесконечное, и второе страдает и изменяется от первого. Мы говорим, что этот вывод неправилен в физическом смысле, хотя бы он был правилен в логическом смысле. Ведь мы можем своим разумом сосчитать

бесконечные активные части и бесконечные пассивные части, из которых одни составляют противоположность других; но в природе и действительности, как мы видели, эти части отторгнуты и отделяются друг от друга и разделены посредством пределов и ни в коем случае не принуждают нас и не склоняют к заключению, что само Бесконечное деятельно или страдательно, а только к тому, что бесчисленные конечные части деятельны или страдательны в бесконечном. Мы соглашаемся, таким образом, не с тем, что бесконечное подвижно и изменчиво, но с тем, что в нем имеются бесконечные, подвижные и изменчивые части.³³ Мы не соглашаемся с тем, что конечное терпит воздействие от Бесконечного, или же Бесконечное терпит от конечного, или же Бесконечное от Бесконечного, согласно физической и естественной бесконечности; но подобного рода бесконечность страдания и действия составляет лишь логический и рассудочный прием, который считает все тяжелые тела одним тяжелым телом, хотя на самом деле все тяжести отнюдь не составляют одной тяжести. Бесконечное, таким образом, само по себе неподвижно, неизменно и нетленно; в нем могут быть и существуют бесчисленные и бесконечные движения и изменения, совершенные и завершившиеся. К этому можно прибавить еще и то, что если бы мы имели два тела, бесконечных в одном направлении, которые, с другой стороны, ограничивали бы друг друга, то из этого не следовал бы тот вывод, который делает Аристотель, а именно, будто бы их действия и страдания были бы бесконечны. Если бы из этих двух тел одно действовало на другое, оно не действовало бы согласно всему своему объему и величине, ибо оно находится в ближайшем соседстве, соединено и соприкасается с другим не согласно всей своей величине и не согласно всем своим частям. Предположим, что существуют два бесконечных тела А и В, которые соприкасаются или соединяются вместе по линии или поверхности FG. Они, конечно, не будут действовать одно на другое согласно всей своей силе, ибо они не приближаются друг к другу всеми своими частями, так как их соприкосновение может происходить только в некоей определенной и конечной границе. Я утверждаю дальше, что если мы даже будем принимать эту поверхность или линию бесконечною, тем не менее отсюда не будет следовать, что тела, соприкасающиеся с ней, оказывают друг на Друга бесконечное действие или же испытывают бесконечное страдание; ибо их действие не интенсивно, а экстенсивно, так как их части экстенсивны. Вот почему происходит, что ни в одной части бесконечное не будет действовать согласно всей своей силе, а лишь экстенсивно, часть за частью, дискретно и отдельно.

	10	1	F	M	
	20	2		B	N
A	30	3		C	O
	40	4	G	D	P
					B

Так, например, из двух противоположных тел, которые могут находиться во взаимодействии, пусть будут соседними частями А и 1, В и 2, С и 3, D и 4 и так далее до бесконечности. Отсюда: никогда не получится бесконечно интенсивное действие, так как части этих обоих тел не могут воздействовать друг на друга за пределами известного определенного промежутка; поэтому М и 10, N и 20, O и 30, P и 40 не могут воздействовать друг на друга. Вот почему если мы примем два бесконечных тела, то отсюда не вытекает бесконечное действие. Я иду еще дальше: если даже мы предположим и согласимся, что эти два бесконечных тела могут воздействовать друг на друга интенсивно и согласно всей своей силе, отсюда все же не будет следовать ни бесконечное действие, ни бесконечное страдание; ибо в таком случае одно окажет другому не меньшее отпор и сопротивление, чем те натиск и воздействие, которые оно испытывает, и в нем поэтому не произойдет никакого изменения. Таким образом, противопоставляя друг другу два бесконечных противоположных тела, мы видим, что из этого следует конечное изменение или же что не произойдет никакого изменения.

Эльпин. Но что вы скажете о противоположности одного конечного тела и другого бесконечного, например, если бы Земля была холодным телом, а небо огнем; между Землей и между всеми огненными звездами, между нею и безмерным небом с его бесчисленными звездами? Не считаете ли вы, что отсюда следует вывод Аристотеля, а именно тот, что конечное должно быть поглощено бесконечным?³⁴

Филотей. Конечно, нет, как это можно видеть из сказанного раньше. Ибо, поскольку телесная сила простирается по объему бесконечного тела, она не будет действовать на конечное тело с бесконечной силой, но лишь с той силой, которую она может излучать из конечных частей и согласно известным расстояниям, так как она не может действовать всеми своими частями, а лишь только ближайшими частями. Это видно из следующего примера. Предположим, что имеется два бесконечных тела А и В, которые способны воздействовать друг на друга только теми частями, которые лежат в промежутке между 10, 20, 30, 40 и М, N, O, P, — в таком случае действие, которое они окажут друг на друга, не станет более сильным, если бы даже тело В стало расти до бесконечности, а тело А оставалось конечным. Таким образом, из противопоставления двух противоположных тел всегда будет следовать конечное действие и конечное изменение, все равно, будем ли мы считать, что одно из этих тел бесконечно, а другое конечно или же мы будем считать оба бесконечными.

Эльпин. Вы меня вполне удовлетворяете, так что я считаю излишним приводить другие дикие доводы, которыми Аристотель хочет доказать, что вне неба не существует бесконечного тела, вроде следующего: «Каждое тело, которое занимает место, носит чувственный характер, но вне неба нет чувственных тел, следовательно, там нет места». Или следующий довод: «Всякое чувственное тело занимает место, вне неба нет места, следовательно, там нет и тела; там

вообще не существует „вне“, ибо „вне“ обозначает различие между чувственными местами; но оно не обозначает различия между духовными умопостигаемыми телами, как это могли бы думать некоторые; но если нечто носит чувственный характер, то оно конечное».

Филотей. Я верю и считаю, что по ту сторону воображаемого небесного свода всегда имеется эфирная область, где находятся мировые тела, звезды, земли и солнца; все они имеют чувственный характер в абсолютном смысле слова как сами по себе, так и для тех, которые живут на них или около них, хотя они не могут быть воспринимаемы нами вследствие отдаленности расстояния. Отсюда вы можете видеть, на каком фундаменте стоит Аристотель, когда из того, что мы не можем воспринимать ни одного тела за пределами воображаемой окружности, он заключает, что там нет никаких тел; и поэтому он упорно отказывается верить в существование каких-либо тел за пределами восьмой сферы, вне которой астрологи его времени не допускали никаких других небесных сфер.³⁵ Они относили видимое вращение мира вокруг земли к первому движимому, находящемуся выше всех других. Исходя из таких предпосылок, они вынуждены были двигаться без конца все дальше и дальше и прибавлять сферу к сфере и в заключение додумались до таких сфер, которые не имеют звезд, а следовательно, и чувственных тел, так что это мнение опровергается даже астрологическими предпосылками и фантазиями: Но тем более оно осуждается теми, которые лучше понимают и знают, что тела, которые, согласно их воззрениям, принадлежат к восьмому небу, тем не менее в не меньшей степени отдалены друг от друга и от Земли, чем семь других сфер; единственное основание, приводимое в пользу их одинаковой отдаленности от Земли, покоится на ложном предположении, что Земля находится в неподвижном состоянии. Но против этого восстает вся природа, возмущается всякий рассудок; это осуждают всякое правильное мышление и хорошо развитый интеллект. Но, как бы то ни было, утверждение, что Вселенная находит свои пределы там, где прекращается действие наших чувств, противоречит всякому разуму, ибо чувственное восприятие является причиной того, что мы заключаем о присутствии тел; но его отсутствие, которое может быть следствием слабости наших чувств, а не отсутствия чувственного объекта, недостаточно для того, чтобы дать повод хотя бы для малейшего подозрения в том, что тела не существуют. Ибо если бы истина зависела от подобной чувственности, то все тела должны были бы быть такими и столь же близкими к нам и друг к другу, какими они нам кажутся. Но наша способность суждения показывает нам, что некоторые звезды нам кажутся меньшими на небе, и мы их относим к звездам четвертой и пятой величины, хотя они на самом деле гораздо крупнее тех звезд, которые мы относим ко второй или первой величине. Чувство не способно оценить взаимоотношение между громадными расстояниями; из наших взглядов на движение Земли мы знаем, что эти миры не находятся на одинаковом расстоянии от нашего мира и не лежат, как это думают, на одном деференте³⁶.

Эльпин. Вы хотите сказать, что они не являются как бы прикрепленными к одному и тому же небесному куполу. Это нелепое представление; этому могут верить только дети, которые, может быть, поверили бы, что если бы звезды не были прикреплены к своду неба, как пластинки, хорошим клеем или же прибиты крепкими гвоздями, то они падали бы на нас из воздуха подобно граду. Вы хотите сказать, что эти другие земли и другие громадные тела занимают свои области и сохраняют свои расстояния в эфирном поле, подобно тому как занимает свое место эта Земля, вращение которой производит видимость, что все мировые тела движутся вокруг нее, как будто связанные вместе. Вы хотите сказать, что нет надобности принимать существование духовного тела за пределами восьмой или девятой сферы, но что тот же самый воздух, который окружает Землю, Луну и Солнце, содержа их, распространяется до бесконечности и охватывает другие бесконечные созвездия и жизненные существа; что этот воздух является общим универсальным Местом, бесконечное и обширное лоно которого содержит в себе всю бесконечную Вселенную, подобно тому как видимое нами пространство содержит громадные и многочисленные светила. Вы хотите сказать, что в круговом движении находится не этот воздух и это объемлющее нас тело, которое в своем движении захватывает звезды, Землю и Луну и другие планеты, но что они движутся собственной душой, по своим собственным путям, что все они имеют свои собственные движения, независимые от того мирового движения, видимость которого вызывается движением Земли, независимые также от всех других движений, которые кажутся общими для всех звезд, как будто бы они были прикреплены к подвижному телу, видимость которых вызывается различными видами движения звезды, на которой мы находимся и движение которой для нас незаметно. Вы хотите, наконец, сказать, что воздух и части, находящиеся в эфирной области, не имеют другого движения кроме сжатия и расширения, которые необходимы для поступательного движения этих твердых тел, в то время как одни кружатся вокруг других и это духовное тело наполняет собою все.

Филотей. Конечно, кроме того я говорю, что это бесконечное и безмерное Тело есть живое существо, хотя оно не имеет определенной формы и чувств, которые относились бы к внешним вещам; ибо оно заключает в себе всю Душу и охватывает все одушевленное и есть все это. Далее, я утверждаю, что из предположения двух бесконечных тел не вытекает никаких трудностей. Ибо мир является одушевленным Телом, в нем имеются бесконечная двигательная сила и бесконечные предметы, на которые направлена эта сила, которые существуют дискретно, как мы это объяснили; ибо целое непрерывное неподвижно; в нем нет ни кругового движения, для которого необходим центр, ни прямолинейного движения, которое направлялось бы от одной точки к другой, так как в нем нет ни середины, ни конца. Мы утверждаем, далее, что движение тяжелого и легкого не только не подобает бесконечному телу, но не подходит даже для всякого целого и совершенного тела, которое находится в

бесконечном, а также для какой-либо части, которая находится на своем месте и пользуется своим естественным положением. Я повторяю, что ничто не может быть легким или тяжелым в абсолютном смысле слова, а только в относительном, то есть по отношению к тому месту, к которому рассеянные и разбросанные части возвращаются и собираются. Мы сегодня сказали достаточно относительно бесконечной громады Вселенной. Завтра я вас буду ожидать, если вы пожелаете выслушать относительно бесконечных миров, которые находятся во Вселенной.

Эльпин. Хотя предыдущее меня достаточно подготовило к тому, чтобы дальше размышлять самостоятельно, я тем не менее вернусь завтра для того, чтобы услышать другие, особенные и достойные внимания объяснения.

Фракасторий. Я, со своей стороны, буду только слушателем.

Буркий. И я. Чем более я начинаю вас понимать, тем более я начинаю считать правдоподобным или даже, может быть, истинным то, что вы говорите.

Конец второго диалога

Примечания:

14. См. диалог «О Причине, Начале и Едином».

15. Здесь подразумевается огонь не в современном понимании, а как один из элементов.

16. Аристотель называет физиками или физиологами древнегреческих материалистов, главным образом философов ионийской школы (Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена), а также Гераклита, Анаксагора, Эмпедокла.

17. «Физика», 4.6-9, где разбирается вопрос о пустоте.

18. Эльпин приводит в свободном изложении аргументы Аристотеля («О небе», 1.5).

19. Аристотель в «Физике» полемизирует с Зеноном, доказывавшим невозможность движения.

20. «Физика», 8.3. Аристотель упоминает там о философах, утверждающих, что «Сущее бесконечно и неподвижно».

21. Эльпин приводит частично дословно, частично в пересказе Аристотеля («О небе», 1.6).

22. Аристотель считал, что тело падает тем скорее, чем больше его вес. Современная физика доказывает, что скорость падения тела в безвоздушном пространстве не зависит от веса тела. Законы падения тел были открыты Галеном, но предвосхищены Бруно.

23. *Petitio principii* (лат.) — в логике ошибка в доказательстве, состоящая в допущении недоказанной предпосылки, вывод из недоказанного.

24. «О небе», 1.7.

25. Аристотель называет пять элементов: землю, воду, воздух, огонь и эфир. Первые четыре стихии движутся прямолинейно (одни вверх, другие вниз), эфир же является носителем кругового движения. Земля тяжела и стремится вниз, вода относительно тяжела. Огонь легок и стремится вверх, воздух относительно легок. Эфир не тяжел и не легок.

26. Бруно признает возможность гибели отдельных миров и планет. Такое мнение он высказывает в латинском сочинении «О безмерных и неисчислимом», где признает несомненным только то, что Вселенная в целом неразрушима. Это любопытно сравнить с современной теорией аттракторов.

27. См. диалог «О Причине, Начале и Едином».

28. *Движение в обычном смысле слова* — перемещение в пространстве. *Движение вообще* — всякое изменение. См. «Физика», 5.1-2.

29. «О небе», 1.7.

30. По-видимому, описка. Из контекста видно, что время *O* должно быть конечным.

31. *Парасанг* — персидская мера длины (около 5,5 км, 30 эллинских стадий).

32. Более подробно отличие между первым и вторым объясняется в пятом диалоге «О Причине, Начале и Едином». В каждой части целого субстанция заключена целиком (так же как можно говорить о присутствии души в части, называемой рукой, но не части души в руке). Следовательно, хотя части и находятся в бесконечном, они не уничтожают единства бесконечного. Далее в полемике с Аристотелем Бруно утверждает, что конечное не находится ни в каком отношении с бесконечным.

33. В связи с этим приходит аналогия со знаменитой в свое время теорией о тепловой смерти вселенной согласно второму закону термодинамики (когда энтропия, а соответственно и температура в отдельных частях вселенной,

постепенно выровняется и жизнь прекратится). Теперь, однако, известно, что во вселенной существуют объекты, где энтропия, наоборот, уменьшается, а степень сложности систем растет, как это происходит, например, во всех живых организмах. Так что о чем-либо применительно ко вселенной в целом говорить затруднительно.

34. Доказательство это дано Аристотелем в «Физике» (3.5): «...невозможность бесконечного тела вытекает из следующего. Оно не может быть ни сложным, ни простым. Сложным не может быть бесконечное тело, если количество его элементов ограничено. Необходимо, чтобы их было много, чтобы противоположности уравновешивали друг друга и ни один элемент не был бесконечным. Ведь если сколько-нибудь сила одного тела уступает другому, например, если огонь ограничен, а воздух бесконечен, и равное количество огня превышает по силе равное количество воздуха во сколько угодно раз, лишь бы это выражалось каким-нибудь числом, то ясно, что бесконечное преодолевает и уничтожает конечное».

35. В системе Птолемея восьмая сфера — сфера неподвижных звезд, остальные семь — сферы планет Солнечной системы и Луны. За сферой неподвижных звезд находится Перводвигатель — Бог.

36. Деферент — в теории эпициклов Птолемея окружность, по которой обращается планета. Центр деферента, в свою очередь, обращается вокруг Земли по окружности — эпициклу.

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ

Филотей. Единое, следовательно, небо, безмерное пространство, лоно которого содержит все, эфирная область, в которой все пробегает и движется. В нем — бесчисленные звезды, созвездия, шары, солнца и земли, чувственно воспринимаемые; разумом мы заключаем о бесконечном количестве других. Безмерная, бесконечная Вселенная составлена из этого пространства и тел, заключающихся в нем.

Эльпин. Таким образом, нет сфер с вогнутой и выпуклой поверхностью, нет деферирующих кругов, но все есть одно поле, общее небесное вместилище.

Филотей. Да, так.

Эльпин. То, следовательно, что заставляло воображать различные небеса, было движением различных звезд: видели небо, наполненное звездами, которое вращается вокруг Земли, причем ни одно из этих светил не отдалялось одно от другого, но все они всегда сохраняли между собой одно и то же расстояние и отношение и один и тот же порядок; все они вращались вокруг Земли, подобно

тому как вращается вокруг своей собственной оси колесо, на котором прикреплены бесчисленные зеркала. Считали очевидным, как это кажется нашим глазам, что эти светящиеся тела не обладали своим собственным движением, благодаря которому они могли бы сами двигаться подобно птицам по воздуху; полагали, что они движутся, прикрепленные к своим орбитам, которые получали свое движение от толчка некоей Божественной Интеллигенции.

Филотей. Таково было общее воззрение; но кто понял движение этой мировой звезды, на которой мы обитаем, которая, не будучи прикреплена ни к какой орбите, вследствие внутреннего принципа, собственной души и своей собственной природы пробегает обширное поле вокруг Солнца или вращается вокруг своего собственного центра, тот освободится от этого заблуждения. Пред ним откроются врата понимания истинных принципов естественных вещей, и он будет шагать гигантскими шагами по пути истины. Эта истина была до сих пор скрыта под покровом стольких мерзких и скотских заблуждений; она доселе была скрыта вследствие неблагоприятных условий времени, когда вслед за светлым днем древних мудрецов наступила мрачная ночь безрассудных софистов.

Покоя нет — все движется, вращаясь,
На небе иль под небом обретаясь.
И всякой вещи свойственно движенье,
Близка она от нас иль далека,
И тяжела она или легка.
И все, быть может, в том же направленьи
И тем же шагом вверх и вниз идет,
Пока себе единства не найдет.
Так море бурное колеблется волненьем,
То опускаясь вниз, то вверх идя горой,
Но остается все ж самим собой.
Один и тот же вихрь своим вращеньем
Всех наделяет тою же судьбой.

Эльпин. Нет никакого сомнения, что вся эта фантастика о звездоносцах, пламеносцах, осях, деферентах, службе эпициклов и других химерах обязана своим происхождением воображению, а не какому-либо другому принципу; оттого нам кажется, что эта Земля находится в центре и середине вселенной и что одна только она неподвижна и закреплена, а все другое вращается вокруг нее.

Филотей. То же самое кажется тем, которые живут на Луне и на других звездах — землях или солнцах, — которые находятся в этом же самом пространстве.

Эльпин. Если мы отныне примем, что Земля своим движением создает видимость ежедневного мирового движения и своими различными движениями создает видимость движения бесчисленных звезд, то нам придется утверждать, что Луна (которая есть другая земля³⁷) своею собственною силою движется по воздуху вокруг Солнца. Таким же образом Венера, Меркурий и другие планеты, которые являются другими землями, совершают каждая свой путь вокруг того же Отца жизни.

Филотей. Правильно.

Эльпин. Собственные движения каждой из этих планет будут те, которые мы получим после того, как мы отнимем это мировое движение и движение так называемых неподвижных звезд (и то и другое движение относится к Земле); эти движения не менее отличны, чем эти тела, так что никогда не может быть двух звезд, которые сохраняли бы тот же порядок и ту же меру движения; но если, мы не замечаем никакого различия в их движении, то зад происходит вследствие значительной отдаленности их от нас; на самом же деле звезды совершают свои круги вокруг солнечного огня и вокруг собственных центров, для того чтобы получить жизненную теплоту, хотя мы и не замечаем различия в их приближении и удалении к их солнцам.

Филотей. Правильно.

Эльпин. Существуют, следовательно, неисчислимы солнца, бесчисленные земли, которые кружатся вокруг своих солнц, подобно тому как наши семь планет кружатся вокруг нашего Солнца?

Филотей. Правильно.

Эльпин. Почему мы не замечаем, чтобы вокруг других светил, которые суть солнца, кружились другие светила, которые были бы их землями? Мы не замечаем никакого другого движения, и все другие мировые тела, за исключением так называемых комет, наблюдаются нами всегда в том же порядке и на том же расстоянии.

Филотей. Это происходит вследствие того, что мы видим солнца, которые более велики или даже бывают величайшими телами, но не видим земель, которые, будучи гораздо меньшими телами, невидимы для нас. Не противоречит разуму также, чтобы вокруг этого Солнца кружились еще другие земли³⁸, которые незаметны для нас или вследствие большой отдаленности их, или вследствие их небольшой величины, или вследствие отсутствия у них больших водных поверхностей, или же вследствие того, что эти поверхности не могут быть обращены одновременно к нам и противоположно к Солнцу, в каком случае солнечные лучи, отражаясь как бы в кристальном зеркале, сделали бы их видимыми для нас. Неудивительно поэтому и не противоречит природе, если

мы часто слышим, что Солнце потерпело как бы некоторое затмение без того, чтобы Луна вступила между нами и Солнцем. Кроме видимых могут быть еще бесчисленные светящиеся водные тела (то есть земли, часть которых составляют воды), кружащиеся вокруг Солнца; но мы не замечаем их вращения вследствие их большой отдаленности. Точно так же вследствие чрезвычайной медленности движения тех тел, которые находятся за пределами Сатурна, мы не замечаем различия движения одних от других и не можем вывести закон их движения вокруг центра, все равно, будем ли мы считать их центром Землю или Солнце.

Эльпин. Но каким же образом все эти планеты, будучи столь отдаленными от центра, то есть от Солнца, могут получать жизненную теплоту от него?

Филотей. Так как они более отдалены, то они делают также большие круги; чем больше круги, которые они делают, тем медленнее они движутся вокруг Солнца; чем медленнее они движутся, тем больше они сопротивляются действию жарких и раскаленных лучей Солнца.

Эльпин. Вы считаете, следовательно, что эти тела, хотя они столь отдалены от Солнца, могут получать от него достаточное количество теплоты; ибо, быстрее вращаясь вокруг своего собственного центра и медленнее вокруг Солнца, они могут получать не только такое количество теплоты, но даже избыток, если понадобится; благодаря более быстрому движению вокруг своего собственного центра каждая часть их выпуклой поверхности, не получившая достаточно теплоты, быстрее возвращается к тому же самому месту; благодаря же более медленному движению вокруг огненного центра их поверхность подвергается более длительному воздействию Солнца и получает большее количество живительных и пламенных лучей.

Филотей. Правильно.

Эльпин. Вы, следовательно, полагаете, что если звезды, которые мы видим за пределами Сатурна, действительно неподвижны, то они являются бесчисленными солнцами или огнями, которые для нас более или менее видимы и вокруг которых движутся, в свою очередь, невидимые для нас и близкие для них земли?

Филотей. Так следовало бы утверждать, принимая во внимание, что все земли достойны иметь одинаковые отношения и все солнца достойны того же.

Эльпин. Вы полагаете, следовательно, что все эти неподвижные звезды суть солнца?

Филотей. Нет, ибо я не знаю, все ли они неподвижны или же лишь большая часть их и движутся ли одни из них вокруг других; ведь этого никто не

наблюдал до сих пор, а кроме того, это и нелегко наблюдать; точно так же нелегко наблюдать поступательный ход и движение отдаленной вещи, которая на большом расстоянии как будто не меняет своего места, как это мы видим на кораблях, находящихся в открытом море. Но как бы то ни было, поскольку Вселенная бесконечна, необходимо, чтобы существовало множество солнц; ибо невозможно, чтобы теплота и свет одного-единственного солнца могли излучаться по безмерной Вселенной, как это воображал Эпикур, если верно то, что некоторые о нем сообщают. Поэтому нужно принять, что существуют еще бесчисленные солнца, из которых многие для нас заметны в виде маленьких тел; но некоторые могут нам казаться меньшими звездами, хотя на самом деле они гораздо больше тех, которые кажутся нам чрезвычайно крупными.

Эльпин. Все это нужно считать возможным и приемлемым.

Филотей. Вокруг этих солнц могут вращаться земли, имеющие большие или меньшие массы, чем наша Земля.

Эльпин. Но каким образом мы можем замечать их отличия? Каким образом, говорю я, мы можем различать между огнями и землями?

Филотей. Благодаря тому, что огни неподвижны, а земли подвижны, а также благодаря тому, что огни мерцают, а земли не мерцают; из этих признаков второй более заметен, чем первый.

Эльпин. Говорят, что видимость мерцания происходит вследствие отдаленности светил от нас?

Филотей. Если бы это было так, то Солнце не мерцало бы больше всех, а меньшие звезды, которые более отдалены, мерцали бы больше, чем крупные звезды, которые ближе к нам.

Эльпин. Думаете ли вы, что огненные миры так же обитаемы, как и водные?

Филотей. Нисколько не меньше.

Эльпин. Но какие животные могут жить на огне?

Филотей. Вы не должны думать, что эти тела состоят из одинаковых частей, ибо в таком случае они были бы не мирами, а пустынными и бесплодными массами. Поэтому надо считать приемлемым и естественным, что они состоят из различных частей, подобно тому как эта Земля и другие земли имеют различные собственные органы; впрочем, эти кажутся издали освещенными водами, а те — пламенными светилами.

Эльпин. Вы думаете, что по своему составу и плотности основные элементы Солнца таковы же, каковы элементы Земли? Ибо я знаю, что вы не сомневаетесь в существовании первичной материи, из которой возникло все.

Филотей. Конечно. Это понял Тимей, подтвердил Платон и знали все истинные философы; но лишь немногие сумели это объяснить, и в наши дни не нашлось никого, кто бы понял это; наоборот, многие старались тысячью способов затемнить сознание; все это произошло вследствие порчи умственных привычек и ошибочности принципов.

Эльпин. Кажется, что к этому способу познания приблизился, если и не дошел до него, Николай Кузанский в своем «Ученом незнании», когда он, говоря об особенностях Земли, утверждал следующее: «Из темноты и черного цвета земли вы не должны заключать, что земное тело плохо и менее благородно, чем другие тела; ибо если бы мы обитали на Солнце, то мы бы его не воспринимали таким же светлым, каким теперь кажется Солнце из этой его области. Далее, если мы будем внимательно наблюдать Солнце, то мы заметим около середины его как бы землю и даже как бы влажное тело и туманное тело, а затем как бы круг, излучающий ясный блестящий свет. Солнце, таким образом, составлено из тех же элементов, что Земля»³⁹.

Филотей. До сих пор он говорил божественно, но скажите нам, что он говорил в дальнейшем?

Эльпин. Судя по тому, что он говорил дальше, надо полагать, что он считал эту землю другим солнцем и думал, что все другие звезды также солнца. Он говорит: «Если бы кто-нибудь находился вне области нашего огня, то ему эта Земля казалась бы светлой звездой, окруженной огненной областью; точно так же и нам, находящимся на окружности области Солнца, Солнце кажется чрезвычайно блестящим; Луна же нам не кажется столь же блестящей, ибо в ее области мы находимся ближе к средним частям, или, как он говорит, центральным, то есть мы находимся во влажной и водянистой области ее; вот почему Луна, хотя и обладает собственным светом, нам не кажется таковой, ибо мы замечаем лишь тот свет, который получается вследствие отражения солнечного света от ее водной поверхности».

Филотей. Этот превосходный человек много видел и понял и действительно является одним из самых замечательных умов, дышавших этим воздухом; но что касается познания Истины, то он был подобен пловцу, которого бурные волны кидают то вверх, то вниз; ибо он не видел непрерывного, открытого, ясного света, он не плавал в спокойной ясной воде. Он схватывал истину частично и через известные промежутки. Причина этого та, что он не сумел освободиться от всех впитанных им ложных принципов и от общераспространенной доктрины, от которых он отпирывался; вот почему он

назвал свою книгу очень удачно и может быть намеренно «Об ученом незнании» или «О незнающей учености».

Эльпин. Что это за принцип, от которого он не освободился, но от которого он должен был освободиться?

Филотей. Он думал, что элемент огня не что иное, как воздух, вспыхнувший от движения неба, и что огонь является в высшей степени тонким веществом; но это противоречит истине и природе, как мы это увидим, когда будем обсуждать этот предмет специально; мы тогда докажем, что необходимо существует материальное плотное и твердое начало как тепла, так и холода и что эфирная область и не может быть огнем и не есть огонь, но освещается и согревается близостью твердого и плотного тела, каково Солнце. Вот почему, когда мы говорим о естественных вещах, нам нет нужды прибегать к математическим фантазиям. Мы видим, что не все части Земли светятся сами собой, но что некоторые части освещаются другими и могут сообщать теплоту окружающим областям, например вода или туманный воздух, который воспринимает свет и теплоту от Солнца. Поэтому необходимо полагать, что существует Первое Тело, которое имеет в себе и свет и теплоту; этого не могло бы быть, если бы это тело не было устойчивым, твердым и густым; ибо разреженное и тонкое вещество не может быть носителем света и теплоты, как мы это докажем в своем месте. Необходимо, наконец, считать, что оба фундамента двух противоположных первых активных качеств одинаково устойчивы⁴⁰ и что соответствующие части Солнца, которые излучают свет и теплоту, обладают прочностью камня или прочного раскаленного металла; я не говорю о плавком металле, каковы свинец, бронза, золото и серебро, но о неплавком металле, каковым является уже не разогретое огнем железо, но то железо, которое само есть огонь. В то время как звезда, на которой мы живем, сама по себе холодна и темна и не обладает собственным светом и теплотой, а получает их от Солнца, — Солнце само по себе теплое и светящееся и причастно к холоду и темноте, поскольку охлаждается окружающими телами и имеет частицы воды, подобно тому как Земля имеет частицы огня. Поэтому, подобно тому как на этом холоднейшем теле, которое само по себе холодно и темно, существуют животные, которые нуждаются в теплоте и свете солнца, точно так же на этом самом горячем светящемся теле существуют животные,⁴¹ которые живут благодаря холоду окружающих их холодных тел; и подобно тому как это тело некоторым образом причастно к теплу благодаря своим несхожим частям, так и то тело причастно к холоду благодаря своим холодным частям.

Эльпин. Но что вы скажете о свете?

Филотей. Я скажу, что Солнце не светит Солнцу, а Земля не светит Земле. Ни одно тело не освещает само себя, но каждое светящееся тело освещает окружающее его пространство. Поэтому, хотя Земля светит благодаря солнечным лучам, отраженным ее кристалльной поверхностью, тем не менее ее

свет не заметен ни для нас, ни для тех, которые находятся на таковой поверхности, а лишь для тех, которые находятся против нее. Подобно этому хотя вся поверхность моря освещена ночью светом луны, тем не менее для тех, кто едет по морю, кажется освещенной лишь известная часть, которая расположена против луны; но если бы им удалось подняться выше над морем, по воздуху, то освещенная поверхность казалась бы им все больше. Отсюда очень легко заключить, что те, которые живут на светящихся или хотя бы освещенных звездах, не замечают света своей собственной звезды, а лишь свет окружающих их звезд, подобно тому как в общем пространстве каждое отдельное место получает свой свет от другого места.

Эльпин. Вы утверждаете, следовательно, что для обитателей Солнца причиной дня является не Солнце, а другая из окружающих звезд?

Филотей. Правильно. Или вам это непонятно?

Эльпин. Кто бы это не понял! Я понял еще и другие вещи, которые вытекают из этого. Существует, следовательно, два вида светящихся тел, а именно огненные, которые светятся первично, и водянистые и кристаллические, которые светят отраженным светом.

Филотей. Правильно.

Эльпин. Следовательно, причина света не должна быть отнесена к другому началу?

Филотей. Каким образом может быть иначе, когда мы не знаем другого основания света? Зачем нам прибегать к пустым фантазиям там, где нас учит сам опыт.

Эльпин. Действительно, мы не должны думать, что эти тела светятся благодаря какой-нибудь случайной и непостоянной причине, подобно гнилому дереву, слизи и чешуе рыб, хрупким спинкам ящуров и светляков, о причинах свечения которых мы еще будем говорить.

Филотей. Как вам угодно.

Эльпин. Ошибаются, следовательно, те, которые говорят, что эти окружающие нас светящиеся тела являются известными пятью сущностями⁴², имеющими божественную природу, противоположную тем телам, которые находятся вблизи нас и вблизи которых мы находимся; они ошибаются подобно тем, которые утверждали бы это о свече или светящемся кристалле, видных нам издали.

Филотей. Конечно.

Фракасторий. Это на самом деле должно быть ясно всякому чувству, разуму и интеллекту.

Буркий. Но это не ясно моему интеллекту, который считает эти ваши мнения софистическими.

Филотей. Отвечай ему ты, Фракасторий, ибо я и Эльпин уже достаточно много рассуждали, а теперь мы будем вас слушать.

Фракасторий. Мой дорогой Буркий, предположим, что ты находишься на месте Аристотеля, а я представляю собой идиота и деревенщину, который признается, что ничего не понимает из того, что утверждает Филотей, и из того, что говорит Аристотель, а вслед за ним и весь мир. Я верю большинству, верю во имя славы и величия авторитета перипатетиков, восхищаюсь вместе с бесчисленной толпой божественностью этого демона природа; но именно благодаря этому я прихожу к тебе, чтобы ты меня обучил истине и освободил меня от мнений того, кого ты называешь софистом. И вот я тебя спрашиваю, на каком основании вы утверждаете, что существует такое колоссальное различие, во всяком случае, большое или даже какое бы то ни было различие между небесными телами и теми телами, которые находятся вокруг нас?

Буркий. Те божественны, а эти материальны.

Фракасторий. Каким образом вы мне докажете и заставите верить, что те более божественны?

Буркий. Ибо те бесстрастны и неизменны, нетленны и вечны, а эти наоборот; те движутся круговым и совершенным движением, эти же прямолинейно.

Фракасторий. Я хотел бы знать, на основании каких соображений вы считаете, что это единственное тело (которое ты считаешь состоящим из трех или четырех тел, но не считаешь организмом, членами которого являются эти тела⁴³) не движется подобно другим подвижным звездам, принимая во внимание, что движение тех звезд для нас незаметно ввиду того, что они находятся за пределами известного расстояния? Если это тело движется, то движение его не может быть для нас заметно, ибо, как это заметили древние и современные истинные наблюдатели природы и как это показывает тысячью способов чувственный опыт, мы можем заметить движение только посредством известного сравнения и сопоставления с каким-либо неподвижным телом. Так, люди, находящиеся в середине моря на плывущем корабле, если они не знают, что вода течет, и не видят берегов, не заметят движения корабля. Ввиду этого можно сомневаться относительно покоя и неподвижности Земли. Я могу считать, что если бы я находился на Солнце, Луне или на других звездах, то мне всегда казалось бы, что я нахожусь в центре неподвижного мира, вокруг которого вращается все окружающее, вокруг которого вращается этот

окружающий меня мир, в центре которого я нахожусь. Вот почему я не уверен в различии между подвижным и устойчивым.

Что касается прямолинейного движения, о котором ты говоришь, то мы, конечно, не замечаем, чтобы это тело двигалось по прямой линии, как мы этого не видим и у других тел. Земля, если она движется, движется по кругу, подобно другим звездам, как это утверждали Гегезий, Платон и другие мудрецы и как это должен был допустить и Аристотель и всякий другой. Когда мы замечаем, что на этой Земле что-либо подымается или опускается, то это не относится ко всему шару, а лишь к известным частям его, и эти части не удаляются дальше пределов той области, которая заключает части и члены этого шара; в нем, как в живом организме, происходят истечение и приток частей, их известное изменение и возобновление. Если то же самое происходит и на других звездах, то оно также не должно быть для нас заметно; ибо если и на других звездах происходят испарения, движения ветров, дождь, снег, гром и молния, засуха, плодородие, наводнение, рождение и смерть, то все эти явления — если они происходят на других звездах — не могут быть для нас заметны. Ибо эти звезды заметны для нас только благодаря постоянному блеску, который испускают через громадное пространство их огненные, водные или облачные поверхности. Таким же образом и наша звезда заметна для живущих на других звездах благодаря блеску, который излучает поверхность моря (а иногда и облачные тела, благодаря которым темные части Луны нам кажутся не столь темными). Поверхность нашей Земли меняется только через огромнейшие промежутки — эпохи и столетия, в течение которых моря превращаются в континенты, а континенты в моря.⁴⁴ Это тело, следовательно, и те тела заметны только благодаря тому свету, Который они излучают. Свет, который наша Земля изливает на другие звезды, обладает не меньшим постоянством и неизменностью, чем свет подобных же звезд; и подобно тому как для нас незаметно прямолинейное движение и изменение частей звезд, так и для них незаметно всякое другое движение и изменение, которые происходят на нашей Земле. И подобно тому как с Земли, которая есть другая луна, различные части Луны нам кажутся в различной степени освещенными, так и на Луне, которая есть другая земля, различные части Земли отличаются разнообразием форм своих поверхностей. И подобно тому как если бы Луна была более удалена от нас, диаметр темных частей уменьшился бы, а светлые части соединились бы в одно и представляли бы для нашего зрения меньшее светящееся тело, точно так же и Земля, если бы была более удалена от Луны, казалась бы маленькой звездой. Отсюда мы можем заключить, что между бесчисленными звездами существует множество других лун, множество других земных шаров, множество других миров, подобных нашему; и их жителям кажется, что наша Земля движется вокруг них, подобно тому как нам кажется, что они движутся и вращаются вокруг этой Земли. Почему, следовательно, мы должны утверждать, что существует различие между телами и этой Землей, когда мы всюду

замечаем соответствие? Зачем нам отрицать это соответствие, если ни разум, ни чувства не заставляют нас сомневаться в этом?

Буркий. Вы, следовательно, считаете доказанным, что те тела не отличаются от нашего?

Фракасторий. Я думаю — да; ибо то, что заметно у нас оттуда, может быть заметно у них отсюда и наоборот, И там и здесь заметны маленькие тела, которые вблизи освещены лишь отчасти, а издали кажутся светлыми точками, тем меньшими, чем дальше они друг от друга.

Буркий. Но где же тот прекрасный порядок, та прекрасная лестница природы, по которой восходят от более грубого и плотного тела, какова земля, к менее плотному, какова вода, к тонкому, каков пар, к более тонкому, каков чистый воздух, к тончайшему, каков огонь, к божественному, каково небесное тело? От темного к менее темному, к ясному, к более ясному и к самому ясному; от мрачного к светлому, от изменчивого и преходящего к тому, что свободно от всякого изменения и разрушения; от наиболее тяжелого к тяжелому, от этого к легкому, от легкого к наиболее легкому, а от этого к тому, что не легко и не тяжело; от движущегося к центру к тому, что движется от центра, а от этих к тому, что движется вокруг центра?⁴⁵

Фракасторий. Вы хотите знать, где этот порядок? Там же, где сновидения, фантазии, химеры и сумасбродство. Ибо что касается движения, то все, что движется от природы, имеет круговое движение вокруг своего собственного центра или вокруг другого центра; я говорю — круговое движение, рассматривая круг и круговое движение не просто в геометрическом смысле, а согласно тому правилу, которому следуют физические тела при перемене своих мест⁴⁶. Прямолинейное движение не свойственно по природе ни одному основному телу; ибо мы его замечаем лишь в тех частях, которые являются как бы выделениями, истекающими из мировых тел, в тех частях, которые притекают к родственным им сферам и составам. Это мы можем заметить на воде, которая в форме тумана, разреженного от жары, восходит вверх, но в своей собственной форме, сгущенной от холода, спускается вниз, следуя законам движения, которые мы будем обсуждать в своем месте. Что же касается деления на четыре тела, которые называются землей, водой, воздухом, огнем, то я хотел бы знать, какая природа, какое искусство, какое чувство производит это деление, проверяет его и доказывает?

Буркий. Вы отрицаете, следовательно, это знаменитое деление на четыре элемента?

Фракасторий. Я не отрицаю этого деления, ибо я разрешаю каждому различать естественные вещи как ему угодно; но я отрицаю этот порядок, это расположение, а именно то, что земля окружена и покрыта водой, вода —

воздухом, воздух — огнем, огонь — небом. Ибо я утверждаю, что одно и то же охватывает и содержит все тела и великие механизмы, которые мы видим как бы рассеянными и разбросанными в этом обширном поле; каждое из этих тел, звезд, миров, вечных светил составлено из того, что называется землей, водой, воздухом, огнем. Но поскольку в субстанции тела преобладает огонь, оно называется солнцем, телом, которое светится само собой; поскольку же преобладает вода, оно называется теллурическим телом, луной или другим подобным телом, которое получает свет от другого, как это было сказано выше. На этих, следовательно, звездах, или мирах, как мы их будем называть, эти различные части расположены согласно разнообразным и различным составам, образуя скалы, пруды, реки, источники, моря, пески, металлы, пещеры, горы, долины и тому подобные виды сложных тел, положений и фигур; им соответствуют у животных так называемые «разнородные» части, состоящие соответственно разнообразным и различным составам из костей, внутренностей, вен, артерий, мяса, нервов, легких, — органы, имеющие ту или иную фигуру, которые образуют у животных свои горы, долины, тайники, воды, жизненные духи, огни, где происходят события, соответствующие метеорологическим явлениям; таковы катар, рожа, камни, головокружение, лихорадки и другие бесчисленные расстройства и привычки, которые соответствуют туману, дождю, снегу, зною, жаре, грому, молнии, землетрясению и ветрам, бурям в пустыне и на море. Если, следовательно, Земля и другие мировые тела являются живыми существами не в меньшей степени, чем те, которые мы обычно считаем таковыми, то они, конечно, существа, одаренные большим и лучшим разумом.

Каким же образом хочет доказать Аристотель или другие, что воздух находится скорее вокруг земли, а не внутри нее, когда нет ни одной части Земли, в которую не проникал бы воздух? Это, по-видимому, подозревали древние мудрецы, когда утверждали, что пустое охватывает все извне и проникает внутрь полного. Можете ли вы себе представить Землю густой, плотной и твердой без воды, которая сочетает и соединяет части? Как вы можете считать, что Земля тяжелее около центра, не признавая в то же время, что ее части там гуще и плотнее, каковая плотность не может быть без воды, которая одна только способна склеивать части?⁴⁷ Кто не видит, что повсюду из земли выступают острова и горы над водой? Они возвышаются не только над водой, но и над туманным и воздушным вихрем, заключенным между высокими горами, составляющим один из органов Земли и придающим ей совершенную сферическую форму; отсюда ясно, что вода не в меньшей степени входит во внутренности Земли, чем соки и кровь — в наши. Кто не знает, что в глубоких пещерах и впадинах Земли скопляются главные массы воды? Если ты скажешь, что воды разливаются по берегам, то я отвечу, что они не составляют верхних частей Земли, ибо все то, что есть между высочайшими горами, должно считаться находящимся в углублении Земли. Подобие этому представляют капли, рассыпанные по плоскости и сохраняющие свою форму; ибо внутренняя Душа, которая все охватывает и заключается во всем, производит это действие,

а именно: согласно свойству предмета она объединяет части, насколько она может⁴⁸. Предположение о том, что вода находится выше земли или вокруг нее, столь же неестественно, как если бы мы полагали, что соки нашего тела находятся вокруг тела или снаружи его. Ведь и скопления вод в середине кажутся более высокими, если глядеть на них с берегов и всех мест, которые окружают их. Если бы части суши могли объединяться точно так же сами собой, то получилось бы то же самое; мы и замечаем, что они принимают сферическую форму, когда они склеиваются благодаря воде; ибо сухие части становятся в воздухе соединенными и плотными лишь благодаря воде. Воды, следовательно, находятся во внутренности Земли, и нет ни одной части Земли, которая, будучи плотной и густой, не заключала бы больше частей воды, чем земли (ибо чем плотнее какое-либо тело, тем теснее соединены его части и тем больше господствует в нем элемент, способный соединять в нем эти части). Кто не согласится после этого, что скорее вода является основой земли, чем земля основой воды, что земля основана на воде, а не вода на земле? Я не говорю уже о том, что толща воды над поверхностью Земли, на которой мы живем, называемая морем, не настолько велика, чтобы ее можно было сравнить со всею массою этой сферы; вода на самом деле не находится вокруг Земли, как это думают неразумные, а внутри нее. Логика вещей или, может быть, привычка следовать за древними философами принудила Аристотеля признать в первой книге своей «Метеорологии», что обе нижние области беспокойного воздушного вихря прерываются и сжаты высокими горами, составляя как бы части или органы Земли; Земля же всегда окружена и сжата покойным, прозрачным и ясным воздухом, сквозь который видны звезды и откуда можно видеть ветры, тучи, туманы и бури, приливы и отливы, которые происходят от жизни и дыхания этого великого живого существа и божества, которое мы называем Землей; поэты называют ее Церерой, Исидой, Прозерпиной или Дианой, которая на небе называется Люциной; они этим хотят указать, что она не отличается по своей природе от Земли. Отсюда ты видишь, в какой степени добрый Гомер, когда он не спит⁴⁹, далек от того, чтобы утверждать, будто вода имеет свое естественное место сверху или вокруг Земли, где нет ни ветров, ни дождей, ни туманов. И если бы он более внимательно наблюдал, он видел бы, что также и середина этого тела (если там имеется центр тяжести) имеет больше воды, чем земли; ибо части земли обладают тяжестью оттого, что они смешаны с частями воды; только вода дает им способность и стремление спускаться по воздуху и находить свое собственное место. Следовательно, какой урегулированный опыт, какое истинное воззрение может согласиться с таким разделением этих частей, которое принимается грязной и слепой чернью, которое одобряется теми, кто говорит без размышлений, и проповедуется теми, которые много говорят и мало думают? Кто может думать, что это предложение не истинно, но что оно сказано человеком без авторитета и заслуживает насмешки, сообщено уважаемой знаменитой личностью в качестве мистерии или параболы, которую надо истолковать метафорически, и что если оно преподносится человеком, имеющим больше смысла и разума, чем авторитета,

то лишь в качестве скрытого парадокса? Это мнение вслед за Тимеем, Пифагором и другими утверждает Платон, когда он говорит, что мы живем в темных пещерах земли⁵⁰ и так же относимся к животным, обитающим над землею, как рыба относится к нам; ибо подобно тому как рыбы живут в более густой и плотной влаге, чем наша, так и мы живем в более туманном воздухе, чем те, которые живут в более чистой и спокойной области; и подобно тому как океан является нечистой водой по сравнению с воздухом, так и наш воздух является туманом по сравнению с другим, действительно чистым. Из всего этого я делаю следующий вывод: море, источники, реки, горы, камни и воздух, содержащийся в них и заключающийся вплоть до средней области, как ее называют, суть не что иное, как части и различные органы того же самого тела, той же самой массы, аналогичные частям и членам организованных животных, которые мы обычно считаем таковыми; предел, выпуклость и крайняя поверхность этого тела ограничиваются крайними пределами гор и воздушными вихрями; так что океан и реки остаются в глубине земли, подобно тому как печень, которая счита-ется источником крови, и разветвленные вены содержатся в наших внутренностях.

Буркий. Следовательно, земля не является наиболее тяжелым телом и не образует середины, вокруг которой находится менее тяжелая вода, которая в свою очередь тяжелее воздуха?

Фракасторий. Если ты судишь о тяжести по большей способности тела проникать в поры и стремиться к середине и центру, то я скажу, что воздух в одно и то же время наиболее тяжелый и наиболее легкий между всеми так называемыми элементами. Ибо подобно тому как каждая часть земли, когда она получает свободное пространство, доходит до середины, так и части воздуха скорее движутся к середине, чем части какого-либо другого элемента; ибо воздух легче всего распространяется повсюду и заполняет пустоту. Не так быстро стремятся к своему месту части земли, которые обычно движутся лишь постольку, поскольку они проникают через воздух; ибо воздух, для того чтобы он проник куда-нибудь, не нуждается ни в земле, ни в воде, ни в огне; ни один из этих элементов не предупреждает его и не превосходит его в скорости и в легкости, с которой он наполняет все промежутки какого-либо тела. Кроме того, если мы удалим землю, которая является твердым телом, воздух тотчас займет ее место; но земля не займет места воздуха, если мы удалим его. Следовательно, поскольку воздуху свойственно проникать в каждое место и в каждый уголок, постольку мы можем сказать, что нет тела более легкого, чем воздух, и что нет тела более тяжелого, чем воздух.

Буркий. Но что ты скажешь о воде?

Фракасторий. Я уже говорил о воде и повторяю, что она тяжелее земли, ибо мы видим, что она сильнее стремится спуститься вниз и проникать в землю, чем земля проникать в воду. Кроме того, земля, взятая сама по себе и без смешения

с водою, плавает над водою и не способна проникать внутрь нее; она спускается только в том случае, если пропитана водою и сгущена в одну массу и плотное тело; благодаря этой плотности и густоте земля приобретает способность проникать внутрь воды. Вода же, наоборот, никогда не спускается благодаря земле, а благодаря тому, что она уплотняется, сгущается и удваивает число своих частей, пропитывает сушу и сплачивает ее; вот почему мы видим, что ваза, полная совершенно сухой золы, наполняется большим количеством воды, чем равная ей ваза, в которой ничего нет. Следовательно, суша как таковая остается наверху и плавает над водой.

Буркий. Объясните мне это лучше.

Фракасторий. Я повторяю: если бы мы удалили от земли всю воду, так что земля стала бы совершенно сухой, то отсюда с необходимостью следовало бы, что оставшееся тело было бы неустойчивым, разреженным, легко рассеивающимся по воздуху в форме бесчисленных мелких, не связанных между собою пылинок. То, что составляет непрерывное само по себе, это воздух; то, что составляет непрерывное благодаря связности, это вода, будет ли то, что связывается ею, прочным и сцепленным, или же оно будет иногда одним, а иногда другим. Если, следовательно, тяжесть есть не что иное, как связность и плотность частей, а части земли связываются между собой только благодаря воде, части которой, подобно частям воздуха, сами собою соединяются и обладают большею силою или даже исключительною силою соединять между собою части других тел, — в таком случае вода является наиболее тяжелым телом по сравнению с другими телами, которые лишь благодаря ей становятся тяжелыми и приобретают вес. Поэтому тех, которые говорят, что Земля основана на водах,⁵¹ мы должны считать не безрассудными, а скорее очень умными.

Буркий. Мы говорим, что в середине всегда надо принимать землю, как это утверждали многие в высшей степени ученые мужи.

Фракасторий. И подтверждают безрассудные.

Буркий. Что вы говорите о безрассудных?

Фракасторий. Я говорю, что это утверждение не подтверждается ни опытом, ни разумом.

Буркий. Разве мы не видим, что моря имеют свои приливы и отливы, а реки текут по поверхности Земли?

Фракасторий. Разве мы не видим, что источники, от которых берут начало реки и которые образуют пруды и моря, находятся во внутренности Земли и выходят

из внутренности земли? Вы должны с этим согласиться, если вы поняли то, что я вам много раз говорил.

Буркий. Мы видим, что сначала вода спускается с воздуха и что эта вода образует источники.

Фракасторий. Мы знаем, что вода, если даже она спускается с другого воздуха, чем тот, который составляет часть Земли и принадлежит к ее органам, то сначала, первоначально и целиком, находится внутри земли и лишь производно, вторично и частным образом находится в воздухе.

Буркий. Я знаю, ты настаиваешь на том, что действительную поверхность Земли образует не море, а воздух, находящийся между высочайшими горами.

Фракасторий. Это говорил и подтвердил ваш «князь философов» Аристотель.

Буркий. Этот наш князь вне всякого сравнения более прославлен и знаменит и имеет больше последователей, чем ваш, о котором мы пока еще ничего не знаем. Вам поэтому как угодно может нравиться ваш князь, мне нравится мой.

Фракасторий. Хотя бы он даже допустил вас умереть от холода и от голода, кормил вас ветром и заставил гулять босыми и нагими?

Филотей. Помилуйте, не занимайтесь такими пустыми и бесплодными разговорами.

Фракасторий. Мы так и сделаем. Что вы скажете, Буркий, относительно того, что слышали?

Буркий. Я скажу — пусть будет что будет. Необходимо все же рассмотреть, что находится в середине этой массы, этой твоей звезды, этого твоего живого существа. Ибо если там находится чистая земля, то общепринятый порядок элементов является правильным.

Фракасторий. Я изложил и доказал, что более разумно принимать там воздух или воду, чем землю; во всяком случае там не может быть земли без значительной примеси воды, которая образует ее основу; ибо мы видим, что части воды сильнее проникают в землю, чем части земли проникают в воду. Более, следовательно, правдоподобно и даже необходимо, чтобы внутри земли была вода, чем чтобы внутри воды была земля.

Буркий. Что ты скажешь о воде, которая течет по поверхности Земли?

Фракасторий. Всякий может видеть, что это является благодетельным следствием самой воды; земля, после того как она уплотняется и скрепляется благодаря воде, становится столь плотной, что она не может больше поглощать

воды, которая в противном случае проникла бы до самых глубин сухой субстанции, как мы это знаем по опыту. Необходимо, следовательно, чтобы в середине Земли была вода, благодаря которой она приобретает прочность, соответствующую сначала воде, а не земле; ибо вода соединяет и скрепляет части земли и, следовательно, в большей степени обуславливает ее плотность, чем, наоборот, земля определяет связность и плотность частей воды. Если, следовательно, ты не считаешь середину Земли составленную из земли и воды, то более правдоподобно и более соответствует разуму и опыту считать ее водою, чем землей. И если там имеется плотное тело, то больше оснований считать, что в нем преобладает вода, чем земля, ибо вода составляет причину плотности частей земли, в то время как жар разлагает землю (я не говорю о плотности, которая имеется в первом огне, которая разлагается от своего противоположного); вот почему чем плотнее и тяжелее земля, тем больше в ней воды. Мы должны считать, что вещи, которые наиболее плотны, не только имеют больше воды, но, по существу, являются самой водой, как это видно при разложении наиболее тяжелых и плотных тел, каковы плавкие металлы. И действительно, в каждом твердом теле, которое имеет связанные между собою части, вода есть тот элемент, который соединяет и сцепляет эти части, начиная от самых мельчайших частей; так что земля, если она совершенно лишена воды, разлагается на атомы. Однако более устойчивы части воды, не имеющие земли, в то время как части земли не имеют никакой связи между собою без воды. Если, следовательно, среднее место предназначено для того элемента, который скорее всего стремится туда, то оно в первую очередь заполняется воздухом, проникающим повсюду, во вторую — водою, а в третью — землею. Если же это место предназначено для наиболее тяжелого, плотного и густого элемента, то оно должно быть в первую очередь наполнено водою, во вторую — воздухом, а в третью — землею. Если же будем считать землю сцепленную с водою, то среднее место в первую очередь будет наполнено землею, во вторую — водою, а в третью — воздухом. Таким образом, это место будет наполнено различными элементами, в соответствии с различными основаниями; но, согласно природе, ни один элемент не бывает без другого и нет ни одного члена Земли, этого великого организма, в котором не были бы все четыре элемента или по крайней мере три.

Буркий. Однако подходите скорее к концу.

Фракасторий. Я заключаю следующим: знаменитое общепринятое деление элементов и мировых тел есть сон, пустейшая фантазия, которая не подтверждается ни природою, ни разумом, которая не может и не должна быть. Достаточно знать, что существуют бесконечное поле и непрерывное пространство, которое охватывает все и проникает во все. В нем существуют бесчисленные тела, подобные нашему, из которых ни одно не находится в большей степени в центре Вселенной, чем другое, ибо Вселенная бесконечна, и поэтому она не имеет ни центра, ни края; ими обладают лишь отдельные миры, которые существуют во Вселенной в таком виде, как я уже говорил, в

особенности там, где существуют, как я доказал, некоторые определенные центры, каковы суть солнца и огни, вокруг которых вращаются все планеты, земли, воды, подобно тому как вокруг этого соседнего нам Солнца существуют эти семь планет. Также мы доказали, что каждая из этих звезд или этих миров, вращаясь вокруг собственного центра, кажется своим обитателям прочным и устойчивым миром, вокруг которого вращаются все звезды как вокруг центра Вселенной. Так что нет одного только мира, одной только земли, одного только солнца, но существует столько миров, сколько мы видим вокруг нас сверкающих светил, которые в не меньшей степени заключаются в этом небе, в едином всеохватывающем месте, чем этот мир, на котором мы обитаем. Но небо, бесконечный и безмерный воздух, хотя и составляет часть бесконечной Вселенной, тем не менее не является ни миром, ни частью миров, но оно есть лоно, поле и вместилище, в котором эти тела суть, движутся, живут, прозябают, вступают во взаимодействие, производят, питают и поддерживают своих обитателей и животных и своим определенным расположением и порядком служат высшей природе, изображая лик единого бытия в бесчисленных изменчивых предметах. Так что каждый из этих миров является центром, к которому стремятся все его части и где расположены все родственные ему элементы, подобно тому как части этой звезды стремятся к ее составу с известного расстояния, с разных сторон и разных областей. И так как каждая часть, которая вытекает из этого великого тела, притекает потом к нему обратно, то оно вечно, хотя и способно разлагаться; хотя, если я не ошибаюсь, необходимость этой вечности происходит от провидения, которое извне поддерживает его, а не вследствие его внутренней собственной достаточности. Но об этом я буду говорить в другой раз, приведя специальные доводы.

Буркий. Другие миры, следовательно, так же обитаемы, как и этот?

Фракасторий. Если не так и не лучше, то во всяком случае не меньше и не хуже. Ибо разумному и живому уму невозможно вообразить себе, чтобы все эти бесчисленные миры, которые столь же великолепны, как наш, или даже лучше его, были лишены обитателей, подобных нашим или даже лучших; эти миры суть солнца или же тела, которым солнце посылает свои божественные и живительные лучи, обнаруживающие благоденствие своего носителя и источника тем, что приобщают к своей разлитой благодати все окружающие миры. Существует, следовательно, бесконечное множество бесчисленных и главных членов Вселенной, имеющих тот же лик, образ, те же преимущества, силы и действия, как и наш.

Буркий. Вы, следовательно, не находите никаких различий между одними и другими телами?

Фракасторий. Вы уже много раз слышали, что те, в составе которых преобладает огонь, обладают собственным светом и теплом. Те же, в составе которых преобладает вода и которые сами по себе темны и холодны, светят

заимствованным светом. От этого различия и противоположности зависят порядок, симметрия, состав, мир, согласие, сочетание, жизнь. Следовательно, миры составлены из противоположностей, и одни противоположности, вроде земель и вод, живут и питаются другими противоположностями, а именно солнцами и огнями. Это, думаю, подразумевал тот мудрец, который говорил, что Бог творит согласие среди возвышенных противоположностей, и другой мудрец, который говорил, что все существует благодаря спору согласных между собой и любви спорящих⁵².

Буркий. Подобного рода утверждениями вы хотите перевернуть мир вверх дном.

Фракасторий. Тебе кажется, что было бы плохо, если бы кто-нибудь захотел перевернуть вверх дном перевернутый мир?

Буркий. Так вы желаете считать тщетными все эти усилия, труды, написанные в поте лица трактаты «о физических вопросах», «о небе и мирах», относительно которых ломали себе голову столько великих комментаторов, толкователей, глоссаторов, составителей компендиев и сумм, схолиастов, переводчиков, составителей вопросов и теорем, на которых построили свои основы глубокие, тонкие, златоустые, великие, непобедимые, непровержимые, ангельские, серафические, херувимские и божественные ученые?⁵³

Фракасторий. Прибавь скалоломающие, камнедробящие, рогами и копытами вооруженные. Прибавь глубоко видящие, палладоподобные, олимпийские, небесные, небесно-эмпирейские, гремящие.

Буркий. Так мы должны, согласно вашему утверждению, всех их выбросить в нужник? Конечно, мир хорошо управлялся бы, если бы мы презрительно отбросили размышления столь великих и достойных философов!

Фракасторий. Конечно, было бы несправедливо отнимать у ослов их сено и желать, чтобы их вкус был подобен нашему. Умы и интеллекты различаются не в меньшей степени, чем жизненные духи и желудки.

Буркий. Так вы думаете, что Платон — невежда и Аристотель — осел и что их последователи — глупцы, дураки и фанатики?

Фракасторий. Я не говорю, что эти жеребцы, а те ослы, что эти малые, а те большие обезьяны, что вы приписываете мне; но, как я вам говорил сначала, я их считаю героями земли. Однако я не хочу им верить без доказательств и соглашаться с их положениями, неверность которых доказана ясно и отчетливо, как вы могли сами убедиться, если только вы не слепы и не глухи.

Буркий. Но кто же будет судьей?

Фракасторий. Каждый регулированный опыт и живое суждение, каждая порядочная и менее упрямая личность, которая признает себя побежденной и неспособной отстаивать доводы противников и противоречить нашим доводам.

Буркий. Если даже я их не сумею защитить, то это будет следствием моих собственных недостатков, а не следствием недостатков их учения; но если вы их опровергнете вашими доводами, то это будет не следствием истины вашего учения, а благодаря вашим софистическим ухищрениям.

Фракасторий. Если бы я считал, что я не понимаю причин явлений, я бы воздержался от высказывания своих суждений. Если бы я был настроен подобно вам, я бы считал себя ученым по вере, а не по знаниям.

Буркий. Если бы ты был лучше настроен, то ты бы понял, что ты самонадеянный осел, софист, враг просвещения, палач души, любитель новизны, противник истины и подозрительный еретик.

Филотей. До сих пор он выказал мало учености, теперь же он показал, что не обладает скромностью и лишен вежливости.

Эльпин. Он имеет громкий голос и спорит более дерзко, чем обутые в башмаки с деревянной подошвой монахи⁵⁴. Мой дорогой Буркий, я очень хвалю твою твердость в вере. Ты уже с самого начала заявил, что если бы это было истиной, ты все же не желал бы верить в нее.

Буркий. Да, я предпочитаю быть невежественным со многими знаменитыми учеными, чем знать, быть ученым вместе с немногими софистами, каковыми я считаю этих твоих друзей.

Фракасторий. Ты, по-видимому, плохо различаешь между учеными и софистами, если верить тому, что ты говоришь. Не бывают знаменитыми учеными те, которые невежественны, а те, которые знают, не бывают софистами.

Буркий. Я знаю, что вы понимаете то, что я хочу сказать.

Эльпин. Для нас было бы достаточно, если бы мы поняли то, что вы говорите, ибо вы сами с большим трудом понимаете то, что вы хотите сказать.

Буркий. Идите, идите, более ученые, чем Аристотель! Пошли вон, более божественные, чем Платон, более глубокие, чем Аверроэс, более рассудительные, чем большинство философов и теологов стольких эпох и стольких наций, которые комментировали Аристотеля, восхищались им и превозносили его до небес! Убирайтесь, вы, о которых я не знаю, кто вы такие и откуда вы явились, вы, которые воображаете, что можете плыть против течения, по которому плывет столько великих ученых!

Фракасторий. Это еще лучший из всех доводов, которые вы приводите, если только это можно считать доводом.

Буркий. Ты, конечно, был бы учнее, чем Аристотель, если бы только не был скотом, жалким человеком, нищим и несчастным, питающимся просом, умирающим с голоду, имеющим отцом своим портного, а матерью прачку, если бы ты не был внуком сапожника Чекко, сыном Мома, почтальоном уличных девок, братом Лазаря, который делает подковы ослам. И вы, которые не намного лучше его, идите ко всем чертям!

Эльпин. Пожалуйста, великолепный синьор, не утруждайте себя больше приходить к нам и ждите, пока мы придем к вам.

Фракасторий. Желать доказать истину разумными доводами подобного рода людям — это все равно что мыть голову ослу различными сортами мыла и щелока; мыть его сто раз не приносит больше пользы, чем один раз. Употреблять тысячу сортов мыла все равно, что один, там, где безразлично, быть ли мытым или неммытым.

Филотей. Да, подобного рода голова после мытья более грязна, чем в начале мытья и до него; ибо чем больше воды и благовоний вы употребите на нее, тем больше будут подниматься пары из головы, и мы почувствуем зловоние, которого раньше не чувствовали; и это будет тем противнее, чем ароматнее будут жидкости, которые мы употребляли. Мы сегодня много говорили; меня радуют ваши способности, Фракасторий, и зрелость вашего суждения, Эльпин. Теперь, после того как мы говорили о бытии, числе и качестве бесконечных миров, хорошо будет, если мы завтра рассмотрим, существуют ли противоположные доводы и каковы они.

Эльпин. Так и сделаем.

Фракасторий. До свидания.

Конец третьего диалога

Примечания:

37. Бруно здесь называет Луну одной из планет.

38. Бруно предполагал, что вокруг Солнца вращается больше планет, чем видно невооруженным глазом. Это его предположение получило подтверждение только через два века. В 1781 г. Гершель открыл Уран, в 1801—1804 гг. были открыты малые планеты между Марсом и Юпитером. В 1846 г. был открыт Нептун, а в 1930 г. — Плутон.

39. См. Николай Кузанский «Об ученом незнании» («Похвала глупости»), 2.12. Согласно учению Кузанского, Солнце состоит из тех же элементов, что и Земля, причем они расположены на Солнце в таком же порядке, что и на Земле по представлению Аристотеля. Аристотель же учил, что в середине мира находится сравнительно маленькая земля, а далее концентрическими сферами вокруг расположены вода, воздух и огонь.

40. Противоположные активные качества — теплое и холодное. По учению Бернардино Телезио, противоположность теплого и холодного связывается с противоположностью неба и земли, так как Солнце — средоточие тепла, а Земля — холода.

41. Николай Кузанский также намекает на обитаемость Солнца и звезд.

42. То есть эфирными сущностями.

43. Намек на строение Земли из четырех элементов.

44. Современная Бруно наука не знала о теории движения материков.

45. *Движущееся к центру* — земля, *движущееся от центра* — огонь, *движущееся по кругу* — эфир.

46. Возможно, здесь Фракасторий намекает на то, что в природе все процессы происходят циклическим образом и все имеет свои ритмы и циклы, «круговые» перемены типа суточного движения светил, закона развития: рождение, рост, реализация и смерть и т. д.

47. Теорию воды как элемента, склеивающего части земли, развивает Аристотель в «Метеорологии» (4).

48. О внутренней душе как о движущей силе говорится в диалоге «О Причине, Начале и Едином». Здесь также говорится, что внутренняя душа обладает формирующей силой, то есть не позволяет телам потерять свою форму (как Бруно объясняет это на примере капли воды).

49. Намек на выражение Горация «когда спит добрый Гомер».

50. См. «Федон», 109с-е. Однако здесь может подразумеваться и метафора из «Государства» Платона, когда тот сравнивает человечество с людьми, живущими в темной пещере, куда не проникает свет дня, и способными созерцать лишь тени существ, проходящих снаружи (намек на то, что мы пребываем в мире иллюзии и не способны видеть истину, за которую принимаем лишь ее неверную «тень»).

51. Намек на древнегреческого философа Фалеса.

52. Имеется в виду следующее изречение Гераклита: «Расходящееся сходится, и из различных (тонов) образуется прекраснейшая гармония, и все возникает через борьбу».

53. Буркий имеет в виду средневековые комментарии к сочинениям Аристотеля. Здесь также перечислены эпитеты, данные в средние века знаменитым схоластам: «тонкий» — Дунсу Скоту, «великий» — Альберту, «неопровержимый» — Александру Галесскому, «ангельский» — Фоме Аквинскому, «серафический» — Бонавентуре.

54. То есть францисканцы. Дунс Скот, известный своим искусством спора, принадлежал к францисканскому ордену.

ДИАЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

Филотей. Бесконечные миры, следовательно, существуют не таким способом, каким, по ложному мнению, составлена эта Земля, якобы окруженная столькими сферами, из которых одни содержат по одной звезде, а другие — бесчисленное количество звезд; ведь пространство таково, что через него могут пробежать все эти звезды, причем каждая из них такова, что она может двигаться самопроизвольно и вследствие внутреннего принципа, так что она всегда причастна подобающим вещам; каждая из этих звезд такова, что она достаточно велика и способна и достойна считаться миром; каждая из них обладает деятельным началом и способом существовать, который обеспечивает непрерывное рождение и жизнь бесчисленных и превосходных индивидуумов. Если только мы поймем, что видимость мирового движения вызвана истинным ежедневным движением Земли (подобное которому имеется также и в других подобных звездах), то не будет оснований, которые принуждали бы нас считать все звезды одинаково далеко отстоящими от нас, как это думает чернь, которая полагает, что они пригвождены и прикреплены к восьмой сфере; никто не сумеет упрекать нас за наше убеждение, что расстояния этих бесчисленных звезд различаются в бесконечной степени, по длине радиуса. Мы тогда поймем, что круги и сферы не расположены во Вселенной таким образом, что одни входят в другие, причем меньшие входят в большие, наподобие того как расположены слои в луковице; мы поймем, что в эфирном поле тепло и холод, излучаемые небесными телами, умеряют друг друга, согласно различным степеням, так что в этих взаимодействиях мы можем усматривать ближайшие причины различных форм и видов бытия.

Эльпин. Но, пожалуйста, обратитесь теперь к опровержению противоположных доводов, в особенности Аристотеля, которые слепая толпа считает более прославленными и знаменитыми, чем совершенные доводы. Для того чтобы не

опустить ни одного из них, я вам приведу все доводы и мнения этого жалкого софиста, и вы рассмотрите их по порядку.

Филотей. Так и сделаем.

Эльпин. Надо рассмотреть, говорит он в первой книге «О небе и мире»⁵⁵, существует ли другой мир кроме этого.

Филотей. Относительно этого вопроса вы знаете, что он применяет понятие мира в другом смысле, чем мы; ибо мы прибавляем мир к миру и звезду к звезде в этом обширнейшем эфирном лоне, что, по общему признанию, утверждали все те мудрецы, которые считали, что существуют бесчисленные и бесконечные миры. Он же применяет название мира к соединению различным образом расположенных элементов и фантастических кругов вплоть до выпуклости Первого Движимого, которое обладает совершенной круглой формой и увлекает все в своем быстром движении вокруг центра, около которого мы обитаем. Поэтому было бы пустым и детским препровождением времени, если бы мы хотели разобрать по порядку все эти фантазии; но будет хорошо и необходимо, если мы разберем те его доводы, которые противоречат нашим взглядам, и не обратим внимания на те доводы, которые им не противоречат.

Фракасторий. Но что мы ответим тем, которые упрекают нас, что мы употребляем в своих спорах двусмысленные понятия?

Филотей. Мы ответим следующее: во-первых, в этом виноват и тот, который применяет понятие мир не в собственном смысле слова, воображая себе фантастическую телесную вселенную. Во-вторых, наши ответы будут правильны, все равно, будем ли мы употреблять понятие мир в смысле наших противников или же согласно истине. Ибо там, где они предполагают точки последней окружности этого мира, центром которого является наша Земля, там мы можем предполагать точки других бесчисленных земель, которые находятся по ту сторону этой воображаемой окружности; ибо они там существуют в действительности, хотя и не в согласии с воображаемым представлением наших противников, которое, каково бы оно ни было, ничего не прибавляет и не отнимает от величины вселенной и числа миров.

Фракасторий. Вы говорите хорошо! Продолжайте дальше, Эльпин.

Эльпин. «Всякое тело, — говорит он, — или движется или стоит на месте; это движение или покой есть или естественное или насильственное. Далее, всякое тело к тому месту, где оно покоится по своей природе, а не вследствие насилия, движется по своей природе, а не вследствие насилия; и там, куда оно не движется вследствие насилия, там оно покоится по своей природе; таким образом, все то, что насильственно движется вверх, по своей природе движется вниз, и наоборот. Отсюда вытекает, что не может быть множества миров; ибо

если земля, которая находится вне этого мира, будет двигаться к центру этого мира насильственно, тогда земля, которая находится в этом мире, будет двигаться к центру того мира естественно; а если ее движение от центра этого мира к центру того мира будет насильственно, то ее движение от центра того мира к центру этого мира будет естественно. Причина этого следующая: если существует множество земель, то необходимо признать, что сила одной подобна силе другой; точно так же сила того огня подобна силе этого огня. В противном случае части тех миров были бы подобны частям этого мира только по имени, но не по бытию; следовательно, тот мир не был бы подобен нашему миру, а имел бы с ним общим только название. Далее, все тела, которые имеют одну и ту же природу и принадлежат к одному и тому же виду, имеют одно и то же движение; ибо каждое тело естественно движется в каком-либо направлении. Если, следовательно, там существуют земли, подобные нашей и принадлежащие к тому же виду, что и наша, то они будут иметь то же самое движение, как и, наоборот, там, где существует то же самое движение, существуют и те же самые элементы. Но если дело обстоит так, то с необходимостью земля того мира будет двигаться к земле этого мира и огонь того мира — к огню этого мира. Отсюда следует, затем, что земля не менее естественно движется вверх, чем вниз, и огонь не менее естественно вниз, чем вверх. Но поскольку это невозможно, постольку следует считать, что существует лишь одна земля, один центр, одна середина, один горизонт, один мир».

Филотей. На это мы ответим, что подобно тому как в этом бесконечном пространстве вселенной наша Земля вращается в этой области и занимает свое место, так и другие звезды движутся по своим областям и занимают свои места в безмерном поле. И подобно тому как эта Земля состоит из своих членов, имеет свои изменения, свои приливы и отливы в своих частях (как мы это видим у животных, соки и части которых непрерывно меняются и движутся), так и другие звезды состоят из своих собственных, подобным же образом расположенных членов. И подобно тому как эта Земля, если она движется согласно своему устройству, обладает круговым движением, движется вокруг своего собственного центра и вращается вокруг своего Солнца, точно так же и все эти остальные мировые тела обладают подобным же движением. И отдельные части их, которые случайно удаляются от своего места (поскольку они не являются главными частями или членами их), естественно возвращаются по своему собственному импульсу обратно, подобно тому как здесь части суши и воды, которые под влиянием Солнца и Земли удаляются в форме выделенных паров к верхним областям этого тела, возвращаются обратно, как только они получают свою собственную форму. Таким же образом части тех тел не в большей степени удаляются за пределы известной области, чем наши; это станет очевидно, если мы рассмотрим материю комет, не принадлежащих к нашему шару. Таким же образом и части одного животного — я имею в виду главные и отдаленные, — хотя бы они относились к тому же виду, что и части другого животного, тем не менее, поскольку они принадлежат к различным

индивидуумам, никогда не чувствуют склонности обменяться местами; так, например, моя рука никогда не будет подходить к твоему плечу, а твоя голова — к моему туловищу. На этом основании мы можем сказать, что существует подобие между всеми звездами, между всеми мирами и что наша Земля имеет такое же соотношение с другими землями. Отсюда ни в коем случае не вытекает, что там, где существует этот мир, должны быть и другие миры и что они должны быть расположены в том же месте; но можно очень хорошо предполагать, что подобно тому как эта Земля существует в своем месте, так и все другие существуют в своих местах; и подобно тому как этой незачем двигаться к месту других, так и другим незачем двигаться к месту этой; подобно тому как эта отличается по своей материи и другим индивидуальным свойствам от других, так и другие отличаются от этой. Точно так же и части этого огня движутся к этому огню, как части того огня к тому огню, а части этой земли движутся к этой всей земле, как части той земли к той всей земле. Подобным же образом части земли и воды, находящиеся на Луне, двигались бы против своей природы и насильственно к нашей Земле, как и, наоборот, части нашей земли к Луне. Та земля естественно движется по своему пути и остается в своей области там, наша естественно остается в своей области здесь; части той земли относятся к той земле, как наши к нашей; так же обстоит дело и с частями воды и огня. «Низ», нижнее место этой Земли не является какой-либо точкой эфирной области, находящейся вне Земли (как это бывает с частями, находящимися вне своей собственной сферы, если это бывает), а находится в центре своей собственной массы, или округленности, или тяжести. Таким образом, «низ» этой Земли не является каким-либо местом вне ее, но он ее собственная середина, ее собственный центр. «Верх» для этой Земли есть все то, что находится на ее окружности и за пределами этой окружности; поэтому части той земли так же насильственно удаляются за пределы ее окружности и естественно стремятся к ее центру, как и части этой Земли насильственно от нее удаляются и естественно стремятся к своему собственному центру. Вот каким образом надо понимать истинное подобие между этой и другими землями.

Эльпин. Вы говорите прекрасно; ибо подобно тому как негоже и невозможно, чтобы какое-либо из этих живых, вместо того чтобы сохранить свое индивидуальное существование в собственном месте и в своих обстоятельствах, двигалось и пребывало в том месте, где находится другое, точно так же невозможно, чтобы части земли стремились и двигались к месту, где находятся части другой земли.

Филотей. Это, конечно, относится только к тем частям, которые являются действительно частями; ибо что касается первых неделимых тел, из которых первоначально целое составлено, то надо полагать, что они претерпевают изменения в безмерном пространстве, вследствие которых они вытекают из одного места и притекают в другое место. Если они вследствие Божественного Провидения в действительности не образуют новых тел и не разлагают старых, то все же они обладают этой способностью. Ибо на самом деле мировые тела

способны разлагаться; но они могут оставаться вечно теми же самыми вследствие внутренних сил или вследствие внешних обстоятельств, ввиду того что атомы притекают к ним в таком же количестве, в каком они из них вытекают; таким образом, они остаются постоянно в том же самом количестве, подобно тому как и мы сохраняем свою телесную форму, хотя мы и возобновляем в каждый момент, час и день разные части нашего тела, поглощая и переваривая разные вещества.

Эльпин. Об этом мы будем говорить в другой раз. Но теперь я вполне понимаю, что подобно тому как всякая другая земля должна была бы насильственно двигаться к этой Земле для того, чтобы достигнуть ее места, так и наша Земля лишь насильственно могла бы двигаться к одной из тех земель. Ибо подобно тому как от каждой части нашей Земли можно двигаться вверх, к ее окружности или к гемисферическому горизонту эфира, так и от каждой части поверхности другой земли можно двигаться вверх к нашей, ибо наша Земля находится в окружности той земли, как и та земля — в окружности нашей. Я признаю, что хотя те земли имеют ту же природу, что и наша, тем не менее отсюда не следует, что они фактически относятся к тому же самому центру; ибо центр той земли не является центром нашей и окружность той земли не является окружностью нашей, подобно тому как моя душа не является вашей, тяжесть моих частей тела не является тяжестью ваших частей тела, хотя все эти тела, тяжести и души имеют то же самое название и принадлежат к тому же самому виду.

Филотей. Хорошо. Но если бы части той земли приблизились к этой Земле, то возможно, что они получили бы импульс к этой Земле; то же произошло бы с частями этой Земли, если бы они приблизились к той; обычно, однако, мы не наблюдаем подобного явления в животных и в различных индивидуумах, принадлежащих к тому же самому виду, за исключением того случая, когда одно из них питается другим и увеличивается за счет другого и когда одно превращается в другое.

Эльпин. Это хорошо. Но что ты скажешь, если вся та сфера приблизится к нашей столь близко, что от нее станут удаляться те ее части, которые имеют склонность возвращаться обратно к ее составу?

Филотей. Если мы примем, что значительные части Земли удалятся за пределы той окружности ее, вокруг которой, как говорят, находится чистый и прозрачный воздух, то я охотно соглашусь, что они могут естественно вернуться к своему месту; но они не могут вступить целиком в любую сферу, точно так же как и части другой сферы не могут естественным образом спускаться, а лишь насильственно подниматься; точно так же и части нашей Земли не могут естественным образом спускаться к той земле, а лишь насильственно подниматься от нашей. Ибо для всех мировых тел нахождение вне их окружности есть «верх», а их внутренний центр есть «низ», и понятие

центра, к которому естественным образом стремятся их части, определяется не внешним пунктом, а внутренним. Этого не поняли те, которые воображают некоторый предел вселенной и, неправильно ее определяя, считают, что центры мира и нашей Земли совпадают. Знаменитые математики нашего времени показали противоположное: они нашли, что центр Земли не отстоит одинаково далеко от воображаемой окружности мира. Другие, еще более мудрые ученые, признав движение Земли, нашли, не только благодаря разумным доводам своей науки, но также и вследствие известного естественного основания, что Земля столь же удалена от центра, как и Солнце, по крайней мере от центра мира и вселенной, которые мы видим нашими глазами. Это воззрение более разумно, связано с меньшими затруднениями и образует теорию, которая в большей степени согласна с фактором регулярного движения блуждающих тел вокруг центра⁵⁶. Таким образом, исходя из их собственных принципов, можно было бы легко открыть мало-помалу неправильность утверждений о тяжести нашей Земли, различии этого места от других, одинаковой отдаленности бесчисленных миров, которые мы видим за пределами так называемых планет, и о том, что все мировые тела движутся в высшей степени быстро вокруг одного, но это одно не вращается по отношению к ним всем; во всяком случае, значительные трудности, которые вытекают из предпосылок вульгарной философии, должны были бы сделать подозрительным это мировоззрение для его сторонников. Возвращаясь к нашему исходному положению, повторяю, что ни целое, ни часть целого не движутся к центру другого целого, хотя бы одна звезда приблизилась к другой столь близко, что поверхности или точки их окружности касались бы между собою.

Эльпин. Заботливая природа позаботилась о противоположном, так как, случись это, одно тело разрушило бы другое, холодное и влажное уничтожились бы теплым и сухим, в то время как при правильном распределении их расстояний одно живет и питается другим. Кроме того, подобное тело мешало бы другому подобному получать от него соответствующее полезное действие, которое несходное дает и получает от несходного; мы не раз говорили, что промежуточное положение другой земли, называемой Луной, между нашей Землей и Солнцем угрожает нам немалою опасностью. Но что же было бы, если бы Луна была еще ближе к Земле и могла бы нас лишать тепла и жизненного света на еще более продолжительный срок?

Филотей. Вы говорите хорошо. Продолжайте дальше относительно Аристотеля.

Эльпин. Аристотель приводит дальше мнимое возражение противников, которое гласит, что отдаленные тела не могут двигаться друг к другу, ибо поскольку они удалены друг от друга, постольку они получают другую природу. Против этого он возражает, что большее или меньшее расстояние не может менять природу тел.

Филотей. Это, если понимать как следует, вполне правильно. Но мы отвечаем другим образом и приводим другие соображения, почему одна земля не может двигаться к другой, как бы она ни была близка к ней или далека от нее.

Эльпин, Я это понял. Но мне кажется, однако, правильным то, что, по-видимому, утверждали древние, говоря, что тело становится менее деятельным вследствие увеличения расстояния (они это называли на своем языке обычно свойством или природой тела); ибо части должны преодолевать большее сопротивление воздуха и поэтому менее способны преодолевать окружающую их среду и спускаться вниз.

Филотей. Конечно, наблюдения подтверждают это относительно частей нашей Земли, ибо последние, отдалившись на известное расстояние, стремятся обратно к своему составу; и чем больше они к нему приближаются, тем с большей скоростью они движутся. Но мы говорим теперь о частях другой земли.

Эльпин. Но, поскольку эти земли и части их подобны , что случилось бы, если бы они стали еще будут ли привлечены их внешние части с одинаковой силой той и другой землей и не начнут ли они вследствие этого подниматься или опускаться?

Филотей. Из неправильных предпосылок вытекает неправильное следствие. Но, не говоря об этом, я утверждаю, что части, находящиеся на одинаковом расстоянии от различных земель, или остаются в покое, или решаются приблизиться к одному месту, по отношению к которому можно сказать, что они спускаются, в то время как по отношению к другому они поднимаются.

Эльпин. Но каким образом части одного основного тела будут двигаться к частям другого основного тела, если они одинаковы по виду? Ведь мы видим, что части и члены одного человека не могут прибавляться и прикрепляться к частям другого человека.

Филотей. В основном и первичном смысле это верно, но в производном и вторичном смысле часто бывает противоположное. Ибо мы сами видели, что мясо одного человека было прикреплено к тому месту, где был нос другого. Я убежден, что и ухо одного человека можно легко прикрепить к тому месту, где было ухо другого.

Эльпин. Такого рода хирургическая операция производится, наверное, не часто.

Филотей. Конечно.

Эльпин. Я возвращаюсь к предмету нашего исследования. Если бы камень был подвешен в воздухе на одинаковом расстоянии от двух земель, то что бы с ним случилось? Оставался бы он на месте или же скорее решился бы двинуться к одному из двух тел?

Филотей. Я говорю: если бы камень находился на одинаковом расстоянии от обоих тел и они относились бы к нему одинаково и были бы в отношении к нему одинаково расположены, то решение оставалось бы сомнительным; равновесие обеих сил было бы причиной того, что он оставался бы на месте и не мог бы решиться двинуться скорее к одному, чем к другому, и он не испытывал бы большего стремления к одному, чем к другому. Но если одно тело имеет более родственную природу с этим камнем и более соответствует его стремлению к самосохранению, то он решится спуститься к нему кратчайшим путем. Ибо основным мотивом является не собственная сфера и не собственный состав, а стремление к самосохранению; так, мы видим, что пламя стелется по земле, склоняется вниз и подбирается к соседнему месту, где оно может получить питание, но потом оно поднимается вверх, к солнцу, к которому не могло бы подняться, если бы не согрелось по дороге.

Эльпин. Но что ты скажешь относительно добавления Аристотеля, что части и родственные тела, как бы далеко они ни отстояли друг от друга, все же стремятся к своему целому и подобному?

Филотей. Кто не видит, что это противоречит всякому разуму и опыту? Это ясно из того, что нами недавно сказано. Конечно, части, находящиеся за пределами своего собственного шара, движутся к подобным им веществам, хотя бы они не находились с ними в первоначальной и основной связи; они движутся также и к другим, которые отличаются от них по виду, лишь бы они способствовали их сохранению и питали их. Ибо внутренний основной импульс происходит не от отношений, которые тело имеет к определенному месту, определенной точке и своей сфере, но от естественного импульса искать то место, где оно может лучше и легче сохранить себя и поддержать свое настоящее существование; ибо к этому одному стремятся все естественные вещи, каким бы неблагородным ни было это стремление. Так, мы видим, что больше всего стремятся жить и боятся умереть те люди, которые не обладают светом истинной философии, не знают иного бытия, кроме настоящего, и думают, что за этой жизнью не может следовать иная, которая бы к ним относилась. Ибо они не дошли до понимания того, что жизненный принцип не состоит в акциденциях,⁵⁷ являющихся результатом состава тел, но что он является неделимой и неразложимой субстанцией, которой (если она не терпит расстройства) не подобает ни стремление к самосохранению, ни страх гибели; такого рода стремление подобает лишь составным телам как таковым, то есть поскольку их состав обусловлен известной симметрией, строением и акциденциями. Ибо ни духовная субстанция, которую считают объединяющей, ни материальная субстанция, которую считают объединяемой, не могут претерпеть какие-либо изменения или страдания и, следовательно, не стремятся к самосохранению; поэтому таким субстанциям не соответствует какое-либо движение; оно соответствует только сложным субстанциям. Вы согласитесь с этим, если поймете, что тяжесть или легкость не относятся к мирам или к частям их, ибо эти различия являются не естественными, а только

производными и относительными. Далее, из изложенного нами выше, а именно — что Вселенная не имеет предела и края, но безмерна и бесконечна, вытекает, что основные тела по отношению к какой-либо середине или краю не могут двигаться прямолинейно, ибо они находятся в одном и том же отношении ко всем краям, находящимся вне их окружности; поэтому прямолинейным движением обладают лишь их собственные части, но не по отношению к какой-либо другой середине или центру, а по отношению к их собственному содержанию, составу и совершенству; но об этом я буду говорить в свое время и в своем месте.

Возвращаясь к нашему спорному положению, я утверждаю: Аристотель, исходя из своих собственных положений, не может доказать, что всякое тело, как бы оно ни было отдалено, имеет склонность вернуться обратно к своему составу или подобному веществу. Так, он думает, что кометы состоят из телесной материи, которая в форме испарений поднимается вверх⁵⁸ и достигает зажигающей области огня; там ее части теряют свою способность спуститься к Земле и, будучи подхвачены силою Первого Движимого, движутся вокруг Земли, хотя они и не состоят из пятой сущности, но являются земными телами, в высшей степени тяжелыми, плотными и густыми. Это видно из того, что кометы появляются после долгих промежутков и оказывают длительное сопротивление крепкому и сильному жару огня, так что они горят часто больше одного месяца; так, в наши дни видна была комета в течение 45 дней⁵⁹. Но если бы расстояние не уничтожало силы тяжести, то вследствие какой причины такое тело не только не падает вниз и не стоит на месте, но даже вращается вокруг Земли? Если он скажет, что оно кружится не само по себе, но потому, что оно подхвачено Первым Движимым, то я возражу на это, что в таком случае и каждое из его небес и звезд (которые, согласно ему, не тяжелы, не легки и не состоят из какой-либо подобной материи) также подхватывается Первым Движимым. Я не говорю уже о том, что именно кометы, как кажется, обладают собственным движением, которое не соответствует ни ежедневному движению Земли, ни движению других звезд.

Эти доводы являются наилучшими для того, чтобы опровергнуть Аристотеля, исходя из его собственных принципов. Мы не будем говорить сейчас об истинной природе комет; об этом будем говорить в другом месте, где докажем, что подобного рода вспышки не происходят в сфере огня, ибо в таком случае кометы должны были бы вспыхнуть со всех сторон, так как они находились бы во вспыхнувшем воздухе, как говорят некоторые, или в сфере огня, всей своей окружностью и всей поверхностью своей массы; но мы видим, что они вспыхивают лишь с одной стороны. Отсюда мы можем заключить, что так называемые кометы являются видами звезд, как это утверждали и понимали древние; будучи такого рода звездой, комета вследствие своего собственного движения приближается к нам и отдаляется от нас, и по мере того как она приближается, нам кажется, что она растет и как бы вспыхивает, по мере же того как она отдаляется, нам кажется, что она уменьшается и как бы гаснет.

Подобного рода комета не движется вокруг Земли, но обладает своим собственным движением, которое не имеет отношения к ежедневному движению Земли, в силу поворота которой все эти светила, находящиеся за пределами земной окружности, восходят на востоке и заходят на западе. Невозможно, чтобы земное и столь большое тело могло быть подхвачено и удержано жидким воздухом и тонким эфиром, который не оказывает никакого сопротивления, это противоречило бы природе кометы; кроме того, движение кометы, если бы оно зависело только от Первого Движимого, подхватывающего комету, не было бы похоже на движение планет; а между тем движение комет в такой степени похоже на движение планет, что их считают имеющими иногда природу Меркурия, иногда Луны или Сатурна или же других планет. Но об этом мы будем говорить подробнее в своем месте. Но и сказанного достаточно, чтобы опровергнуть следующий аргумент Аристотеля. Он утверждает, что от большего или меньшего расстояния какого-либо тела нельзя заключать о большей или меньшей способности его к движению, которое он называет собственным или естественным движением тел. Но это не соответствует истине; нельзя утверждать, что собственное или естественное движение тела состоит в такой способности, которая ему не соответствует. Поэтому если части какого-либо тела, находясь за пределами известного расстояния от него, никогда не движутся к нему обратно, то нельзя утверждать, что для них было бы естественно подобного рода движение.

Эльпин. Кто над этим подумает, тот увидит, что все принципы Аристотеля противоречат истинным принципам природы. После этого он приводит следующее возражение: «Если движение простого тела естественно для него, то все простые тела, находящиеся в разных мирах и принадлежащие к одному и тому же виду, будут двигаться к одному и тому же центру или к одному и тому же краю».

Филотей. Вот этого ему никогда не удастся доказать, а именно будто бы все они должны двигаться к одному и тому же особенному и индивидуальному месту. Ибо из того, что тела принадлежат к одному и тому же виду, можно выводить лишь то, что они стремятся к месту того же самого вида и к центру того же самого вида, который является их собственным центром; но нельзя и не нужно отсюда выводить, что они стремятся к одному и тому же месту по числу.

Эльпин. Он как будто сам предчувствовал возможность этого ответа и поэтому изо всех сил стремится доказать, хотя и тщетно, что численное отличие не может быть причиной отличия мест.

Филотей. Вообще мы наблюдаем противоположное. Но скажите, каким образом он это доказывает?

Эльпин. Он говорит: если бы численное отличие тел было причиной различия мест, то каждая из частей этой Земли, различных по числу и по тяжести, должна

была бы стремиться в том же самом мире к своему собственному центру. Но это невозможно и не соответствует порядку природы, так как в таком случае Земля имела бы столько же центров, сколько существует индивидуумов и частей ее.

Филотей. Но посмотрите, что это за жалкое доказательство! Посмотрите, могут ли они вас хотя бы на йоту сдвинуть с противоположной позиции или, наоборот, они вас лишь укрепят в ней! Кто сомневается в том, что нельзя принять одного центра для всей массы, для всего тела и организма, к которому относятся все части, благодаря которому они объединяются и который служит их основанием; положительно возможны бесчисленные центры, соответственно бесчисленному множеству частей, в каждой из которых мы можем искать, получить или предполагать свой центр. Так, в человеке мы имеем один общий центр, который называется сердцем; кроме того, мы имеем множество других центров, согласно множеству частей, из которых сердце имеет свой центр, легкие — свой, печень — свой, голова, рука, нога, каждая кость, каждая вена, каждый орган и каждая частичка, составляющие различные органы и занимающие различные и определенные места, имеют свои центры как внутри целого организма, так и по отношению к отдельному члену его.

Эльпин. Обратите внимание, что его можно понять и таким образом, что он не хочет утверждать просто, будто каждая часть имеет свой центр, но что каждая часть имеет центр, к которому она движется.

Филотей. В конечном счете это сводится к одному и тому же; ибо не требуется, чтобы все части животного стремились к одному и тому же центру — это невозможно и несообразно, — но лишь то, чтобы они соотносились с ним посредством единства частей и организации целого. Ибо жизнь и связь делимых частей состоят не в чем ином, как в надлежащем объединении частей, и последние всегда относятся к одному конечному пределу, который можно считать их серединой или центром. Части благодаря организации целого относятся к одному центру; благодаря же организации отдельного члена частички его относятся к своему частному центру; так, например, печень в такой же степени состоит из объединения своих частей, как легкие, голова, ухо, глаз и другие органы состоят из своих частей. Вот почему существование многих центров, согласно многим частям и частичкам частей, если тебе угодно, не только не представляет ничего несообразного, но вполне соответствует природе, ибо каждая из этих частей существует и организована благодаря существованию и организации других частей. Но, право, не стоит так долго заниматься таким пустым вздором, какой приводит этот философ.

Эльпин. Приходится им заниматься ввиду той репутации, которую он приобрел, правда, не столько благодаря тому, что его поняли, сколько благодаря тому, что его не поняли. Но, пожалуйста, посмотрите, как этот прекрасный человек доволен своей жалкой аргументацией! Посмотрите, с каким триумфом он заключает следующими словами: «Если, следовательно, противник не может

противоречить этим речам и доводам, то отсюда с необходимостью вытекает, что есть только один центр и один горизонт».

Филотей. Прекрасно сказано, продолжайте дальше.

Эльпин. После этого он доказывает, что простые движения конечны и определены, ибо на этом было основано его утверждение, что есть только один мир и что простые движения имеют свое особое место. Он говорит: «Все движущееся движется от одного известного предела к другому известному пределу; и всегда бывает видовое отличие между пределом, откуда начинается всякое изменение, и пределом, где оно кончается, так как всякое изменение конечно; таковы болезнь и здоровье, малое и большое, туда и сюда; ибо то, что выздоравливает, стремится не куда угодно, а к здоровью. Земля, следовательно, и огонь не могут двигаться до бесконечности, но лишь к определенным пределам, отличным от тех мест, от которых они движутся; ибо движение вверх не есть движение вниз, а оба эти места образуют границы движений. Следовательно, прямолинейное движение определено. Не менее определено и круговое движение; ибо и оно движется от определенного предела к определенному пределу, от противоположного к противоположному, если будем рассматривать различие движения, заключающееся в диаметре окружности; ибо в движении всей окружности нет противоположности (поскольку оно заканчивается в той же точке, где начинается), но противоположность заключается в частях движения, поскольку оно совершается от одного конца диаметра к другому, противоположному ему».

Филотей. Нет никого, кто бы оспаривал или сомневался, что движение определено и конечно, согласно этим основаниям; но неверно то, что оно просто определено как движение кверху или книзу, как мы это уже говорили и доказывали несколько раз. Ибо всякая вещь движется, безразлично туда или сюда, к месту своего самосохранения. Кладя в основу даже принципы Аристотеля и другие подобные, мы скажем: если бы ниже Земли было другое тело, то части Земли оставались бы там насильственно, а затем по своей природе подымались бы оттуда вверх. И Аристотель не будет отрицать, что если бы некоторые части огня находились над его собственной сферой, например там, где, по его гипотезе, находится небо или купол Меркурия, то они по своей природе спускались бы вниз. Вы видите, следовательно, насколько естественно определяются верх и низ, тяжесть и легкость, после того как вы убедились, что все тела, где бы они ни были и куда бы они ни двигались, стремятся по возможности к месту своего самосохранения, где и остаются. Однако хотя и верно, что всякая вещь движется к своей середине, от своего предела и к своему пределу и что всякое движение, прямолинейное или круговое, определено от противоположного к противоположному, отсюда все же не следует, что вселенная конечна по своей величине или что мир один; его бесконечность не нарушается простым движением всякого частного акта, в силу которого этот дух, как мы его назовем, входящий в этот состав, объединяет и

оживляет его, может бесконечно переходить от одного тела к другому. Вполне возможно, следовательно, что всякое движение конечно (говоря о настоящем движении, но не в абсолютном и в простом смысле слова, о движении всех частей и в целом), но что миров бесконечное множество, причем каждый из этих бесчисленных миров конечен и имеет конечную область, каждый из них имеет определенные пределы как для своего движения, так и для движения своих частей.

Эльпин. Вы говорите хорошо. Ваши рассуждения не доставляют никаких затруднений для нас и ни в каком смысле не благоприятны для Аристотеля. Это доказывает он сам, говоря: «Что движение не может быть бесконечным, видно из того, что земля и огонь, чем больше они приближаются к своим сферам, тем скорее они движутся; поэтому если бы движение было бесконечным, то быстрота, легкость и тяжесть стали бы бесконечными».

Филотей. Вот тебе на!

Фракасторий. Да. Но мне это кажется проделками фокусника; ибо атомы имеют бесконечное движение, занимая последовательно различные места в различное время, притекая к одному месту и вытекая из другого, присоединяясь к тому или другому составу, образуя различные конфигурации в безмерном пространстве Вселенной, и таким образом совершают бесконечное местное движение, пробегают бесконечное пространство и претерпевают бесконечные изменения. Но из этого не следует, что они приобретают бесконечную тяжесть, легкость или скорость.

Филотей. Не будем говорить о движении первых частей и элементов, а будем рассматривать движение только тех частей, которые принадлежат к определенному виду бытия, то есть к субстанции, например, частей земли как земли. О них можно действительно сказать, что в тех мирах, в которых они существуют, в тех областях, в которых они вращаются, и в той форме, которую они имеют, они движутся от определенного предела к определенному пределу. Но заключение, что Вселенная конечна, а мир один, вытекает отсюда с такой же необходимостью, с какою вытекают предложения вроде следующих: следовательно, обезьяны рождаются без хвоста, совы видят ночью без очков, летучие мыши прядут шерсть. Затем, когда мы говорим об этих частях, то нельзя делать и такое заключение: Вселенная бесконечна, и существует бесконечное множество земель, следовательно, часть земли может двигаться бесконечно и должна иметь к бесконечно отдаленной земле бесконечный импульс и обладать бесконечной тяжестью. Такое заключение нельзя делать по двум причинам. Во-первых, так как Вселенная состоит из противоположных тел и принципов, то такого перехода не может быть — такая часть не сумеет далеко пробежать через эфирную область, потому что вскоре она будет побеждена противоположностью и потеряет способность дальнейшего движения; такая субстанция не будет больше землей, ибо, будучи побеждена

противоположностью, она изменит свой состав и облик. Во-вторых, мы видим вообще, что при бесконечном расстоянии тело не может быть стимулом к тяжести или легкости; как говорят, части не могут получить такого импульса, если они не находятся внутри области, принадлежащей к их собственному составу; если же они окажутся вне этой области, то они не будут больше двигаться, подобно тому как жидкие соки (которые в животном организме движутся от внешних частей к внутренним, от верхних к нижним, поднимаясь и опускаясь и передвигаясь от одной части к другой), находящиеся за пределами своего собственного состава, теряют свои силы и естественный импульс, как бы близко они ни были расположены к нему. Такое отношение имеет силу лишь в пределах того пространства, которое измеряется радиусом, проведенным от центра этой частной области к ее окружности; около ее окружности тяжесть тела будет наименьшая, а около центра наибольшая; в промежутках, в зависимости от разных степеней близости к центру или окружности, тяжесть будет больше или меньше. Я это разъясню следующим образом: пусть А обозначает центр той области, где, согласно обычному словоупотреблению, камень не будет ни тяжелым и ни легким; пусть В обозначает окружность той области, где он точно так же не будет ни тяжел и ни легок, а останется в покое (отсюда мы видим совпадение максимума и минимума, как это было доказано в конце книги «О причине, начале и едином»). 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 обозначают различные промежуточные области:

- В 9 не тяжелое, не легкое
- 8 наименее тяжелое, легчайшее
- 7 тяжелое не в столь малой степени,
легкое не в столь большой степени
- 6 менее тяжелое, более легкое
- 5 тяжелое, легкое
- 4 более тяжелое, менее легкое
- 3 значительно более тяжелое,
значительно менее легкое
- 2 самое тяжелое, легкое в наименьшей
степени
- А 1 не тяжелое, не легкое

Отсюда вы видите, сколь многого недостает для того, чтобы одна земля с необходимостью двигалась к другой, — даже части земли, находящиеся за пределами собственной окружности, не имеют такого импульса.

Эльпин. Вы считаете, следовательно, что эта окружность определена?

Филотей. Да, поскольку вопрос идет о наибольшей тяжести, которая может быть в наибольшей части или, если тебе угодно (ибо весь шар не тяжел и не легок), во всей земле. Но что касается промежуточных различий тяжести и легкости, то я скажу, что они могут иметь столько же различных ступеней, сколь различны веса различных частей, находящихся между наиболее тяжелым и наименее тяжелым.

Эльпин. Значит, эту лестницу надо принимать в особом смысле?

Филотей. Каждый обладающий рассудком может сам понять, в каком смысле ее надо принимать. В общем сказано достаточно по поводу приведенных доводов Аристотеля. Теперь посмотрим, приведет ли он еще какие-либо другие, кроме разобранных выше.

Эльпин. Позвольте этот вопрос обсудить в другой день, ибо меня ждет Альбертин, который хочет прийти к вам сюда завтра. Я думаю, он сумеет привести все наиболее смелые доводы в пользу противоположного мнения так как он основательно изучил господствующую философию.

Филотей. Как вам угодно.

Конец четвертого диалога

Применчания:

55. Имеется в виду произведение Аристотеля «О небе» (1.8—9). Другое произведение «О мире», которое в старых латинских переводах печаталось вместе с первым, не принадлежит Аристотелю, но, по-видимому, стоикам.

56. *Блуждающие тела* — так назывались планеты (потому что, в отличие от неподвижных звезд, движутся по сложным траекториям).

57. Непонятно, имеет ли здесь в виду Бруно жизненную субстанцию, «вдыхающую» жизнь в материю (Парацельс называл ее *Mutia*; судя по его описаниям, это своего рода жизненная энергия, которая делает тело живым и покидает его со смертью). Либо Бруно подразумевает здесь духовную субстанцию, некую бессмертную сущность, которая «живет» в человеческом теле, а со смертью последнего покидает его и переходит в другую форму жизни.

В любом случае, согласно Бруно, жизнь не является «случайным событием», возникающим и исчезающим вместе с телом.

58. Согласно взглядам Аристотеля, кометы и метеоры, подобно тучам, имеют атмосферное происхождение, а не являются космическими телами. Это мнение господствовало до начала XIX в. Бруно и Кеплер признавали космическое происхождение комет и метеоров.

59. Вероятно, Бруно имел в виду комету, открытую Тихо Браге в 1582 г.

ДИАЛОГ ПЯТЫЙ

*Альбертин*⁶⁰

(новый собеседник)

Альбертин. Я хотел бы знать, какой призрак, какое неслыханное чудовище, какой ненормальный человек, какой необычайный ум вновь преподнес миру эти открытия, или, может быть, он принес для обновления уже отжившие старые вещи, срезанные корни которых должны дать в нашу эпоху новые ростки?

Эльпин. Да, это срезанные корни, которые вновь произрастают, это старые вещи, которые снова возвращаются, это скрытые истины, которые вновь раскрываются, это новый свет, который после долгой ночи вновь восходит на горизонте нашего познания и мало-помалу приближается к меридиану нашего интеллекта.

Альбертин. Если бы я не знал Эльпина, то я знал бы, что ему ответить.

Эльпин. Говорите все, что вам угодно. Если вы обладаете такими же способностями, как я, то вы должны быть с ним согласны, так же как и я. Но если ваши способности лучше моих, то я уверен, что вы с ним согласитесь еще скорее и охотнее, чем я. Что же касается тех, для которых обыкновенная наука и вульгарная философия трудны и которые являются еще учениками, и притом мало разбирающимися в философии (хотя они таковыми себя обычно не считают), то их трудно привлечь на нашу сторону, ибо они находятся под властью всеобщей веры и прославленных авторов, труды которых попали им в руки. Репутация толкователей и комментаторов этих авторов ставится ими также очень высоко.

Наоборот, те, для которых названная философия ясна, которые достигли того, что они больше не тратят остатка своей жизни для понимания того, что сказал другой, а имеют собственный разум и пользуются глазами своего собственного активного духа⁶¹, для того чтобы проникнуть во все потайные углы и рассмотреть ее,

обнаженную, всеохватывающими глазами Аргуса, через тысячу дверей, — эти люди способны, приблизившись вплотную к предмету, проводить различие между тем, что составляет предмет веры и считается истинным только потому, что человек смотрит издали и следует силе привычки и ходячему мнению, и между тем, что истинно и признается достоверным вследствие его соответствия истинной сущности вещей. Едва ли, думаю я, эта философия может быть одобрена теми, кто не одарен природным умом и кто, по крайней мере, не получил хотя бы посредственного образования в различных отраслях науки и таким образом не способен пользоваться интеллектуальной рефлексией, позволяющей устанавливать различие между тем, что основано на вере, и тем, что установлено на основе очевидности истинных принципов, ибо некоторые предмет обычно основываются на таких принципах, которые, если их хорошо разобрать, приводят к невозможным и противоречащим природе выводам.

Оставим эти грязные и продажные головы, которые мало заботятся или совсем не заботятся об истине и довольствуются знанием того, что считается общепринятым, которые меньше всего являются друзьями подлинной науки, но жаждут славы и хорошей репутации, которые стремятся казаться учеными, но не быть таковыми. Очень плохо, говорю я, сделает свой выбор среди различных мнений и иногда противоречивых утверждений тот, кто не может составить себе твердое и правильное суждение относительно их. И очень трудно иметь какое-либо суждение тому, кто не в состоянии сравнить между собой это и то, одно и другое. А сделать сравнение между различными вещами будет стоить громадного труда тому, кто не в состоянии установить различие, которое существует между одним и другим. Но различие довольно трудно понять и установить до тех пор, пока бытие и сущность каждой вещи скрыты. Бытие же и сущность не могут быть выявлены до тех пор, пока не вскрыты причины и начала, составляющие их основу. И только тогда, когда вы посмотрите очами разума и оцените правильным мышлением основы, принципы и причины, на которых базируются различные и противоположные философии, вы увидите, какова природа, сущность и особенность каждой из них; только взвесив их на весах разума, вы сможете установить, каково различие между одной и другой, сравнить, насколько истинна та или другая, и без колебаний сделать выбор и примкнуть к истинной философии.

Альбертин. Вести борьбу с нелепыми и глупыми воззрениями — это дело пустых и глупых людей, сказал князь философов Аристотель.

Эльпин. Хорошо сказано. Но если вы внимательно посмотрите, то увидите, что это мнение и совет могут быть применены также к его собственным воззрениям, которые оказываются глупыми и пустыми. Кто хочет правильно рассуждать, должен, как я сказал, уметь освободиться от привычки принимать все на веру, должен считать равно возможными противоречивые мнения и отказаться как от тех предубеждений, которые он впитал со дня рождения, так и от тех, которые он воспринял вследствие взаимного общения или же которые возрождаются при посредстве философии, — одним словом, он должен умереть для толпы и для тех

ученых, которые считаются мудрыми большинством какой-либо эпохи. Я этим хочу сказать, что, для того чтобы вынести правильное суждение относительно споров ученых двух эпох, которые высоко чтятся большинством народа своего времени, следует вспомнить то, что сам Аристотель сказал, а именно: если мы не всесторонне рассматриваем вопрос, то нередко может случиться, что мы легкомысленно судим, а с другой стороны, сила привычки может укоренить в нашем сознании предубеждение, которое приведет к тому, что мы признаем необходимым то, что невозможно, и, наоборот, найдем невозможным то, что безусловно истинно и необходимо. И если это может иметь место относительно совершенно очевидных вещей, то что же мы должны сказать о таких проблемах, которые сами по себе сомнительны и зависят от того, насколько хороши и устойчивы лежащие в их основе принципы?

Альбертин. По мнению Аверроэса и многих других комментаторов, нельзя знать ничего того, чего не знал Аристотель.

Эльпин. Аверроэс и его приверженцы имели, по-видимому, столь слабый разум и пребывали в столь глубокой темноте, что Аристотель казался им наиболее возвышенным и ясным умом. Поэтому, если бы этот философ и другие, делавшие аналогичные утверждения, хотели бы выразиться наиболее точно, то они должны были бы сказать, что Аристотель в их глазах — бог. Но этим самым они не столько возвеличили бы Аристотеля, сколько показали бы свое собственное ничтожество. Ибо их мнение имеет не больше ценности, чем мнение обезьяны, что ее дети — самые приятные создания на свете, а ее муж — самый красивый самец в мире.

Альбертин. «Мучаются родами горы...»⁶²

Эльпин. Вы увидите, что родится не мышь.

Альбертин. Многие металы свои стрелы в Аристотеля и возводили против него укрепления; но их укрепления разрушены, их стрелы притупились, их луки сломались.

Эльпин. Возможно. Где одно ничтожество ведет войну с другими — одно из них может оказаться сильнее всех. Но от этого оно не перестает быть ничтожеством, и в конечном счете оно должно быть разоблачено и побеждено истиной.

Альбертин. Я утверждаю, что невозможно опровергнуть доводы Аристотеля.

Эльпин. Это слишком поспешное суждение.

Альбертин. Я это заявляю лишь после того, как очень основательно рассмотрел учение Аристотеля и достаточно в него углубился. Я не только не нашел ни одной ошибки, но, наоборот, убедился, что его учение полно божественной мудрости. Я уверен в том, что на всякого человека это учение должно произвести такое же впечатление, как на меня.

Эльпин. Вы, следовательно, судите о желудках и мозгах других людей по аналогии с вашим желудком и мозгом, и то, что невозможно для вас, вы считаете невозможным и для других. На свете есть некоторые несчастные люди, которые помимо того, что они лишены всего хорошего, кроме того, по велению рока, сопровождаются еще в качестве вечных спутников эриниями и адскими фуриями, которые заставляют их добровольно набрасывать себе на глаза мрачное покрывало разъедающей зависти, для того чтобы они не видели своей собственной наготы, бедности и убожества и не заметили красоты, богатства и блаженства других; они скорее предпочитают гордо зачехнуть в грязной и надменной нужде и быть погребенными под мусором упрямого невежества, чем признать правоту нового учения и сознаться в своем прежнем невежестве.

Альбертин. Итак, вы хотите, чтобы я, так сказать, стал учеником этого человека? Я, доктор, признанный многими академиями, читавший в качестве профессора публичные лекции в первых академиях мира, должен теперь отречься от Аристотеля и начать учиться философии у подобных субъектов!

Эльпин. Что касается меня, то, будучи не доктором, а невеждой, я стремлюсь учиться. Не будучи тем, чем я должен был бы быть, а являясь тем, что я есть, я желал бы овладеть знаниями. Но я готов признать своим учителем не только этого человека, но и любого другого, которого боги для этого назначили, дав ему понимать то, чего я не понимаю.

Альбертин. Итак, вы хотите сделать меня снова школьником?

Эльпин. Наоборот, я хочу, чтобы вы были не школьником, а взрослым.

Альбертин. Очень благодарен за ваше вежливое предложение содействовать моему продвижению вперед и привести меня в восторг от его ума, сделав меня слушателем этого беспокойного человека, который, как каждый знает, является противником общепризнанных доктрин, презираем в академиях, очень немногими хвалим, никем не признан и всеми преследуется.

Эльпин. Всеми людьми преследуем — конечно, но что это за люди! Немногими хвалим — да, но лучшими и благороднейшими! Противник общепринятых доктрин, но не потому, что они доктрины, и не потому, что они всеми приняты, а потому, что они ложны. Академиями презираем — по той причине, что там, где есть расхождение во взглядах, там нет любви. Смутьян — ибо толпа ненавидит тех, кто от нее отделяется и над нею возвышается, и именно поэтому он является мишенью всеобщих нападок. Я вам лучше всего опишу состояние его ума, если скажу, что, поскольку речь идет о спекулятивных вопросах, он не столько стремится обучать, сколько обучаться, предпочитает узнавать новое и больше радуется, когда узнает, что вы хотите обучить его (ибо это дает ему надежду на успех его дела), чем если бы вы желали учиться у него; ибо он больше хочет

учиться, чем учить, и чувствует себя более призванным к первому, чем ко второму. Да вот как раз идет и он сам вместе с Фракасторием.

Альбертин. Добро пожаловать, Филотей.

Филотей. Здравствуйте, в добрый час!

Альбертин.

Я прежде жил в лесу и жвачки был ценитель,
Как лошадь, бык, баран, козел или осел.
Но, к лучшему стремясь, я к Вам сюда пришел,
Чтоб стать учеником у Вас, о мой учитель!

Фракасторий. Добро пожаловать!

Альбертин. До сих пор я считал вашу философскую позицию столь слабой, что полагал ниже своего достоинства даже выслушать ваши доводы, не то что возражать на них.

Филотей. Точно так же рассуждал я в первые годы, когда я занимался Аристотелем, но только до определенного момента. Теперь же, после того как я его лучше узнал и изучил и с более зрелым умом могу судить о предмете, возможно ли думать, что я растерял свои знания и свой разум? Однако, поскольку эта болезнь такова, что ее меньше всего чувствует сам больной, я, опасаясь, что перехожу от учености к незнанию, могу быть очень доволен, что нашел такого врача, который способен излечить меня от моей болезни.

Альбертин.

Сама природа здесь и лекарь вместе с ней
Бессильны, коль болезнь проникла до костей.⁶³

Фракасторий. Сделайте одолжение, синьор, пощупайте сначала его пульс и посмотрите его мочу, и если после того мы убедимся, что ничем не можем помочь, тогда составим консилиум.

Альбертин. Наилучший способ проверить пульс — это посмотреть, как вы сможете справиться с теми отдельными аргументами, которые я вам приведу и из которых с необходимостью вытекает невозможность существования многих миров и их бесконечности.

Филотей. Я буду вам немало обязан, если вы нам это докажете. Но если вам это не удастся, то я все же окажусь вашим должником за то, что вы тем самым будете содействовать укреплению моих собственных убеждений. Ибо я уверен, что благодаря вам я могу почувствовать всю силу противоположного мнения;

поскольку вы сведущи в обычных науках, вы легко сможете мне показать значение ваших оснований и построений и в чем их отличие от наших принципов. Но, для того чтобы не прервать нити наших рассуждений и дать возможность каждому спокойно все объяснить, будьте любезны привести все доводы, которые вы считаете наиболее важными и основными и которые кажутся вам наиболее убедительными.

Альбертин, Я готов это сделать.⁶⁴ Итак, во-первых, Аристотель доказал, что пространство и время не мыслимы вне этого мира. Поэтому говорят, что на самом отдаленном расстоянии от нас имеется первое небо и Первое Тело, являющееся Первым Движимым; мы имеем обыкновение называть небом высший горизонт мира, где все вещи неподвижны, устойчивы и спокойны и где находятся движущие духи сфер. Если, следовательно, делить мир на небесные и элементарные тела, то последние надо считать ограниченными и объемлемыми, а первые — ограничивающими и объемлющими.

Строй вселенной таков, что, поднимаясь от более грубых тел к наиболее тонким, мы, выйдя за пределы огня, к которому прикреплены Солнце, Луна и другие звезды, достигаем пятой сущности. Но последняя не может быть бесконечной, ибо в таком случае невозможно было бы дойти до Первого Движимого, а Первое Движимое не могло бы действовать на другие элементы как потому, что они были бы объемлющими, так и потому, что нетленное Божественное Тело в таком случае содержалось бы внутри тленных. А это является чем-то неподобающим, ибо Божественной Сущности приличествуют форма и активность и, следовательно, способность быть объемлющей, охватывающей, ограничивающей, а не ограниченной, включенной и охватываемой материей.

Вследствие этого я прихожу вместе с Аристотелем к следующему выводу: «Если вне этого неба имеется какое-либо тело, то оно либо простое, либо сложное; в том и другом случае я ставлю, далее, следующий вопрос: находится ли оно там на своем естественном месте или же оно попало туда случайно, насильственным путем? Мы можем доказать, что там не имеется простого тела, так как невозможно, чтобы сферическое тело переменило свое место; подобно тому как невозможно, чтобы оно переменило центр, точно так же невозможно, чтобы оно изменило положение; последнее может произойти только в результате внешнего принуждения, которое, однако, не может быть в нем ни активным, ни пассивным. Равным образом невозможно, чтобы вне неба было простое движущееся тело, имеющее прямолинейное движение. Будь оно тяжелым или легким телом, оно по своей природе не может быть там, принимая во внимание, что места этих простых тел отличаются от мест, находящихся вне мира. Но оно не может быть там и случайно, ибо тогда там должны были бы находиться другие тела, как в своих естественных местах. Но поскольку доказано, что нет других простых тел кроме тех, которые входят в состав этого мира и которые движутся согласно трем видам местного движения, то из этого вытекает, что вне мира нет другого простого тела. Но если так, то невозможно также, чтобы там было какое-либо сложное тело, ибо

такое составляется из простых тел и на простые тела разлагается. Таким образом, совершенно очевидно, что не имеется многих миров, ибо небо единственно, совершенно и конечно и нет и не может быть другого неба, ему подобного. Отсюда вытекает, что вне этого тела не может быть ни пространства, ни полного, ни пустого, ни времени. Там не может быть пространства полного, ибо в таком случае оно должно было бы содержать либо простое тело, либо сложное; но мы уже сказали, что вне неба нет ни простого, ни сложного тела. Там не может быть пустоты, ибо, согласно определению, которое гласит, что пустота есть пространство, в котором может находиться тело, там могли бы быть тела; между тем мы доказали, что вне неба не может быть тела. Там не может быть времени, ибо время есть число движения, движение же присуще только телу; но где нет тела, там нет движения, там нет ни числа, ни меры движения, а где нет последней, там нет и времени. А мы доказали, что вне мира нет тела, следовательно, нами также доказано, что там нет ни движения, ни времени. А если так, то там нет ни временного, ни подвижного и, следовательно, мир — один».

Во-вторых, из единства Движущего Начала главным образом выводится единство мира. Общепризнано, что круговое движение есть действительно единое, однообразие без начала и конца. А если оно единое, то оно может быть лишь действием, проистекающим от единой Причины. Но если есть только одно Первое Небо, под которым находятся и которому соподчинены все другие небеса, то необходимо, чтобы был единый Правитель и Двигатель. Этот последний, будучи нематериальным, не может быть численно умножен посредством материи. Но если Двигатель один, и один Двигатель может дать только одно движение, и одно движение (будь оно сложное или. несложное) может быть присуще только одному подвижному телу — простому или сложному, — то отсюда вытекает, что подвижная вселенная — одна. Следовательно, нет больше миров.

В-третьих, преимущественно рассматривая места подвижных тел, мы приходим к заключению, что мир — один. Имеются три вида подвижных тел: тяжелые вообще, легкие вообще и нейтральные, то есть земля и вода, воздух и огонь и небо. Точно так же существует три рода мест подвижных тел: низшее и срединное место, куда направляется наиболее тяжелое тело; высшее — наиболее отдаленное от низшего; и среднее место между низшим и высшим. Первое место — тяжелое, второе — не тяжелое, не легкое, третье — легкое. Первое принадлежит центру, второе — окружности, третье — пространству между тем и другим. Таким образом, есть нижнее место, к которому движутся все тяжелые тела, в каком бы мире они ни находились; есть высшее место, к которому устремляются все легкие тела, к какому бы миру они ни принадлежали. Следовательно, есть одно место, в котором движется небо какого бы то ни было мира. Но если есть одно такое место, то существует только один, а не много миров.

В-четвертых, предположим, что существует множество центров, к которым движутся тяжелые тела различных миров, и что имеется множество горизонтов, к которым устремляются легкие тела; предположим, что эти места различных миров

отличаются не по виду, а только по числу. Тогда отсюда будет следовать, что один центр будет более удален от другого центра, чем от горизонта. Но центры совпадают по своему виду, в то время как центр и горизонт противоположны. Следовательно, получится так, что местное расстояние между совпадающими по виду центрами будет больше, чем между противоположностями. А это противоречит природе противоположностей. Ибо когда говорится, что первые противоположности больше всего отдалены друг от друга, то под этим главным образом подразумевается пространственное удаление, которое должно иметь место между чувственно воспринимаемыми противоположностями. Итак, вы видите, что получается, когда мы допускаем множественность миров. Следовательно, такая гипотеза не только ложна, но даже невозможна.

В-пятых, если есть множество миров, сходных по виду, то они должны и в количественном отношении быть либо равны, либо пропорциональны (что сводится к одному и тому же). Но если так, то не может быть больше шести миров, смежных этому миру, ибо без взаимного проникновения могут граничить друг с другом не более шести шаров, точно так же как не более шести равных окружностей могут касаться друг друга без взаимного пересечения (см. рис. 2).

Отсюда следует, что поскольку шесть внешних миров касаются нашего мира в шести пунктах, столько же будет и горизонтов вокруг одного общего центрального пункта. Но так как сила двух первых противоположностей должна быть одинакова, а при этом рис. 2 допущении получается неравенство, то вы должны будете признать высшие элементы более сильными, чем низшие. Но в таком случае высшие элементы победят низшие, и вся масса нашего мира разложится.

В-шестых, поскольку круги различных миров касаются друг друга только в одной точке, то из этого с необходимостью вытекает, что между выпуклостями соседних кругов остается пространство. Это пространство либо заполнено чем-нибудь, либо ничем. Если там что-нибудь есть, то оно, конечно, не может иметь ту природу, которую имеет элемент, удаленный от выпуклости окружности, ибо, как это видно, такое пространство имеет форму треугольника, ограничено тремя дугowymi линиями, составляющими часть окружностей трех миров; центр, как это вполне очевидно, более удален от частей, прилежащих к углам, и наиболее удален от углов. Чтобы заполнить это пространство, необходимо, следовательно, измыслить новые элементы и новый мир, отличающиеся по своей природе от элементов этого мира. Или же следует предположить пустоту, что мы считаем невозможным.

В-седьмых, если есть еще миры, они либо конечны, либо бесконечны. Если они бесконечны, то эта бесконечность должна быть актуальной, что по многим основаниям считается невозможным. Если же количество миров конечно, то должно быть определенное число миров, но тогда нужно исследовать, почему именно их столько, а не больше или меньше, почему нет еще других миров, что является причиной того, почему одних миров больше, чем других, равны они или не равны между собою и почему они отличаются между собой или почему вся эта

материя, которая разделена на много миров, не сконцентрировалась в одном мире, ибо при прочих равных условиях единство ведь лучше множества; почему материя, которая распределена между четырьмя, шестью или десятью землями, не представляет собой одного большого, совершенного и единственного шара. Итак, подобно тому как, исходя из соображений о возможном и невозможном, необходимо признать скорее конечное число миров, чем бесконечное, так, исходя из принципов соответствия и несоответствия, более разумно и более соответствует природе единство, чем множество или многочисленность .

В-восьмых⁶⁵, мы видим, что природа соблюдает равновесие во всех явлениях. Поэтому нигде мы не находим ни недостатка в необходимом, ни избытка в отношении излишнего. Полагая, далее, что все может быть осуществлено в действительности посредством тех действий, которые имеют место в нашем мире, нет никаких оснований выдумывать, что существуют еще и другие миры.

В-девятых, если бы существовало бесконечное число миров или больше чем один, то это больше всего было бы потому, что Бог может их создать, или же оттого, что они могут зависеть от Бога. Но если это даже в высшей степени истинно, то из этого не следует, что именно так и было. Ибо помимо активной потенции Бога необходима еще пассивная потенция вещей. И от абсолютной Божественной Потенции не зависит то, что может быть произведено природой. Не каждая активная потенция превращается в пассивную, а только та, которой соответствует пропорциональное страдательное начало, то есть объект, способный воспринять всю активность Действующего Начала. И в таком случае нет соответствия между какой-либо причиненной вещью и первопричиной. Поскольку, следовательно, это зависит от природы мира, не может быть больше миров, чем один, хотя Бог мог сделать больше чем один мир.

В-десятых, множественность миров противоречит доводам разума еще и потому, что в этом случае не имела бы места гражданская добродетель, заключающаяся в гражданском общении. Создав много миров, боги поступили бы нехорошо, не давая возможности обитателям различных миров поддерживать взаимоотношения.

В-одиннадцатых, в случае множественности миров боги, или двигатели миров, мешали бы друг другу; ибо поскольку необходимо, чтобы сферы соприкасались в одном пункте, постольку получилось бы то, что одна сфера не могла бы двигаться против другой и богам было бы очень трудно управлять движением мира.

В-двенадцатых, от одного индивидуума может произойти множество индивидуумов только посредством такого действия, при котором природа умножается делением материи, а это есть не что иное, как порождение. Это утверждает Аристотель вместе со всеми перипатетиками. Множество индивидуумов одного и того же вида может произойти не иначе, как путем порождения. Но те, кто утверждает, что имеются еще миры той же самой материи

и видовой формы, не говорят, что один превращается в другой или что один порождает другой.

В-тринадцатых, совершенство не терпит никакого добавления. Если, следовательно, этот мир совершенен, то, очевидно, не требуется, чтобы к нему был присоединен другой мир. Мир прежде всего совершенен как вид непрерывного, который не ограничивается другим видом непрерывного, ибо неделимая точка производит своим математическим движением линию, являющуюся одним видом непрерывного, линия производит поверхность, которая является другим видом непрерывного, а поверхность производит тело — третий вид непрерывного. Тело уже не переходит в другой вид непрерывного, но если оно есть часть вселенной, то граничит с другим телом, а если оно есть сама вселенная, то оно совершенно и ограничивается самим собою. Следовательно, мир и вселенная — одно и то же, если мир должен быть совершенен.

Таковы те тринадцать аргументов, которые я счел нужным вам сейчас привести. Если вы мне дадите удовлетворительный ответ на эти вопросы, то я буду считать себя удовлетворенным во всех отношениях.

Филотей. Само собою разумеется, мой Альбертин, что если кто-нибудь стремится защищать выдвигаемые им положения, то он должен прежде всего, если он не лишен ума, рассмотреть противоположаемые доводы, ибо глуп тот солдат, который, имея своей задачей защищать занимаемую им цитадель, не исследует обстоятельства и место, из которого может произойти нападение. Аргументы, которые вы приводите (если только это аргументы), достаточно известны и повторяются очень много раз. Все они могут быть решительно опровергнуты, если только, с одной стороны, рассмотреть их основания, а с другой стороны — характер наших утверждений. Первое и второе вам станет ясно в порядке моих ответов, которые не будут многословны, если же понадобятся еще и дополнительные заявления и пояснения, то я предоставляю сделать это Эльпину, который расскажет вам то, что он слышал от меня.

Альбертин. Но сумейте сначала убедить меня в том, что все то, что вы скажете, будет для меня полезно и принесет мне удовлетворение, что мне не будет неприятно выслушать сначала вас, а потом его.

Филотей. Образованным и рассудительным людям, к которым я вас причисляю, достаточно указать только основной пункт спора, и, исходя из него, они затем смогут сами составить себе более глубоко обоснованное суждение, если будут переходить от одного положения к другому, ему противоречащему или противоположному. Что касается вашего первого сомнения, то я по поводу него должен возразить, что все это сооружение рушится, как только мы отвергнем эти различия между шарами и небесами и примем, что звезды в этом безмерном эфирном пространстве движутся в силу внутреннего принципа вокруг собственных центров или вокруг центра какого-либо другого тела. Не существует Первого

Движимого, которое действительно увлекает столько тел и заставляет их вращаться вокруг центра Земли; скорее, наоборот, этот шар является причиной кажущегося вращения. Все же доводы, обосновывающие это положение, вам приведет Эльпин.

Альбертин. Я их охотно выслушаю.

Филотей. Когда вы все выслушаете и поймете, что воззрения Аристотеля противоречат природе, наши же взгляды отвечают требованиям разума и поддаются чувственной и естественной проверке, то вы не станете утверждать, что имеется внешний край и предел тела Вселенной и ее движения; вы будете считать мнение о существовании какого-то Первого Движимого и какого-то высшего и охватывающего все Неба не более как пустой фантазией; вы тогда поймете, что имеется всеобщее Лоно, в котором другие миры существуют наподобие этого Земного шара в этом пространстве, где они окружены эфиром, не будучи пригвожденными или же прикрепленными к другому телу и не имея другого опорного пункта, кроме собственного центра. И когда станет ясно, что этот мир не может иметь иной природы, не находится в иных условиях и не обнаруживает других свойств, чем окружающие звезды, то не будет оснований считать, что скорее он, а не другие звезды, находится в центре Вселенной и что скорее они вращаются вокруг него, чем он вокруг них. И, исходя, наконец, из единообразия природы, мы должны сделать вывод о несуществовании кругов-деферентов, о природе и силе движущей души, толкающей изнутри эти шары, о единообразии обширного пространства вселенной и о невозможности существования краев и определенных внешних очертаний последней.

Альбертин. Это действительно не противоречит природе и, может быть, даже в наибольшей мере ей соответствует. Но очень трудно привести доказательства, и требуется весьма большое остроумие, чтобы опровергнуть доводы противников.

Филотей. Нужно найти главную нить, и тогда уже очень легко распутать весь клубок. Вся трудность проистекает от одного неприемлемого предположения, а именно от мнения, что Земля обладает тяжестью и неподвижностью и что существует Первое Движимое наряду с другими — семью, восемью, девятью или больше — кругами, в которые помещены и включены звезды, на которых они насажены, запечатлены, примазаны, пригвождены, привязаны, приклеены, изваяны скульптурой или изображены живописью; причем они не находятся в одном и том же пространстве со звездой, называемой нами Землей; но на самом деле, наоборот, Земля находится в той же области, имеет такую же форму, состоит из таких же элементов и движется таким же внутренним принципом, как и другие одушевленные и божественные звезды.

Альбертин. Конечно, как только я схвачу главную мысль, я легко пойму все другие положения, которые вы выдвинете; в то же время вы вырвете корни одной философии и посадите на ее место другую.

Филотей. Вы опровергнете разумом точку зрения вульгарного здравого смысла, который утверждает, что имеется горний, возвышеннейший и благороднейший горизонт, сопредельный с неподвижными божественными сущностями, движущими эти мнимые круги. Вместе с тем вы должны будете признать, по крайней мере, столь же вероятным то, что звезды, подобно Земле, суть живые существа, движущиеся и вращающиеся в силу внутреннего принципа. Вы убедитесь также в том, что та точка зрения, согласно которой звезды приводятся в движение телом, не имеющим никакой стойкости и сопротивления и еще более тонким и разреженным, чем воздух, которым мы дышим, не может быть доказана опытом и является чистой фантазией. Наше же мнение соответствует упорядоченному опыту и основано на разуме. Вы также не будете больше считать правдоподобным то, что звезды прикреплены к воображаемым сферам с выпуклой и вогнутой поверхностями, вместе с которыми они движутся; вы найдете, что в соответствии с требованиями нашего разума и сообразно с природой одни звезды, не боясь упасть вниз в бесконечность или же подняться в бесконечную высь (ибо в безмерном пространстве нет различия верха и низа, правого и левого, переднего и заднего), совершают по отношению к другим круговые движения благодаря тому, что они одарены жизнью и обладают определенным составом, как вы узнаете в свое время. Вы увидите, что эта воображаемая поверхность неба может быть простым или сложным телом, движущимся прямолинейно; ибо, подобно частям нашего шара, части других тел также могут двигаться прямолинейно; ибо Земля составлена из таких же элементов, что и другие окружающие тела, и в такой же степени можно принять, что другие тела движутся вокруг Земли, как и то, что Земля движется вокруг них.

Альбертин. Теперь я замечаю больше, чем когда-либо, как самая маленькая ошибка в начале рассуждения бывает причиной величайших расхождений, опасностей и ошибок в конце его; одно простое недоразумение мало-помалу размножается в бесчисленное множество других, подобно тому как маленький корень развивается в бесчисленное множество крупных ветвей. Но клянусь жизнью, Филотей, я бы очень желал, чтобы ты мне доказал те положения, которые ты выставил, и чтобы то, что я считаю ценным и правдоподобным, мне было доказано как истинное.

Филотей. Я это сделаю, насколько мне позволят обстоятельства времени, предлагая на ваше рассмотрение вещи, которые до сих пор были скрыты от вас не вследствие вашей неспособности, а вследствие вашей неосведомленности.

Альбертин. Приведите мне все в форме тезисов и умозаключений, ибо я знаю, что вы, прежде чем дошли до теперешних взглядов, имели возможность основательно изучить силы противников. Я уверен, что вам открыты тайны общепринятой философии не в меньшей степени, чем мне. Продолжайте.

Филотей. Итак, совершенно не нужно допытываться, существуют ли вне неба пространство, пустота и время, потому что единым является всеобщее место,

единым — безмерное пространство, которое мы можем свободно называть пустотой; в нем находится бесчисленное множество шаров, подобных тому, на котором мы живем и прозябаем. Это пространство мы называем бесконечным, потому что нет основания, расчета, возможности, смысла или природы, которые должны были бы его ограничить; в нем находится бесконечное множество миров, подобных нашему, не отличающихся от него по роду, так как нет основания и недостатка в силах природы, как в пассивной способности, так и в активной, благодаря которым их не было бы во всяком другом пространстве, не отличающемся от нашего по природе, подобно тому как они существуют в пространстве, окружающем нас.

Альбертин. Если то, что вы говорили раньше, верно, то, ввиду того что оно не менее правдоподобно, чем противоположное ему допущение, оно вытекает с необходимостью.

Филотей. За воображаемой окружностью и выпуклостью мира существует, следовательно, время, так как там есть мера и основание движения и существуют подвижные тела. Это возражение относится к первому положению, выставленному вами относительно единства мира.

Что касается вашего второго положения, то я утверждаю, что на самом деле существует первый и главный Двигатель, но он является им не в том смысле, чтобы, спускаясь от него по ступеням, второй, третьей и следующим, можно было, считая, спуститься от него к среднему и последнему; я считаю, что таких двигателей нет и не может быть, ибо там, где существует бесконечное число, там нет ступеней и численного порядка, хотя бы и существовали известные степени и разряды, согласно отношению и достоинству, или различию родов и видов, или различию ступеней в том же роде и виде. Существует, следовательно, бесконечное множество двигателей, точно так же как бесконечное множество душ этих сфер, которые являются формами и внутренними актами, и по отношению к ним существует Властитель, от которого они все зависят, первый, который сообщает движущую силу духам, душам, богам, божествам, двигателям и сообщает движение материи, телу, одушевленному, низшей природе, подвижному. Существует, следовательно, бесконечное множество двигателей и движущихся тел, которые все сводятся к активному и пассивному принципу,⁶⁶ подобно тому как всякое число сводится к единице; бесконечное число и единица совпадают, точно так же как совпадают в Едином высшее Активное Начало, имеющее возможность делать все, с тем, что может стать всем, как это было показано в конце книги «О Причине, Начале и Едином». Согласно числу, следовательно, и множеству, существует Бесконечное Подвижное и Бесконечное Движущее; но, согласно единству и единичности, существует бесконечный подвижный Двигатель, бесконечная неподвижная Вселенная, и это бесконечное число и величина совпадают с бесконечной единицей и простотой в одно простейшее индивидуальное Начало, Истинное, Сущее. Нет, таким образом, первого движимого, за которым в известном порядке следовало бы второе, а затем и

последнее, и даже до бесконечности; но все подвижные тела одинаково близки к первому или же далеки от первого и всеобщего Двигателя. Подобно этому в логическом смысле все виды имеют одинаковое отношение к тому же роду, а все индивидуумы — к виду; таким образом, всеобщий Бесконечный Двигатель в бесконечном пространстве производит всеобщее бесконечное движение, от которого зависят бесконечные двигатели и движущиеся тела, из которых каждый имеет конечные размеры как по объему, так и по деятельности.

Что касается третьего аргумента, то я утверждаю, что в эфирном поле нет какого-либо определенного пункта, к которому как к середине двигались бы тяжелые тела и от которого удалялись бы легкие тела по направлению к окружности; ибо во Вселенной нет середины и нет окружности; или, если хочешь, повсюду есть середина и каждую точку можно принимать за часть окружности по отношению к какой-либо другой середине или центру. Что касается нас, то мы называем тяжелым то, что от окружности этого шара движется к середине, легким же то, что движется в обратном направлении; и мы увидим, что на самом деле нет ничего тяжелого, что не было бы в то же время легким, так как все части Земли последовательно меняют свое место, положение и состав и в течение длинного ряда столетий всякая центральная часть перемещается к окружности, а всякая часть, находящаяся на окружности, перемещается к центру. Мы увидим, что тяжесть или легкость суть не что иное, как стремление частей тел к собственному месту, содержащему и сохраняющему их, где бы оно ни было, и что они перемещаются не вследствие различий в местоположении, но вследствие стремления к самосохранению, каковое в качестве внутреннего принципа толкает каждую вещь и ведет ее, если нет внешних препятствий, туда, где она лучше всего избегает противоположного и присоединяется к подходящему. Таким образом, части, находящиеся на окружности Луны и других миров, подобных нашему по роду и виду, стремятся к середине шара, как будто вследствие силы тяжести, и, наоборот, тонкие части удаляются к окружности, как будто вследствие силы легкости. Но на самом деле они удаляются от окружности или приближаются к ней не по этой причине; ибо если бы дело происходило таким образом, то чем больше части приближались бы к окружности, тем скорее и быстрее они убегали бы, и, наоборот, чем больше они удалялись бы от нее, тем сильнее стремились бы к противоположному месту. Но мы наблюдаем противоположное этому явление, когда тела, находящиеся за пределами земной области, остаются свободно висеть в воздухе, не поднимаясь вверх и не спускаясь вниз, до тех пор пока не приобретут большей тяжести вследствие присоединения частей или сгущения от холода, — и в таком случае они, раздвигая нижележащий воздух, возвращаются к своему составу, или же, разлагаясь и утончаясь от жары, рассыпаются в атомы.

Альбертин. Я бы это понял еще лучше, если бы вы мне показали более подробно неотличимость звезд от этого Земного шара.

Филотей. Это вам легко объяснит Эльпин, соответственно тому, что он слышал от меня. И он вам покажет более подробно, что всякое тело является тяжелым или

легким не по отношению к областям вселенной, но по отношению частей к своему целому, содержащему и сохраняющему их. Звезды, стремясь сохранить свое настоящее состояние, движутся в различных направлениях и соединяются друг с другом, подобно каплям в море, или же разъединяются, подобно всем жидкостям, под влиянием Солнца или же других огней. Ибо всякое природное движение, которое происходит вследствие внутреннего принципа, существует лишь для того, чтобы удалиться от несоответствующего и противоположного и приблизиться к дружественному и соответствующему.⁶⁷ Ибо ничто не движется со своего места, если только оно не изгоняется противоположным; и на своем месте ничто не бывает легким или тяжелым, но земля, поднятая в воздух, стремясь к своему месту, становится тяжелой и чувствует себя тяжелой. Таким же образом вода, поднятая в воздух, становится тяжелой, но она не имеет тяжести в своем собственном месте. Так, для тел, погруженных в воду, она не имеет тяжести, в то время как небольшая ваза, наполненная водой, будучи вытащена из воды, становится тяжелой. Голова не имеет тяжести по отношению к своему собственному туловищу, но голова другого, помещенная на нем, будет обладать тяжестью; причина этого та, что она будет находиться не на своем природном месте. Если, таким образом, тяжесть или легкость есть стремление к сохраняющему месту и бегство от противоположного, то ничто, помещенное в своем месте, не бывает тяжелым или легким; также ничто, удаленное от своего сохраняющего места или от противоположного ему, не становится тяжелым или легким до тех пор, пока не почувствует пользы от одного или отвращения к другому; но, если, чувствуя отвращение к одному, оно в то же время испытывает чувство смятения, смущения и нерешительности по отношению к противоположному, в таком случае оно побеждается первым.

Альбертин. Вы обещаете великое, и вы большею частью выполняете обещанное.

Филотей. Чтобы не повторять два раза то же самое, я предоставляю Эльпину объяснить вам остальное.

Альбертин. Мне кажется, что я все понимаю, ибо одно сомнение возбуждает другое, одна истина доказывает другую; и я начинаю понимать больше, чем могу объяснить; до сих пор я считал достоверными многие вещи, в которых теперь начинаю сомневаться. Вот почему я чувствую, что все легче начинаю соглашаться с вами.

Филотей. Когда вы меня поймете вполне, вы во всем со мною согласитесь. Пока же держитесь вновь усвоенного или, по крайней мере, не поддерживайте столь решительно противоположного мнения, как вы это делали перед вступлением в спор. Ибо понемногу и по различным поводам мы объясним полностью все то, что относится к нашему предложению. Оно покоится на многих основаниях и причинах; ибо подобно тому как заблуждение влечет за собой другое заблуждение, так и новая истина следует за открытой истиной.

Что касается четвертого аргумента, то мы говорим, что поскольку существует столько центров, сколько существует индивидуумов, шаров, сфер, миров, то отсюда не следует, чтобы части какого-либо тела относились к другому центру, а не к своему собственному, или удалялись к другой окружности за пределами своей собственной. Таким образом, части этой Земли не стремятся к другому центру и не пытаются соединиться с другим шаром, подобно тому как соки и части животного имеют свои приливы и отливы в его собственном теле и не имеют никакого отношения к другому телу, отличному от него по числу.

Относительно того, что вы считаете неправильным, чтобы середина, которая согласуется с другой серединой по виду, была от нее дальше, чем середина и окружность, которые по своей природе противоположны, почему и должны быть наиболее удалены друг от друга, я вам отвечу, во-первых, что противоположности не должны быть наиболее удалены друг от друга, но лишь настолько, чтобы одна могла действовать на другую, а та претерпевать действие первой; так и на Солнце мы видим, что ближе всего к нам расположены те его земли, которые находятся на его окружности; да и порядок всей природы показывает, что одна противоположность существует, живет и питается другою, в то время как та претерпевает действие, изменяется, побеждается и превращается в другую.

Кроме того, мы недавно обсуждали с Эльпином вопрос о расположении четырех элементов, которые все необходимы для состава каждого шара в качестве частей, из коих одна расположена внутри другой или смешана с нею; но они не отличаются друг от друга, как объемлющее и объемлемое, ибо там, где имеется сухое, там же существуют вода, воздух и огонь в явном или скрытом виде; таким образом, различие, которое мы делаем между шарами, из коих одни огненные, вроде Солнца, другие же водянистые, вроде Луны и Земли, происходит не оттого, что они состоят из простого элемента, а оттого, что один элемент преобладает в их составе.

А затем совершенно неправильно, будто бы противоположности наиболее удалены друг от друга, ибо во всех вещах они по своей природе связаны и объединены; и вселенная, как относительно своих главных частей, так и относительно второстепенных, состоит только из подобной связи и соединения противоположностей, так что нет ни одной части земли, которая не была бы самым тесным образом связана с водою, без которой нет плотности, соединения атомов и прочности. Кроме того, какое земное тело настолько плотно, чтобы оно не имело невидимых пор, без которых тела были бы неделимы и не проникал бы в них огонь или жар, являющиеся чувственными телами, отделяющимися от предметов? Где, следовательно, находятся части твоего холодного и сухого тела, которые не были бы соединены с теплым и влажным телом? Деление элементов, следовательно, носит чисто логический характер, а не реальный; если Солнце находится в области, отдаленной от земной области, то это не значит, что от него воздух, земля и вода более отдалены, чем от нашей Земли; потому что оно — такое же сложное тело, как и наша Земля, хотя из четырех элементов на Солнце преобладает один элемент,

а у нас другой. Кроме того, если мы полагаем, что природа должна соответствовать этой логике, которая считает, что между противоположностями существует наибольшее расстояние, то отсюда следовало бы, что между твоим огнем, который легок, и землей, которая тяжела, должно быть расположено твое небо, которое не тяжело и не легко. Если же ты скажешь, что это относится только к четырем основным элементам, то их пришлось бы расставить в другом порядке. Я хочу сказать, что вода должна была бы находиться в центре и быть местом, куда стремится все наиболее тяжелое, если огонь находится на окружности и является тем местом, куда стремится все наиболее легкое; потому что вода, которая холодна и влажна и в этом смысле противоположна огню, согласно обоим качествам должна быть наиболее удалена от горячего и сухого элемента; воздух же, теплый и влажный, должен быть наиболее удален от холодной и сухой земли. Вы видите, следовательно, насколько непоследовательно это предложение перипатетиков, все равно, будете ли вы его рассматривать по отношению к природе или же согласно их собственным принципам и основоположениям.

Альбертин. Я это вижу и очень ясно.

Филотей. Вы видите еще, что не противоречит разуму наша философия, которая все сводит к одному принципу и к одной цели и заставляет совпадать противоположности таким образом, что существует общий носитель обоих; мы считаем, что эта противоположность в конечном счете служит основанием божественного изречения, что противоположности существуют в противоположностях, откуда нетрудно узнать, каким образом каждая вещь происходит из каждой вещи; но это не сумели понять Аристотель и другие софисты.

Альбертин. Я вас слушаю с удовольствием. Я знаю, что такие многочисленные и столь различные заключения не могут быть доказаны сразу и все вместе; но, после того как вы мне доказали трудности в делах, которые я считал правильными, я стал сомневаться во всех остальных, которые я считал верными по тем же соображениям. Вот почему я теперь готов выслушать внимательно и без возражений ваши основания, принципы и рассуждения.

Эльпин. Вы увидите, что философия Аристотеля не являлась золотым веком ее. Теперь разрешаются возбужденные вами сомнения.

Альбертин. Меня не очень интересуют остальные пункты, ибо я жажду понять основные принципы вашей доктрины; если я их пойму, то сумею разрешить остальные сомнения, возникающие из них.

Филотей. Об этом мы будем рассуждать после. Что касается пятого аргумента, то вы должны обратить внимание, что если мы будем воображать бесконечное множество миров, расположенных согласно тем отношениям состава, которые вы воображаете, то есть общепринятых четырех земных элементов, и еще будем

воображать восемь, девять или десять других небес, составленных из другой материи и обладающих другой природой, окружающих эту Землю и быстро движущихся вокруг нее по кругам, если кроме этого мира, так устроенного, имеющего сферическую форму, будем принимать множество подобных же сферических и подвижных миров, то в таком случае мы должны будем ответить и вообразить, каким образом каждый из них является продолжением другого и соприкасается с ним; тогда мы сможем в своей фантазии представить, во скольких пунктах окружности может быть касание находящихся вокруг миров. Тогда вы увидите, что сколько бы ни было горизонтов вокруг одного мира, они уже не будут горизонтами одного мира, но каждый имел бы такое отношение к своей середине, какое другой имеет к своей, потому что они влияют лишь на те тела, вокруг которых они кружатся и вращаются. Подобно этому если бы несколько животных касались друг друга и были тесно прижаты один к другому, то из этого не вытекало бы, что члены одного принадлежат к членам другого и что каждое из них может обладать несколькими головами и туловищами. Но мы, благодарение богам, не должны в своих затруднениях искать подобного жалкого выхода; ибо вместо стольких небес и стольких подвижных тел, быстрых и медленных, движущихся по прямому и косому направлениям, к востоку и к западу, по оси мира и по оси Зодиака, туда и сюда, уклоняющихся в той или иной степени, мы имеем одно небо, одно пространство, в котором движутся по своим собственным кругам и путям как та звезда, на которой мы обитаем, так и все другие звезды. Они и суть бесконечное множество миров, то есть неисчислимое количество звезд; это и есть бесконечное пространство, то есть небо, содержащее их и распростертое над ними. Уничтожается фантастическое представление о всеобщем движении всех небесных тел вокруг центра Земли, потому что становится ясным, что Земля вращается вокруг своего собственного центра и обзревает окружающие светила в 24 часа. Уничтожается окружающий нашу земную область ряд кругов-деферентов, к которым прикреплены звезды; но каждому солнцу присваивается свое собственное движение, которое мы называем эпициклическим, со своими различиями от движения других звезд; движутся же эти солнца в течение долгих веков, если не вечно, побуждаемые не внешним двигателем, а своей собственной душой, подобно тому как наше Солнце движется вокруг своего центра и вокруг элемента огня.

Вот каковы, следовательно, миры и вот каково небо, то самое небо, которое мы видим вокруг нашего шара, который не менее других является великолепной светящейся звездой. Миры же, как они нам кажутся, различаются по блеску и свету и расположены на известных расстояниях друг от друга; и ни один из них не ближе к другому, чем Луна к Земле или Земля к Солнцу; так что противоположность не разрушает другую, но питает ее, а подобное не мешает другому, но уступает ему место. Таким образом, в известных пропорциях, в известных промежутках времени этот наш наихолоднейший шар греется на Солнце той или иной стороной, тем или другим своим ликом; и с известными переменами он уступает место соседней земле, которую мы называем Луной, или заставляет ее уступить место ему, в то

время как одно или другое из этих тел становится дальше от Солнца или ближе к нему, почему Тимей и другие пифагорейцы называли Луну Противоземлей.

На этих мирах обитают живые существа, которые возделывают их, сами же эти миры — самые первые и наиболее божественные живые существа вселенной; и каждый из них точно так же составлен из четырех элементов, как и тот мир, в котором мы находимся, с тем только отличием, что в одних преобладает одно активное качество, в других же — другое, почему одни чувствительны к воде, другие же к огню. Кроме четырех элементов, из которых составлены миры, существует еще эфирная область, как мы говорили, безмерная, в которой все движется, живет и прозябает. Этот эфир содержит всякую вещь и проникает в нее; поскольку он содержится внутри состава, то есть составляет часть сложного, он называется обычно воздухом, который есть этот пар вокруг вод и внутри земли, заключенный между высочайшими горами, способный образовать густые тучи и бурные южные и северные ветры. Поскольку же он чист и не составляет части сложного, но есть то место, в котором содержатся и движутся мировые тела, он называется эфиром в собственном смысле слова, берущем свое наименование от движения⁶⁸. Этот эфир, хотя он по своей сущности ничем не отличается от того, который находится внутри земли, тем не менее носит другое название, подобно тому как тот, который окружает нас, называется воздухом; тот же, который в известном смысле составляет нашу часть, входя в состав нашего тела или находясь в легких, артериях и других углублениях и порах, называется дыханием. Тот же эфир вокруг холодного тела сгущается в пар, вокруг же очень горячей звезды утончается как бы в пламя, которое невидимо, если не соединяется с плотным телом, зажженным от сильного жара звезды. Таким образом, эфир сам по себе и по своей собственной природе не имеет определенных качеств, но получает их все от соседних тел и переносит их от активных принципов в своем движении вдоль горизонта. Таким образом, мы показали, каковы миры и каково небо, и я думаю, что вы освободились не только от своих настоящих сомнений, но и от бесчисленного множества других и получили принцип для многих правильных умозаключений в области физики. Я предоставляю вам решить, не находите ли вы некоторые мои предположения недоказанными; однако я думаю, что если вы их беспристрастно рассмотрите, то вы найдете, что впредь до открытия абсолютно истинных они все же гораздо более правдоподобны, чем противоположное мнение.

Альбертин. Продолжай дальше, Филотей, я тебя слушаю.

Филотей. Таким образом, мы ответили также на шестой аргумент, который по поводу касания различных миров в одной точке спрашивает, какая вещь могла бы заключаться в этих треугольных пространствах, которая не имела бы природы ни неба, ни элементов. Ибо мы имеем одно небо, в котором миры занимают свои пространства, области и расстояния; оно простирается по всему, проникает во все и содержит все, соприкасается со всем и не оставляет ни одного пустого места, если только то место, по которому движется все, и пространство, по которому пробегает все, тебе не угодно будет называть пустотой, как это делают многие, или же

первым субстратом, который подразумевается в этой пустоте, поскольку он не занимает места ни в какой части (если тебе угодно будет отличать его разумом в чисто логическом или отрицательном смысле — но не по природе и сущности — от тела и бытия). Так что нет ничего, что не находилось бы в конечном или бесконечном месте, будь оно телесное или бестелесное, согласно своему целому или частям; это бесконечное место есть не что иное, как пространство, а пространство — не что иное, как пустота, которую, если мы желаем понимать ее как устойчивую вещь, мы называем эфирным полем, содержащим миры; если же мы желаем понимать ее как плотную вещь, то называем пространством, содержащим эфирное поле и миры и не заключающимся в другом. Таким образом, нам нет нужды измышлять новые элементы и миры, в противоположность тем людям, которые по малейшему поводу начинают измышлять круги-деференты, божественные материи, редкие и плотные части, обладающие небесной природой, пятые сущности и другие фантастические названия, лишённые всякого содержания и истины.

По поводу седьмого аргумента мы говорим, что бесконечная вселенная одна, непрерывна и составлена из эфирных областей и миров, но что имеется бесконечное множество миров, которые постигаются и находятся в различных областях вселенной, согласно тем же основаниям, по которым наш мир постигается и находится в ее определенной области. Об этом мы говорили недавно с Эльпином, доказывая и подтверждая то, что говорили Демокрит, Эпикур и многие другие, созерцавшие природу более открытыми глазами и не оставшиеся глухими к ее настойчивым голосам.

А потому перестань, лишь одной новизны устрашаясь,
Наше ученье умом отвергать, а сначала сужденье
Острым исследуй его и взвесь; и, коль прав окажусь я,
Сдайся, а если неправ, то восстань и его опровергни.
Ведь, коль лежащему вне, за пределами нашего мира,
Нет пространству границ, то стараемся мы доискаться,
Что же находится там, куда мысль устремляется наша
И улетает наш ум, подымаясь в пареньи свободном.
Видим мы, прежде всего, что повсюду, во всех направленьях
С той и с другой стороны, и вверху и внизу у вселенной
Нет предела, как я доказал, как сама очевидность
Громко гласит и как ясно из самой природы пространства.⁶⁹

Мы протестуем против восьмого аргумента, утверждающего, что природа стремится сокращаться. Но на самом деле, поскольку простирается наш опыт относительно больших и малых миров, мы замечаем это не во всех, ибо наш глаз, не видя пределов, побеждается безмерным пространством, представляющимся ему; он смущается и подавляется количеством звезд, которое увеличивается все больше и больше, так что наши чувства остаются в нерешительности, в то время как разум

принуждает нас присоединять пространство к пространству, область к области, мир к миру.

А потому уж никак невозможно считать вероятным,
Чтоб, когда всюду кругом бесконечно пространство зияет
И когда всячески тут семена в этой бездне несутся
В неисчислимом числе, гонимые вечным движеньем,
Чтобы лишь наша земля создалась и одно наше небо...
Так что ты должен признать и за гранями этого мира
Существованье других скоплений материи, сходных
С этим, какое эфир заключает в объятиях жадных.⁷⁰

Очевидность протестует и против девятого аргумента, который предполагает, но не доказывает, что бесконечной активной способности не соответствует бесконечная пассивная способность, что не может быть бесконечной материи и бесконечного пространства; он утверждает, что вследствие этого не может быть никакого соотношения между творцом и действием и деятельностью, что деятель может развить бесконечную деятельность без того, чтобы она была сообщена Природе, — но все это остается недоказанным и содержит в себе открытое противоречие. Хорошо поэтому сказал поэт:

Если же, кроме того, и материя есть в изобилии,
Если есть место и нет ни причины, ни вещи, какая
Ей бы мешала, должны из нее развиваться предметы.
Если к тому же семян количество столь изобильно,
Что и всей жизни никак не хватило б для их исчисления,
Если вещей семена неизменно способна природа
Вместе повсюду сбивать, собирая их тем же порядком,
Как они сплочены здесь, — остается признать неизбежно,
Что во вселенной еще и другие имеются земли,
Да и людей племена и также различные звери.⁷¹

На десятый аргумент мы возразим, что добрая, упорядоченная общность различных миров представляется столь же ненужной, как то, чтобы все люди стали одним человеком или чтобы все животные стали одним животным. Да и опыт показывает нам, что для обитателей этого мира оказалось лучше всего то, что природа разделила различные народы морями и горами, и когда благодаря человеческому искусству было установлено между ними общение, то это оказалось скорее злом, чем благом, так как благодаря этому пороки увеличились гораздо больше, чем добродетели. Об этом прекрасно пишет трагический поэт в своей жалобе.

Хорошо разделенные мира концы
Воедино связал фессалийский корабль
И морю удары терпеть приказал

И к прежним страхам прибавился страх
Пред пучиной морской.⁷²

На одиннадцатый аргумент мы ответим так же, как и на пятый; ведь каждый из миров занимает свое место в эфирном поле таким образом, что ни один не касается и не сталкивается с другим, но они пробегают свои пути и расположены друг от друга на таких расстояниях, что ни один из них не разрушает другого, но они взаимно подкрепляют друг друга.

Двенадцатый аргумент утверждает, что природа размножается и увеличивается лишь путем порождения таким способом, что один индивидуум в качестве родителя производит другого как сына. Мы ответим, что это не является истиной, применимой ко всем явлениям, ибо из одного лишь материала благодаря деятельности одного лишь творца получается множество различных ваз, имеющих бесконечно разнообразные формы и рисунки. Я уже не говорю о том, что при гибели и обновлении какого-либо мира животные, как совершенные, так и несовершенные, первоначально возникают благодаря могуществу сил самой природы, без всякого акта порождения.

Тринадцатый, и последний, аргумент утверждает, что если этот или какой-либо иной мир носит совершенный характер, то это исключает существование других миров. На это я отвечу, что, конечно, не требуется существования других миров для существования и совершенства этого мира, но для того чтобы вселенная сохранила свое существование и совершенствовалась, необходимо бесконечное множество миров. Следовательно, из совершенства одного из миров не следует, чтобы другие миры были менее совершенны; ибо этот мир, подобно другим мирам, и другие миры, подобно этому миру, состоят каждый из своих частей и каждый вместе со своими членами составляет единое целое.

Альбертин. Впредь, Филотей, ни голос толпы, ни негодование черни, ни ропот глупцов, ни презрение сатрапов, ни глупость сумасшедших, ни безумие безрассудных, ни доносы лжецов, ни жалобы злобствующих, ни клеветы завистников не опорочат передо мной твой благородный лик и не заставят меня держаться вдали от твоей божественной беседы. Будь настойчив, мой Филотей, будь настойчив, не теряй мужества, не отступай, если даже огромный и важный сенат глупого невежества при помощи многих козней и ухищрений будет тебе угрожать и попытается разрушить твое божественное предприятие и высокий труд. Будь уверен, что впоследствии все увидят то, что я теперь вижу, и поймут, что так же легко каждому тебя хвалить, как трудно всем обучать тебя. Все, которые не до конца испорчены, с чистой совестью будут иметь о тебе благоприятное мнение, ибо в конце концов каждый бывает научен внутренним учителем души, ибо мы получаем благо духа не откуда-нибудь извне, а из своего собственного духа. И так как в душах у всех имеется известная природная нравственность, которая заседает в высоком трибунале разума и судит о добре и о зле, о свете и о тьме, то из собственных мыслей каждого восстанут в пользу твоего дела вернейшие и

неподкупные свидетели и защитники. Те же, которые не станут твоими друзьями, но останутся равнодушными и, в качестве признанных софистов, будут защищать мрачное невежество и продолжать упорно преследовать тебя, почувствуют в своей собственной совести своего палача и мстителя за тебя; и чем больше они постараются спрятаться от него в тайниках своих мыслей, тем больше он будет их мучить. Подобно адскому червю, вышедшему из жестких волос эвменид, он, увидев, что его планы против тебя разбиты, с яростью кинется на руку или грудь своего собственного несправедливого творца, обрызнет его своим смертельным ядом и, укусив своими острыми зубами, приготовит ему мучительную смерть.

Продолжай знакомить нас с тем, что такое на самом деле небо, что такое на самом деле планеты и другие звезды, чем отличаются одни от других бесконечные миры, каким образом бесконечное пространство не только не невозможно, но даже необходимо, каким образом бесконечное действие соответствует бесконечной причине, каковы истинная субстанция, материя, действие и действующая причина всего, каким образом всякая чувственная и сложная вещь составлена из тех же самых начал и элементов. Сделай для нас убедительным учение о бесконечной вселенной. Разрушь выпуклые и вогнутые поверхности, которые ограничивают изнутри и извне элементы и небеса. Сделай для нас смешными круги-деференты и прикрепленные звезды. Разбей и сбрось на землю с шумом и громом посредством убедительных доводов эти, столь уважаемые слепой толпой, алмазные стены Первого Движимого и Последней Выпуклости. Уничтожь убеждение в том, что Земля является единственным центром. Уничтожь позорную веру в пятую сущность. Подари нам учение, что другие звезды и миры, которые мы видим, составлены точно так же, как и эта наша звезда и мир. Равным образом питай и питай нас своими исследованиями об устройстве бесконечно великих и обширных миров, а также и других, бесконечно меньших. Разбей внешние двигатели вместе с пределами этих небес. Открой нам дверь, через которую мы могли бы видеть неотличимость нашей звезды от остальных звезд. Покажи нам, что в эфире существуют другие миры, подобные нашему. Сделай для нас ясным, что движение всех мировых тел происходит вследствие действия внутренней души, для того чтобы при свете этого созерцания мы могли верными шагами шествовать вперед по пути познания природы.

Филотей. Что ты скажешь, Эльпин, по поводу того, что доктор Буркий не захотел с нами согласиться ни раньше, ни потом?

Эльпин. Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать, для того чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять.

Альбертин. Хотя мне до сих пор еще не удалось увидеть все тело светлой планеты⁷³, тем не менее я могу заметить по разливаемым им лучам, которые проникают через узкие отверстия закрытых окон моего ума, что его свет не

подобен блеску искусственной и софистической лампы, или луны, или другой меньшей звезды. Поэтому я готовлюсь в будущем лучше изучить его.

Филотей. Ваша дружба мне будет очень приятна.

Эльпин. А теперь пойдете к вечерней трапезе.

Конец пяти диалогов о бесконечности, вселенной и мирах

Примечания:

60. Считается, что в образе Альбертина представлено конкретное физическое лицо. По одной из версий, это Альберико Джентиле — итальянский ученый, профессор юриспруденции в Оксфорде. Он был поклонником Томаса Мора и написал продолжение к «Утопии», считался знатоком Аристотеля. Бруно познакомился с Джентиле в Англии и по настоянию последнего читал в Виттенберге лекции о логических сочинениях Аристотеля. Возможно, в лице Альбертина Бруно хотел представить просвещенного собеседника, отстаивающего взгляды Аристотеля, но, убедившись в несостоятельности своих теорий, принявшего учение Бруно.

61. Собственного разума, интеллекта.

62. Изречение Горация «мучаются родами горы, родится смешной мышонок» («О поэтическом искусстве», 139) применяется в ироническом смысле к плохим поэтам, которые после торжественного начала дают очень мало.

63. Ариосто «Неистовый Роланд», 24.

64. Аргументы, излагаемые Альбертином, были приведены Бруно и опровергнуты им в латинском сочинении «О неизмеримом и неисчислимых» (7). Взятые аргументы из сочинений Аристотеля «О небе» (1.9; 1.1; 1.3; 1.8) «Метафизика» (12.8; 12.10) и «Физика» (3.6), а также из трудов некоторых его последователей.

65. В оригинале Бруно называет восьмой аргумент седьмым, таким образом, у него получается двенадцать, а не тринадцать аргументов. Переводчик исправляет нумерацию аргументов.

66. Подробно об этом в диалоге «О Причине, Начале и Едином» о форме и материи как активной и пассивной потенции всего.

67. По-видимому, Бруно разделяет теории симпатии и антипатии в космосе (её

активным сторонником был Парацельс), согласно которому существуют симпатические вещества и существа, которые «притягиваются» друг к другу и образуют своего рода «семьи» или цепочки, в которые могут входить существа от небесных тел и звезд до человека и атомов. По этой теории высказывания, что у каждого человека есть своя звезда или что существуют родственные души, не является нелепостью. Также в космосе существуют и антипатические связи.

68. Такое происхождение слову «эфир» приписывает Платон («Кратил») и Аристотель («О небе», 1.4). По другой версии, «эфир» происходит не от греческого *φω* («бежать»), а от *αἶψα* («зажигать», «гореть», «пылать»).

69. Лукреций Кар «О природе вещей», 2.1040-1051.

70. Лукреций Кар «О природе вещей», 2.1052-1056, 1064-1066.

71. Лукреций Кар «О природе вещей», 2.1067-1076.

72. Сенека «Медея», 398-402.

73. *Тело светлой планеты — иначе солнце разума или интеллекта.* Согласно представлениям Бруно, интеллект одновременно представляет свет, освещающий суть предметов (своего рода внутреннее солнце), и глаз, видящий ее. Для умеющего пользоваться своим интеллектом этот свет более ярок, чем тот, который мы видим физическими глазами. В первом диалоге Эльпин говорит Филотею: «Хотя я и не понял полностью вашего духа, но из света, который он излучает, я замечаю, что он заключает внутри себя Солнце или даже еще более крупное светило».